

КОГДА ЗДЕСЬ БЫЛА МАРНИ

Д Ж О А Н Р О Б И Н С О Н

Номинант
на медаль Карнеги

ПОЧТИ ВЗРОСЛЫЕ КНИГИ

Annotation

Анне не очень-то легко живется на свете. Родителей у нее нет, только «тетушка», миссис Престон. С одноклассниками эта девочка не слишком ладит, ничем особенным не увлекается, кроме разве что грез наяву, – неудивительно, что все вокруг считают Анну странноватой и предпочитают с ней не связываться. Может, с ней и вправду что-то не так? Но поделиться своими сомнениями Анне не с кем – ведь задушевной подруги у нее нет. По крайней мере, не было, до тех пор пока ее не отправили к морю – погостить у старой приятельницы миссис Престон. Там-то Анна и повстречала девочку по имени Марни – свою первую настоящую подругу. С Марни можно делиться секретами, с ней так весело играть в дюнах и ходить по грибы, а живет она в загадочном Болотном Доме, который почему-то сразу показался Анне знакомым... Только иногда Марни вдруг начинает вести себя очень странно, и Анна поневоле думает: «Настоящая ли она?» Если уж на то пошло: настоящая ли сама Анна? И что на самом деле связывает двух непохожих девочек из совершенно разных миров?.. «Когда здесь была Марни» – первое произведение для подростков британской писательницы Джоан Робинсон, автора популярных во всем мире детских книг. Вскоре после выхода в свет роман был номинирован на престижную медаль Карнеги, а в 2014 году всемирно известная студия «Гибли», созданная известнейшим режиссером Хаяо Миядзаки, выпустила на основе книги анимационный фильм «Воспоминания Марни». История дружбы Анны и Марни заняла восемнадцатое место в знаменитом списке из пятидесяти детских книг, которые Хаяо Миядзаки рекомендовал к обязательному прочтению.

-
- [Джоан Робинсон](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)

- [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)
 - [Глава двадцать четвертая](#)
 - [Глава двадцать пятая](#)
 - [Глава двадцать шестая](#)
 - [Глава двадцать седьмая](#)
 - [Глава двадцать восьмая](#)
 - [Глава двадцать девятая](#)
 - [Глава тридцатая](#)
 - [Глава тридцать первая](#)
 - [Глава тридцать вторая](#)
 - [Глава тридцать третья](#)
 - [Глава тридцать четвертая](#)
 - [Глава тридцать пятая](#)
 - [Глава тридцать шестая](#)
 - [Глава тридцать седьмая](#)
 - [Постскриптум](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Джоан Робинсон

Когда здесь была Марни

© М. Семёнова, перевод, 2016

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

Предисловие

Джоан Г. Робинсон родилась в 1910 году – второй ребенок из четверых в адвокатской семье. Ее раннее детство прошло в пригороде Хэмпстед-Гарден^[1]. Она посещала семь разных школ, но экзаменов не сдавала. Джоан всегда хотелось быть книжным иллюстратором. Начало ее карьере положила серия из четырнадцати книжек для малышей. В дальнейшем она стала иллюстрировать книги для ребят постарше. Вышла замуж за Ричарда Дж. Робинсона, коллегу-художника, и впоследствии обрела международную известность благодаря серии книг «Тедди Робинсон», которую начала иллюстрировать и писать в 1953 году. Основой серии послужили «приключения» плюшевого мишки ее дочери Деборы. У самой писательницы в детстве такой игрушки не было.

В 1968 году книга «Когда здесь была Марни» номинировалась на медаль Карнеги. Джоан всегда писала о девочках, страдавших от недостатка любви. О книге «Когда здесь была Марни» она говорила так: «Можно много книг написать, но вашу душу заключает в себе лишь одна из них!»

Глава первая

Анна

Миссис Престон поправила на Анне шляпку. Вид у миссис Престон был по обыкновению озабоченный.

– Веди себя хорошо, – сказала она. – Желаю приятно провести время. Непременно возвращайся здоровой, веселой, подзагоревшей!

Она обняла девочку и поцеловала на прощание. Миссис Престон очень

хотела, чтобы та почувствовала себя защищенной, окруженной заботой и любимой.

Анна, однако, ощущала это ее старание, и оно было ей неприятно – словно какая-то стена воздвигалась между ними. Получалось, что в последний момент вся искренность прощания куда-то улетучивалась. У других детей всякие объятия и поцелуи получались как-то сами собой. Анна знала, что миссис Престон весьма порадовало бы нечто подобное, но не могла ничего с собой поделать. Она лишь стояла, замерев, у открытой двери вагона, держа в руке саквояж и очень стараясь изобразить на лице обычное выражение. Скорей бы тронулся поезд!

Для Анны это, может, и было обычное выражение лица, а вот миссис Престон казалось, что девочка застыла с каменной физиономией. Ну что тут прикажете делать? Дама вздохнула и заговорила о вещах более приземленных:

– Поставишь саквояж на багажную полку. Комикс у тебя в кармане плаща. – Миссис Престон порылась в сумочке и протянула Анне сверток: – Возьми, золотко. Тут шоколадка, чтобы тебе в дороге не скучать, и бумажные салфетки – ротик вытереть.

Локомотив свистнул. Носильщик принялся закрывать вагонные двери. Миссис Престон легонько подтолкнула девочку в спину:

– Ступай, милая. Сейчас поедешь.

«Пихается еще!» – проворчала про себя Анна и полезла в вагон.

По-прежнему без улыбки она выглянула в окно купе.

– Передавай большой привет миссис Пегг и Сэму, – напомнила миссис Престон. – Скажи им, я надеюсь вскоре приехать... с однодневной экскурсией, если получится...

Поезд плавно двинулся вдоль перрона. Миссис Престон заторопилась:

– Когда доберешься, обязательно пришли мне открытку! Не забудь, тебя в Хичеме встречать будут! Смотри внимательней, не потеряйся! А еще у тебя пересадка в Кингс-Линне, там трудно запутаться. У тебя во внутреннем кармане саквояжа лежит открыточка с маркой... просто чтобы я знала, что ты добралась благополучно... До свидания, золотко, будь хорошей девочкой!

Она уже бежала рядом с вагоном. Вид у нее был непривычно жалкий, почти умоляющий. Анна поневоле смягчилась – и весьма вовремя.

– До свидания, тетушка! – прокричала она, высунувшись в окошко. – Спасибо за шоколадку! Всего доброго!..

Девочка успела заметить, как при слове «тетушка» обеспокоенное выражение на лице миссис Престон сменилось улыбкой. Еще бы, такого

она от Анны точно не ожидала. Потом состав набрал скорость... и станция скрылась за поворотом.

Анна уселась на свое место, даже не оглядевшись по сторонам. Отломила четыре квадратика шоколада. Убрала остаток плитки в карман вместе с упаковкой салфеток. Открыла комикс...

До Кингс-Линна было целых два часа. Даже больше. Надо просто сохранять «обычный» вид, и, если повезет, с нею никто не заговорит. Она будет просто читать комикс и смотреть в окошко, ни о чем не думая.

Ни о чем не думать – в последнее время это успело стать ее любимым занятием. И отчасти причиной, по которой она сейчас катила в Норфолк, чтобы пожить с мистером и миссис Пегг. Не единственной причиной, конечно, только остальные объяснить было бы трудно. Ну не было у нее в школе задушевных подружек. Ну не хотелось ей никого на чай приглашать. И ее меньше всего волновало, что другие ее тоже не приглашали.

Вот в это последнее миссис Престон никак не могла поверить. Она только и делала, что восклицала: «Да что же за безобразие! Неужели все правда отправились на каток, а тебя не позвали?» Вместо катка это мог быть киносеанс, зоопарк, загородная прогулка, поиск сокровищ – нужное подчеркнуть. «Что же ты сама им не намекнешь? – переживала миссис Престон. – В следующий раз непременно дай знать, что ты тоже пошла бы! Почему не сказать: „Девочки, возьмете меня, если местечко найдется? Я с радостью!“ Если все время молчать, как же они узнают, что тебе тоже хочется!»

Но вся штука была как раз в том, что Анне вовсе и не хотелось. В смысле – больше не хотелось. Она не взялась бы втолковать этого миссис Престон, но сама отчетливо понимала: задушевные подружки, чаепития и все прочее были... ну... для тех, кто находился внутри некоего волшебного круга. Анна же определенно пребывала вне его. За чертой. Поэтому ее это все не касалось. Вот так. Все очень просто.

Другим вопросом было «тыдажеинепытаешься». Именно так, одним длинным словом. За последние полгода Анна столько раз слышала эту фразу, что она слилась для нее в единое целое. «Анна, ты даже и не пытаешься!» – каждый день вещала мисс Дэвисон, их классная дама. Даже в годовом табеле так написала. А дома то же самое твердила миссис Престон.

«Я совсем не имею в виду, что с тобой что-то не так, – говорила она. – В смысле, ты ничем не хуже других девочек. Ты умненькая... просто это твое свойство... – И звучало ключевое слово: – Тыдажеинепытаешься! Ты же так всю свою будущность можешь профукать...»

Если же ее спрашивали об Анне – где она будет дальше учиться и всякое такое, – миссис Престон отвечала: «Ах, право, даже не знаю! Эта девочка даже не попытается! Что с ней делать – просто ума не приложу...»

Анну это вовсе не волновало. Ее вообще ничто особенно не волновало. Зато ужасно беспокоило всех остальных. Первой захлопала крыльями миссис Престон. Потом – классная. И наконец – доктор Браун: его вызвали, когда у нее обнаружилась астма и она целых две недели не ходила в школу.

«Я так понимаю, ты очень переживаешь из-за школы», – с таким добрым прищуром заметил врач.

«Я? Да нет, – буркнула Анна. – Это она переживает».

«Вот как! – Доктор Браун прошелся по комнате. Он брал в руки то одно, то другое, внимательно рассматривал, клал на место. – Значит, тебе становится особенно плохо перед уроками арифметики?»

«Иногда...»

«Так-так! – Доктор Браун поставил на каминную полку фарфоровую свинку и стал вглядываться в черные нарисованные глазки. – А мне вот кажется, ты все-таки переживаешь!»

Анна промолчала.

«Я угадал?» – И он обернулся к ней.

«Я думала, вы со свинкой разговариваете», – ответила она.

Услышав такое, доктор Браун чуть было не улыбнулся, но Анна смотрела с самым суровым видом, и он продолжал столь же серьезно:

«Я все-таки полагаю, что ты переживаешь. Сейчас объясню, почему я так думаю. Наверное, все дело в том, что твои... – Он осекся, подошел ближе. – Как ты ее называешь?»

«Кого?»

«Миссис Престон. Ты называешь ее тетушкой?»

Анна кивнула.

«Полагаю, ты волнуешься оттого, что волнуется она. Правильно?»

«Нет. Говорю же вам, ни о чем я не беспокоюсь».

Тут он перестал бродить по комнате и просто уставился на Анну. Она лежала в постели, сипло дыша, с «обычным» лицом. Доктор посмотрел на часы и сказал деловым тоном:

«Что ж, хорошо. Значит, все в порядке, так и запишем...»

И унесся вниз по ступенькам – переговорить с миссис Престон.

После этого все начало как-то быстро меняться. Во-первых, Анна так и не вернулась в школу, хотя до конца учебного года оставалось еще недель шесть. Вместо этого они с миссис Престон отправились по магазинам – закупать для Анны шорты, пляжные босоножки и толстый свитер. Потом

миссис Престон получила ответное письмо от одной старой подруги. «Да, конечно! – написала ей Сьюзан Пегг. – Пусть малышка приезжает, мы с Сэмом рады будем ее принять. Мы с Сэмом, правда, уже не особенно молоды, и кости у него всю минувшую зиму болели, но раз девочка такая тихоня и не станет повсюду носиться, надеемся, все пройдет хорошо. Как ты помнишь, живем мы простецки, без изысков, но все необходимое в доме найдется. У нас даже телевизор есть...»

«Простецки? – спросила Анна. – Что это значит?»

«Это значит по-домашнему, по-деревенски. Так в Норфолке принято выражаться».

«А-а...»

Тут Анна ни с того ни с сего хлопнула дверью и громко протопала по лестнице к себе наверх.

«Ну вот что я такого сказала, что она так расстроилась?» – огорчилась миссис Престон и убрала письмо в ящик стола, чтобы позже показать его мистеру Престону. Знать бы ей, что Анна испытала труднообъяснимое, но жгучее отвращение к слову «тихоня». Да, она была необщительна и молчалива, но обзывать-то зачем?

Она и по ступенькам-то ногами топала, в основном чтобы доказать противоположное...

Теперь она вспоминала об этом, сидя в поезде и делая вид, будто изучает комикс – на самом деле давно прочитанный. Ей вдруг пришло в голову: а что, если ее и здесь уже кто-нибудь посчитал за тихоню? Анна грозно нахмурила лоб и обвела пассажиров вагона неприветливым взглядом. В уголке дремал старичок. Женщина напротив него смотрелась в карманное зеркальце, подправляла косметику. Анна с невольным интересом к ней пригляделась и тут же почувствовала, как уходит с лица недружелюбное выражение... Вновь насупилась и взглянула на соседку напротив.

Та тоже спала.

Ну и отлично: значит, сработало «обычное» выражение. Никто не собирался дарить ее непрошеным вниманием. Анна с облегчением отвернулась к окошку. Снаружи тянулись заболоченные низины. Мелькали поля, уединенные фермерские домики...

Анна смотрела в окно и ни о чем не думала.

Глава вторая

Семейство Пегг

С платформы полная круглолицая женщина махала ей хозяйственной сумкой. Сообразив, что это, верно, и есть миссис Пегг, Анна подошла к ней.

– Ах ты, мой утенок! Как славно, что ты приехала!.. А вот и наш автобус подходит. Давай мне саквояжик – и побежали!

Возле станции действительно ждал пассажиров одноэтажный автобус.

Он был почти полон.

– Вон там местечко есть, – пропыхтела миссис Пегг. – Иди сядь там, утеночек, а я уж тут, рядом с водителем... Утречко доброе, мистер Билс! Здравствуйте, миссис Уэллс! Чудная погодка, не правда ли? А как поживает Шерон?

Анна пробиралась в глубину автобуса, радуясь, что не придется сидеть рядом с этой самой Шерон – едва четырех лет от роду, загорелой, толстощекой, румяной, с почти добела выгоревшими светлыми волосами. О чем говорить с такой мелюзгой, Анна понятия не имела.

По обеим сторонам бежали поля – то желтые, то бурые, то зеленые. Распаханные, похожие на рубчатый коричневый бархат. Голубоватые капустные... Глядя в окно автобуса, пронесившегося по нешироким дорогам между полями, Анна временами замечала в живых изгородях алые огоньки маков.

А потом по левую руку узкой полоской показалось море. Сердце так и подпрыгнуло. Анна быстро огляделась – видят ли остальные? Они не смотрели на море. Были заняты болтовней. Должно быть, сказала себе Анна, они так привыкли к этому зрелищу, что перестали его замечать.

Сама она смотрела и смотрела... и потихоньку совсем отрешилась от реальности, широко открытыми глазами глядя в никуда.

А потом они прибыли в Литл-Овертон. Автобус устремился вниз по длинному и довольно крутому склону. Перед Анной распахнулся невероятный простор – небо, море, залитая солнцем болотистая равнина... Наконец автобус заложил крутой поворот и резко остановился.

– Здесь уже рядом, – сказала миссис Пегг, когда они забрали вещи; автобус же с ревом умчался по прибрежному шоссе. – Сэм нас уже ждет! Он, наверное, слышал, как проехал автобус!

– У нас дома автобусы все время туда-сюда ездят, – заметила Анна.

Мисс Пегг представила себе это, поцокала языком:

– Шумно, должно быть!

– Я и не замечаю.

Потом Анна вспомнила автобусных пассажиров и задала неожиданный вопрос:

– А вы замечаете, когда показывается море?

– Я? – Миссис Пегг удивилась. – Море? Нет, что ты. Я к нему и близко не подходила с тех пор, как девчонкой была.

– Просто его из автобуса видно было.

– Ах вот ты о чем. Да, тебе оно в новинку.

Они подошли к воротцам в низеньком, Анне по пояс, заборчике.

Крохотный садик был полон цветов, над ними гудели пчелы. Недлинной тропинкой Анна и миссис Пегг прошли к раскрытым дверям домика.

– Сэм, а вот и мы! – крикнула в домашний полумрак миссис Пегг. – В целости и сохранности!

Анна пригляделась: вон та крупная тень в углу, верно, кресло с сидящим в нем мистером Пеггом.

– Мы только вещи сперва наверх отнесем!

Миссис Пегг подтолкнула девочку внутрь чего-то, что смутно напоминало буфет, но на деле оказалось узкой и крутой винтовой лестницей.

– Вот мы и на месте! – сказала она, одолев подъем. – Не королевские

покои, конечно, но тут чисто и очень славно, да и перина отменная. Устраивайся, утенок, и спускайся к нам, как будешь готова. А я пока чайник поставлю.

Анна окинула взглядом тесную комнатку с белеными стенами, низким покатым потолком и всего одним окошком, сидевшим так близко к полу, что если не нагнешься, то наружу и не выглянешь. Окно выходило во дворик, окруженный опять-таки белеными стенами. В дальнем его конце виднелась отдельная будка туалета с длинным жестяным умывальником на стене. Вдали расстилались поля.

Над кроватью висела картина в рамке. Не совсем картина – кусочек ткани с образцами разных вышивальных стежков красными и синими нитками. Крестиком был вышит синий якорь и над ним надпись: «Все испытывайте, хорошего держитесь»^[2].

Девочка уставилась на нее с некоторым недоверием. Все дело было в слове «хорошее». Нет, не то чтобы Анна отличалась особо зловредным поведением. Напротив, в ее школьных табелях в графе «поведение» обычно значилось твердое «хорошо». Просто... не было чувства принадлежности к этому понятию. Ну не чувствовала она себя хорошей и доброй.

Все же она опасливо сказала себе, что комнатка впрямь милая. Простенькая, но славная. И лучше всего, что здесь стоял тот же запах, который она отметила еще внизу. Теплый такой, насиженный и очень приятный. Ничего общего с городским запахом мастики. Или этой надоевшей хлорки в школе.

Она повесила плащ на деревянный гвоздь за дверью. Постояла некоторое время посреди комнаты, затаив дыхание и прислушиваясь. Идти вниз не хотелось, но не было и уважительной причины задерживаться. Анна мысленно досчитала до шести, тихонько кашлянула и спустилась.

– А вот и наш колокольчик, – встретил ее мистер Пегг. Сидя в своем кресле, он пристально вглядывался снизу вверх. – Ух ты, как выросла-то! Прямо совсем взрослая барышня! Верно, Сьюзан?

Анна присмотрелась к его морщинистому и обветренному лицу. Бледно-голубые маленькие глазки прятались под лохматыми нависшими бровями.

– Здравствуйте, – серьезно сказала она и протянула ему руку.

– Колокольчик наш! – Мистер Пегг взял ее руку, рассеянно похлопал. – Как твоя мачеха поживает?

Анна покосилась на миссис Пегг.

– Твоя матушка, – немедленно поправила та. – Сэм спрашивает, в добром ли она здравии.

– Моя мама умерла, – чопорно ответила Анна. – Давным-давно. Я думала, вы знаете.

– Да, да, девочка. Как же нам не знать, – с грубоватой лаской проворчал Сэм. – И твоя бабушка, как ни прискорбно. – Аннино лицо одеревенело вконец, а он продолжал: – Я и говорю вот, мачеха твоя. Миссис Престон. Нэнси Пиггот, как она раньше звалась. Она ж теперь мачеха твоя, или как? Нэнси Престон, она тетка что надо. Сердце у нее всегда доброе было. И тебе она, спору на что угодно, за добрую мамку. Небось держится молодцом?

Анна ответила официальным тоном:

– У нее все в порядке, спасибо.

У Сэма из уголков глаз разбежались морщинки.

– Только тебе не нравится, что я ее в мамки твои записал, верно?

– А кому же понравится! – сказала миссис Пегг. – Мачеха, матушка – теперь так не выражаются. Ты небось называешь ее «ма», ведь так, милая?

– Я говорю «тетушка», – ответила Анна. Подумала и добавила: – Иногда.

Трудно было объяснить, почему она большей частью не называла миссис Престон вообще никак. Какая в этом нужда, если в доме у них не очень-то многолюдно? Там был только мистер Престон, называвший жену «Нэн». И еще Рэймонд, взрослый, работавший в банке. Он называл свою мать «маманей» и еще по-современному «ма». По мнению Анны, «мамания» звучало как-то глуповато.

Она стояла перед креслом мистера Пегга, томясь и не зная, что еще сказать.

Миссис Пегг пришла ей на выручку.

– Как ее ни зови, а она тебе все равно вместо матери, – обычным своим уютным тоном сказала хозяйка дома. – Ну а ты, я уверена, в глубине души любишь ее почти как маму родную, верно ведь?

– Верно! – сказала Анна. – Даже больше...

Глаза неожиданно защипало: она вспомнила, как миссис Престон бежала по платформе, напоминала ей про открытку...

– Ну и хорошо, – сказала миссис Пегг.

– Мне открытку надо послать, – выговорила Анна. Голос прозвучал громче, чем следовало, уж очень она боялась, как бы он не сорвался. – Я все напишу, а вы мне покажете, где бы ее отправить?

Миссис Пегг пообещала. Открытку можно написать в передней комнате, пока будет готовиться чай.

– Пойдем, покажу! – Она разгладила ладонями подол платья и повела

Анну в комнату по другую сторону коридора. – Вон там столик. У окошка.

В небольшой комнате, заставленной мебелью, царила полутьма. Миссис Пегг отдернула занавески, убрала с бамбукового столика пальму в горшке. Потом восторженно склонилась над большой белой вазой, полной розовых и голубых искусственных цветов, занимавшей половину подоконника.

– Прелесть, не правда ли? – Она сдула пыль с пластмассовых лепестков. – Никогда не завянут!

Полюбовалась, концом подола обмахнула фестончатый край продолговатой вазы. Улыбнулась Анне, вышла и прикрыла за собой дверь.

Анна огляделась. Похоже, это была лучшая комната в доме Пеггов. Осторожно, на цыпочках, она прошла по гладкому линолеуму и скользкому коврику у камина. Дома тоже была гостиная – ее в основном использовали по выходным или когда гости приходили. Только эта комната была совсем иной.

Сев за бамбуковый столик, она достала открытку, адресованную «Миссис Стэнли Престон, дом 25 по Элмвуд-Террас, Лондон». Перевернула другой стороной и стала писать:

Доехала благополучно. Здесь очень хорошо. В моей комнате косой потолок и окно у самого пола. И пахнет здесь не так, как дома. Я забыла спросить: можно мне каждый день шорты носить, если не иду никуда, где нужно одеться как-то по-особенному?

Анна помедлила, ей вдруг захотелось приписать нечто более теплое, искреннее, чем обычное «С любовью, Анна». Что именно? Она не знала.

Из кухни доносились приглушенные голоса.

– Бедняжка, – говорила Сэму миссис Пегг. – Совсем малюткой потерять маму... и бабушку! То-то она такая бледненькая, худенькая и невеселая... А впрочем, думается, мы отлично поладим. Что-то засиделась она там со своей открыткой. Может, мне ей намекнуть, что чай давно заварился?

Анна все грызла ручку, сидя в гостиной. Снаружи, наполовину загороженный вазой с искусственными цветами, дремал на солнышке маленький сад. Над яркими чашечками цветов с гудением носились пчелы. Внутри по стеклам закрытого окна ползали мухи. Чувствуя себя такой же пленницей, Анна рассматривала пластиковые гортензии и пыталась сообразить, как бы сообщить миссис Престон, что она вправду любит ее...

но чтобы при этом и обязательств особых не принимать...

– Деточка, чай скипел! – объявила миссис Пегг, подойдя к двери.

К этому времени Анна успела остановиться на варианте «с большущей любовью» взамен просто «любви». И еще добавила постскриптум:

Шоколадка была очень вкусная. Я на вечер немножко оставила.

Она знала, что миссис Престон это непременно понравится. А ее самой ни к чему бесповоротно не обяжет. Все может быть. Может, ей не очень-то захочется тетке на шею прыгать, когда она вернется домой.

Глава третья

На грузовом причале

– Прямо по дорожке, а на перекрестке – налево, – сказала миссис Пегг. – Немного пройдешь, там как раз будет и почта. А если направо свернуть, выйдешь к заливу. Ступай, оглядись!

Она ободряюще кивнула Анне и вновь скрылась за дверью.

Почту девочка нашла без труда. К ее удивлению, отделение размещалось в коттедже вроде того, где жили Пегги. На стене висел плоский ящик для писем, куда она и опустила открытку. Сделав дело, Анна почувствовала себя вольной птичкой и вернулась на перекресток. Свобода и пустота, как хорошо! Ни с кем не надо говорить, изображать вежливость... беспокоиться ни о чем не нужно...

Кругом было почти совсем безлюдно. Проехал на велосипеде рабочий с фермы, сказал: «Добрый день» – и скрылся прежде, чем она успела удивиться. Анна вприпрыжку направилась короткой дорогой к пристани и

скоро увидела впереди длинный узкий залив.

В воздухе пахло солью, с заболоченного противоположного берега доносились крики морских птиц. Несколько небольших кораблей стояли на якоре, слегка покачиваясь, – приливное течение как раз меняло направление. Анне показалось, что дорога привела ее в совершенно иной мир. Это был мир уединения и спокойствия. Море, корабли, птицы... огромное небо над головой...

Она так и подпрыгнула, внезапно услышав детские голоса, громкий смех, возгласы:

– Идем скорей! Ждут ведь!

На углу причала появилась ребячья компания. Пять или шесть разновозрастных мальчиков и девочек, все в темно-синих, «морских», джинсах и свитерах.

Анна мигом напустила на себя чопорный вид, натянула «обычную» физиономию.

Какое счастье – они направлялись вовсе не к ней. Вопя и толкаясь, ребяташки неслись к машине, стоявшей в конце дороги. Подбежав, набились внутрь. Дверцы захлопнулись, автомобиль сдал назад и покатил к перекрестку. Анна успела заметить мужчину за рулем, рядом с ним женщину. На заднем сиденье, возбужденно что-то обсуждая, подпрыгивали дети.

Машина уехала прочь. Опять стало очень тихо.

«Как хорошо, – подумала Анна. – Как хорошо, что они отсюда уехали. Хватит уже с меня на сегодня новых знакомств!»

Однако чувство свободы успело незаметно смениться ощущением одиночества. Анна знала: даже если бы они познакомились, подружиться с ними ей не светило. Эти дети были «внутри». Невооруженным глазом видно. «Ну и ладно. Все равно не хочу ни с кем сегодня больше знакомиться...»

А ведь мистер и миссис Пегг были единственными, с кем она говорила после отъезда из Лондона.

С ума сойти, все произошло не далее как нынешним утром! Шум, толкотня, суматоха вокзала Ливерпуль-стрит, нервотрепка, близость прощания... – только и спасало каменное выражение лица. А казалось, сто лет прошло!

Анна прислушалась к плеску воды под бортами лодок. Шлеп, шлеп... Чьи это кораблики, интересно знать? Наверное, каких-нибудь счастливиц. Семей, которые год за годом приезжали в Литл-Овертон отдохнуть, а не потому, что у кого-то путались под ногами... не потому, что

«даже и не пытались»... не потому, что другие люди ума приложить не могли, что с ними делать... мальчики и девочки в джинсах и свитерах, как та семья.

Она подошла к самому краю моря, сняла туфли и носки, зашла в воду и стала смотреть на болото. У горизонта угадывалась гряда дюн, золотившихся на солнце. По обе стороны простиралась морская синева. Над заливом пролетела некрупная птица. Она близко миновала девочку, несколько раз подряд издав короткий жалобный крик. Казалось, птица выговаривала:

– Жаль меня! Жаль меня!

Анна стояла, смотрела, слушала... ни о чем не думала. Просто вбирала молчаливую бесконечность низменного берега, небес и воды. Их великая пустота была некоторым образом созвучна маленькому пустому месту у нее внутри. Потом она быстро обернулась, посмотрела назад: показалось, будто за ней наблюдали чьи-то глаза.

За спиной никого не было. Ни на причале, ни на травянистом откосе у поворота дороги. Один или два домика, видимые с берега, казались пустыми, дверь лодочного сарая была заперта. По правую руку среди полей раскинулась деревня. Вдали на фоне неба одиноким силуэтом торчала ветряная мельница.

Анна посмотрела налево. Позади коттеджей тянулась невысокая кирпичная стена, в конце ее виднелась тенистая рощица...

Вот тогда она и увидела тот дом.

Заметив его, Анна сразу поняла: его-то она и искала. Дом выходил фасадом прямо на залив – большой дом, старый, квадратный, со множеством окошек, обрамленных выцветшими голубыми наличниками. Ей не показалось, что за ней наблюдали, – каждое окно именно на нее и смотрело!

Ничего общего с обычными зданиями, что тянутся рядком вдоль длинной улицы, – она сама обитала как раз в таком. Дом стоял сам по себе, выглядел спокойным, невозмутимым и вечным. Казалось, он так долго следил за приливами и отливами, что и думать забыл о суете жизни, происходившей где-то там, на берегу... погрузился в тихую спячку. Наверное, ему снились летние каникулы, пляжные сандалии, разбросанные в комнатах первого этажа, а в верхнем окошке еще развеваются сухие обрывки водорослей, подвешенные кем-то из детей вместо флюгера. В гостиной небось пылятся сети для ловли креветок, и ведерки, и засушенная морская звезда в уголке, и старая панама, и...

Все это Анна ощущала, пока разглядывала особняк. Ни одну из вещей

внутри она не видела и не знала. Или... Однажды, еще когда жила дома, она побывала у моря вместе с другими детьми, правда почти не помнила той поездки. С Престонами она дважды ездила в Борнмут. Они гуляли по бульвару, сидели среди цветников. Еще они там купались. Отдыхали в шезлонгах. Ходили на вечеринки с концертами.

Нет, здесь все было решительно по-другому. Никакого борнмутского веселья. Старый дом как будто сам собой возник рядом с грузовыми пристанями Литл-Овертона, поглядел на залив, на болота по ту сторону, на открытое море вдали... устроился поудобнее и заявил: «А мне тут нравится! Пожалуй, останусь...»

Так, по крайней мере, все выглядит, думала Анна, рассматривая дом и ощущая некое притяжение. Такой уютный – и вечный...

Она прошла по воде. Оказавшись прямо против дома, остановилась и снова стала смотреть. На темных окнах не было штор. Одно, на верхнем этаже, стояло открытое, но никто не выглядывал наружу. Тем не менее Анна не сомневалась: дом поджидал именно ее. Наблюдал за ней, рассчитывая, что она вот-вот обернется и узнает его... В каком-то смысле так и произошло.

Стоя по щиколотку в воде в нескольких футах от берега, девочка уносилась в вымышленный мир. Накатило странное чувство: все это с нею уже происходило когда-то. Что конкретно она имела в виду – объяснить было непросто. Она как будто покинула себя самое, отступила назад и стала наблюдать за маленькой фигуркой в самом нарядном своем синем платье, с ботиночками и носками в руке. За тем, как эта другая девочка неотрывно созерцала окна старого дома там, за причалом. Она даже отметила с беспокойством, что начался прилив: вода трогала край платья, тот набряк и потемнел...

В это время над головой снова пронеслась серовато-бурая пичуга, прокричавшая:

– Жаль меня! Жаль меня!

Анна содрогнулась, стряхивая грезы. Глянула вниз: вода успела добраться ей до колен. Даже платье замочила немного.

– Кто живет в большом доме у самой воды? – спросила она миссис Пегг, вернувшись и попивая на кухне какао.

– Большой дом у самой воды? – рассеянно переспросила миссис Пегг. – Ты о каком это?

– О том, где окна с голубыми наличниками.

Миссис Пегг повернулась к Сэму. Тот ел бутерброд с сыром, поддевая ножом маринованные огурчики и отправляя их в рот целиком.

– Сэм! Кто живет в большом доме у воды, в том, где голубые наличники?

Некоторое время тот задумчиво смотрел в пространство. Потом сказал:

– Э, ты это небось о Болотном Доме? Вроде я и не слышал, чтобы там кто-нибудь жил. А ты, Сьюзан?

Миссис Пегг покачала головой:

– Я тоже не слышала. Но я никогда и не хожу к пристани, так откуда мне знать? Хотя... Ходил слушок, будто джентльмен какой-то из Лондона купить его собирался, мисс Мандерс на почте как-то обмолвилась. Помнится, прямо так и сказала: «Только ремонту там сущая погибель. Слишком долго пустой стоял...» Хотя как знать, может, вовсе и не о том доме речь шла.

– А что за дети в темно-синих джинсах и свитерах? – спросила Анна. – Большая такая семья.

– Вот уж понятия не имею. – Миссис Пегг выглядела вконец озадаченной. – В сезон отпусков ребята здесь полным-полно, и все примерно так и наряжены. И не знаю даже, что тебе сказать. А ты, Сэм?

Мистер Пегг мотнул головой и предположил:

– Могли всего на день приехать.

– Да, пожалуй, – согласилась Анна, вспомнив автомобиль.

Тем не менее она чувствовала некоторое разочарование. Она-то почти успела решить, что они и были хозяевами особняка у воды. Уж больно подходило ему именно такое семейство.

– Еще что-нибудь тебе рассказать, милая? – улыбнулась миссис Пегг.

– Ой, да, – вспомнила Анна. – А что это за птичка все кричит «жаль меня, жаль меня»?

Миссис Пегг как-то странно на нее посмотрела:

– Тебе уже в постельку пора, милая. День был длинный, одна поездка чего стоит! Пойдем, устроиться тебе помогу.

Она с усилием выбралась из кресла и понесла чашки в раковину.

Анна тоже поднялась, глядя на мистера Пегга, жевавшего хлеб с сыром.

– Тогда спокойной ночи, – сказала она.

– Спокойной ночи, колокольчик! – ответил он рассеянно. – А птичка... Может, это песочник был? Он правда так кричит... словно на одиночество жалуется. – И добавил со смешком: – Хотя я раньше что-то не слышал, чтобы его песенку такими словами передавали!

Глава четвертая

Старый дом

Проснувшись на другое утро, Анна перво-наперво подумала о старом особняке. Кажется, она не переставала о нем размышлять даже во сне. Потому что, открыв глаза и увидев над собой покатую белизну потолка, вдохнув настоявшийся, теплый, уютный запах коттеджа, она, толком еще не пробудившись, сказала себе: «Надо поторопиться! Он ведь меня ждет!»

И только потом до нее дошло, где она находится.

Какое счастье, что поезд в Норфолк уже остался в прошлом! Похоже, Анна даже не осознавала, насколько в действительности боялась ехать. Путешествие виделось ей страшноватым приключением, пугающей вылазкой в неведомое... зря, что ли, последние несколько недель домашней жизни были сплошной подготовкой. И вот все отгремело, она прибыла на место назначения. И может сразу, как только удастся, снова отправиться к заливу, провести тот дом.

За завтраком миссис Пегг спросила ее:

– Не хочешь прокатиться со мной на автобусе в Барнэм? Я туда раз в неделю в магазин езжу. Проветришься за компанию, милая?

Анна глядела на нее с сомнением.

– Или, может, лучше поиграешь с Сандрой, что с угла? – предложила миссис Пегг. – Хорошая девочка, такая паинька и говорит вежливо. Я с ее мамой знакома. Хочешь, я тебя туда отведу?

Этот вариант показался Анне еще более сомнительным.

Сэм спросил, разглядела ли она вчера ветряную мельницу. До нее порядком было идти, да и смотреть, как доберешься, особо не на что... но все же – занятие.

Миссис Пегг так и напустилась на мужа. Не нужно маленьким девочкам так далеко забредать, да еще и вдоль шоссе!

– А, ну да, конечно, что это я, – спохватился Сэм. – Забудь, колокольчик. Я тебя, может, как-нибудь сам туда отведу.

Анна поблагодарила и стала уверять, что вполне обойдется и без особых развлечений.

– Я в самом деле бездельничать ужасно люблю, – совершенно искренне объяснила она.

Пожилая чета дружно рассмеялась. Анна, желавшая, чтобы ее принимали всерьез, уставилась на скатерть, привычно напустив на себя «обычное» выражение.

– Нет, так дело не пойдет, незачем тебе день-деньской сидеть сложа руки на кухне, – сказала наконец миссис Пегг. – Я тут убираю, готовлю, я на Сэма-то, бывает, прикрикну, чтобы под ногами не путался...

Пришлось перебить:

– Нет, нет, я имела в виду – на улице. Можно, я на залив схожу?

Миссис Пегг испытала явное облегчение. Она-то уже испугалась, что Анна захочет провести весь день в передней комнате, которую она, кроме некоторых особых случаев, держала запертой на ключ. Конечно же, Анна могла отправиться на залив. Если будет отлив, отчего бы не прогуляться через болота до пляжа. А если прилив, можно переправиться на лодке Многоватика.

– Раз уж ты не возражаешь гулять сама по себе, – заключила она.

Анна завершила ее, что так оно и есть.

– Тогда тебе как раз подойдет прокатиться на лодке с Многоватиком Вестом, – вмешался Сэм. – Вот уж кто терпеть не может болтать! – Он неторопливо размешивал чай черенком вилки, с надеждой поглядывая через стол на Анну. – Думаешь небось, ну и странное же имечко, а? – спросил он, улыбаясь.

Анна ни о чем таком даже не думала, но из вежливости ответила:

– Да, конечно.

– Ну тогда, коли спрашиваешь, я тебе расскажу, как так оно все получилось, – оживился Сэм. – Дело в том, что маменька Многоватика, старая то бишь миссис Вест, родила прежде него еще десятерых. Они и спрашивают ее все хором: «Мамуль, а как ты его назовешь?» – «Один Боженька знает, – устало отвечает она. – Многоватенько я вас нарожала, это уж точно!» Вот как оно было! – Сэм фыркнул в чашку и рассмеялся. – С тех пор парень так и остался Многоватиком.

Выбравшись наконец из дома, Анна побежала к причалам. Стоял отлив, узкая полоса воды больше напоминала речку. Вновь увидев старый особняк, Анна испытала некоторое разочарование. Оказавшись вместо водной глади над замусоренной полосой отлива, тот отчасти утратил свое волшебство. Однако, приглядевшись, девочка убедилась: перед ней был все тот же дом – спокойный, доброжелательный... манящий. Анна как будто пришла навестить старого друга и застала его дремлющим, только и всего.

Девочка взобралась на береговой обрыв, цепляясь за пучки травы, и медленно прошла по дорожке, искоса заглядывая в окна. Вступала она или нет в чужие владения, наверняка сказать было трудно. А чтобы рассмотреть хоть что-то внутри, нужно было подойти вплотную и прижаться к стеклу лицом. Только представить – заглядываешь вот так, а оттуда тоже кто-нибудь смотрит! Ей все больше казалось, что она вздумала подглядывать за спящим. Она подошла еще ближе и увидела в очередном окне отражение собственного лица – бледного, большеглазого.

Пегги были правы, решила она. Здесь никто не живет. Тем не менее дом заброшенным не казался; скорее, он просто ждал, чтобы его обитатели вернулись. Осмелев, Анна отважилась заглянуть в узкие боковые окна по сторонам входной двери. На подоконнике стоял фонарь, у стены – порванный сачок для ловли креветок... Посередине обширной прихожей начиналась лестница, уводившая вверх.

Больше ничего рассмотреть не удалось. Анна съехала по обрыву, вброд перешла на другую сторону залива. Уселась и долго сидела, подперев руками голову, глядя на особняк и ни о чем не думая. Если бы миссис Престон могла сейчас ее видеть, она бы забеспокоилась пуще прежнего – но она была за сто миль отсюда, катила по супермаркету тележку с покупками. Она не учла, что в местечке вроде Литл-Овертона можно день-деньской ни о чем не думать – и ни одна живая душа не заметит.

Потом Анна вправду села в лодку Многоватика Веста и поехала на пляж. Мистер Вест оказался ровно таким необщительным, как описывали

его Пегги. Он был невысокий, сутулый, с худым морщинистым лицом, а глаза его, казалось, раз и навсегда сощурились против солнца, всматриваясь в даль. Ворчливо поздоровавшись с девочкой, он как будто напрочь перестал ее замечать. Анна уселась на носу, стала смотреть вперед и тоже прекратила обращать внимание на лодочника. Все было прекрасно, но она вдруг почувствовала себя еще более одинокой. Было даже страшновато чуть-чуть. Сколько неба, сколько воды! Кажешься себе такой маленькой...

Потом она в одиночестве сидела на берегу, пока Многоватик где-то поодаль копал землю в поисках наживки. Анна рассматривала длинную, приземистую россыпь деревенских домов, пытаясь найти Болотный Дом. Чудеса да и только – его нигде не было. Вот лодочный сарай, вот белое здание на углу, вот силуэт ветряка вдали... А там, где полагалось стоять Болотному Дому, виднелась лишь голубовато-серая полоса деревьев.

Анна даже встревожилась. Дом просто обязан был там стоять! Потому что, если нет, на свете не останется ничего надежного... ничто больше не будет иметь значения... Она зажмурилась, заново открыла глаза, напрягла зрение. Особняка не было. Анна села на песок, изобразила самую-пресамую каменную физиономию, показывая всему миру, что ни в ком не нуждается и ничегошеньки не боится. Подтянула колени к подбородку, обхватила их руками. Так и сидела, свернувшись в тугой комочек, пока не подошел Многоватик с вилами и ведерком наживки.

– Замерзла? – буркнул он, присмотревшись.

– Нет.

Анна забралась следом за ним в лодку – и больше они ни единым словом не обменялись. Лишь после, когда они вывернули из-за поворота залива и старый особняк начал постепенно проявляться в тени деревьев, Анну окатила такая жаркая волна облегчения, что она едва не выпалила вслух: «Вот же он!»

Конечно же, дом все время там и стоял. Старая кирпичная кладка и наличники, крашенные голубым, просто слились с густой зеленью сада. Было и кое-что еще. Пользуясь приливом, лодка прошла совсем близко от его окон, и Анна отчетливо увидела: дом больше не спал. Он снова присматривался, кого-то ждал. Ей даже показалось – дом узнал ее и обрадовался ее возвращению.

– Хорошо провела время? – спросила миссис Пегг. Она хлопотала на кухне, жарила колбаски с луком.

Анна кивнула.

– Ну и отлично, утеночек. Развлекайся, как душеньке угодно.

Сэм шутливо добавил:

– Будешь хорошо себя вести – однажды сходим на мельницу.

Глава пятая

Как душеньке угодно

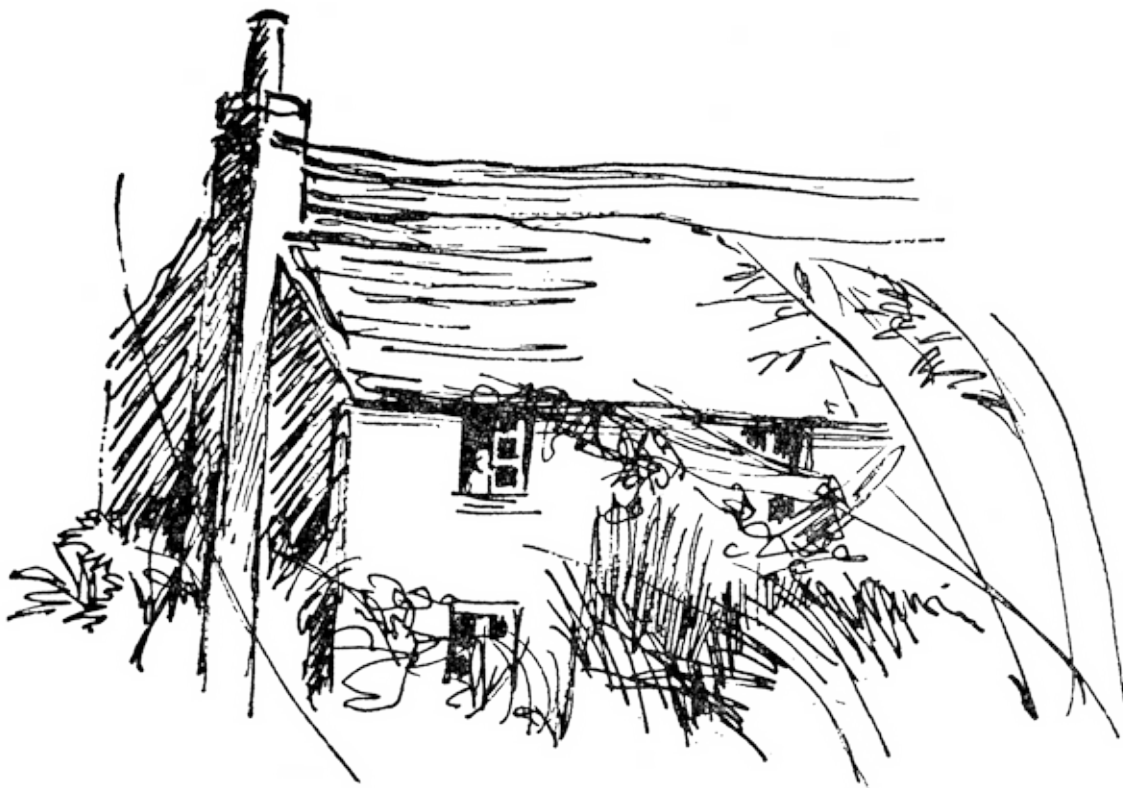
Так оно и пошло. Анна бродила, где хотела, и развлекалась, как пожелает. Живя в Литл-Овертоне, она могла выбирать между тремя разными мирами. Первый – это мир коттеджа Пеггов, маленький, уютный и теплый. Второй мир встречал ее у причалов, где покачивались лодки и стоял Болотный Дом, высматривавший ее всеми своими окнами. И еще был мир побережья, где над головой закладывали круги огромные чайки, а в

дюнах можно было обнаружить кроличью норку или скелет дельфина, белеющий в мелком песке.

Вот такие разные миры. Для Анны важнейшим был тот, где возле пристани смотрелся в водную гладь старый дом.

Мало-помалу вместо размышлений ни о чем Анна стала почти все свое время посвящать раздумьям о Болотном Доме. Воображала семью, которая могла бы там поселиться. Прикидывала, как все выглядело внутри. И как славно было там осенними вечерами: шторы плотно задернуты, в камине огонь...

Как-то вечером, направляясь домой по тропинке через болота, Анна увидела в окнах свет и пустилась бегом: похоже, они приехали, пока она гуляла по пляжу! Если как следует поторопиться, может, ей удастся их даже увидеть, пока не зашторены окна: всех этих ребятишек в синих джинсах и свитерах... Приблизившись, она поняла, что ошиблась. Окна не светились – в них всего лишь отражался закат.

В другой раз она увидела – ну, или думала, что увидела, – лицо, прижатое к стеклу с той стороны. Девочка с длинными светлыми волосами,

свисавшими по обе стороны, смотрела наружу. Потом лицо скрылось. Однако ощущение взгляда никуда не пропало. Пустой дом смотрел на нее. Анна начала к этому привыкать.

Пегги только радовались, что она так удачно вписалась в деревенскую жизнь. По их мнению, бледненькой городской девочке бесконечные странствия по берегу и полям были очень на пользу; лишь бы исправно являлась домой в назначенные часы и ела как следует, а больше и волноваться не о чем. Миссис Пегг так и сказала мисс Мандерс на почте:

– Славная девочка, никакого беспокойства не причиняет.

Миссис Престон написала Анне, отвечая на посланную открытку. Она радовалась, что Анна так хорошо устроилась. Конечно, она могла бегать в шортиках, если миссис Пегг ничего против не имеет. «Очень ждем твоих рассказов обо всем интересном, чем ты там занимаешься, – писала она. – Но если у тебя нет времени на основательное письмо, нам и открыточки хватит...» Еще в конверте лежала свернутая записочка с таинственной надписью на обороте: «После прочтения сжечь!»

«В доме правда воняет? – гласила она. – Напиши, чем именно!»

Анна, благополучно успевшая позабыть свое замечание о необычном запахе в жилище Пеггов, некоторое время рассеянно гадала, что миссис Престон имела в виду. Она послушно сожгла записку да и выкинула ее из памяти. Купила на почте открытку с изображением котенка, забравшегося в цветочный горшок, и написала:

Простите, что не ответила раньше, просто по четвергам почта не работает, а больше нигде открытки не продаются.

Оставалось место еще для одной строчки, и она приписала:

Я ходила на пляж. С любовью, Анна.

Добавила «ХХ», чтобы показать размеры любви, и бросила в ящик. Дело сделано! Что миссис Престон, возможно, будет разочарована столь скудными новостями, ей и в голову не пришло.

В один прекрасный день коттедж посетила Сандра с угла, в сопровождении мамы. Обед, как назло, припоздал, так что Анна просто не успела потихоньку удрать через кухонную дверь.

Сандра оказалась белокурой и плотненькой. Платье у нее было коротковатое, колени слишком толстые, и говорить с ней хоть о чем-нибудь решительно не получалось. Вечер пропал даром. Анна уныло

дулась с Сандрой в карты за кухонным столом, пока миссис Пегг и Сандрина мама беседовали в гостиной. Что касается карточных игр, Анна и Сандра привыкли к разным вариантам, вдобавок Сандра жульничала... и ни одной общей темы для разговора так и не нашлось.

Кончилось тем, что Анна сгребла все свои карты на Сандрину сторону и сказала:

– Вот, держи. Считаю, что выиграла.

– Еще чего!

Сандра густо покраснела, надулась и принялась раскачиваться в кресле-качалке. Остаток вечера она изучала кружева на своей нейлоновой нижней юбочке и наматывала на палец прямые соломенные пряди, пытаясь сделать из них локоны. Анна сидела в противоположном углу, читала «Домашний журнал» миссис Пегг и дожидаться не могла, когда же гости уйдут.

После этого она доставляла Пеггам еще меньше пресловутых хлопот. День-деньской торчала на улице, а то, чего доброго, опять играть с Сандрой заставят!

Как-то вечером, когда они возвращались с побережья, где Многоватик собирал плавник, а она искала ракушки, лодочник несказанно изумил ее, произнеся аж целую фразу. Лодка уже подходила к причалу, когда он указал подбородком через плечо и буркнул по обыкновению ворчливо:

– Верно, скоро приедут.

– Кто приедет? – Анна от удивления так и встрепенулась.

Многоватик снова указал подбородком на берег:

– Ну те, что Болотный Дом купили.

– В самом деле? Когда? А кто они такие?

Многоватик бросил на нее взгляд, полный глубочайшей жалости и презрения, – и насовсем закрыл рот. Анна с опозданием осознала свою ошибку. Она проявила слишком жгучее любопытство, задала сразу много вопросов. Надо было этак сонно поинтересоваться чем-то одним, тогда, может, и удалось бы выжать из него то, что ей хотелось узнать. Что ж, ладно, и так скоро все выяснится. Можно будет Пеггов вечером расспросить...

Однако по зрелом размышлении Анна оставила эту затею. Еще решат, что она вздумала подружиться с будущими жильцами, а это в ее планы ну никак не входило. Она хотела лишь разузнать о них, а вовсе не знакомство сводить. Постепенно выяснить, кого как зовут, выбрать кого-то одного, кто ей понравится, угадать, кто в какие игры играет... даже что они там на ужин едят и когда спать укладываются.

Если ее заставят знакомиться, все будет испорчено. Будет как со всеми: дежурное дружелюбие, и не более. Они, пребывая «внутри», станут присматриваться к ней, находящейся «вовне»... ожидать, чтобы ей нравилось то же, что им, чтобы у нее были такие же вещи, сходные занятия. Когда же выяснится, что ни о чем подобном и речи нет – или что там неизменно отодвигало ее за грань, – они утратят к ней интерес. Хоть бы напрямую возненавидели, что ли. Но нет, ей и этого не доставалось. Ее просто вежливо отчуждали, и тогда уже ей оставалось их ненавидеть. Без яростных выхлопов, холодно... с «обычным» выражением на лице.

Но нет, эта семья окажется совсем не такой. Она ведь в «ее» доме жить будет. Значит, просто обязана оказаться совершенно особенной. Это будет «ее» семья... доколе она сумеет держаться на расстоянии и не знакомиться с ними.

Поэтому Анна не стала передавать Пеггам услышанное от Многоватика, оставив при себе жгучий секрет, касавшийся новых соседей. Дни шли за днями – Анна все больше давала волю воображению, так и этак рисуя себе эту семью и все более уверяясь в том, что настоящими эти люди просто не могут быть.

Глава шестая

«Чопорная дурнушка»

В тот вечер Анна и Многоватик возвращались домой – прилив поднялся особенно высоко.

Небо было персикового цвета, вода – настолько спокойной, что в ней, точно в зеркале, отражалась каждая камышинка, каждая лодочная мачта. Прилив далеко затопил низменные болота. Пока лодка пробивалась против течения, Анна смотрела через борт, созерцая сквозь толщу воды то водоросли, то болотную зелень. Потом они миновали последний поворот, и

она по обыкновению подняла голову – поприветствовать Болотный Дом.

Позади него небо уже приобретало зеленовато-желтый оттенок, прямо над каминной трубой висел тоненький месяц. Лодка подходила все ближе... и Анна абсолютно ясно разглядела в верхнем окне девочку. Та терпеливо стояла на месте, ее причесывала женщина, чей силуэт смутно угадывался в глубине комнаты. Лишь девочку было отчетливо видно в темном прямоугольнике окна. Анна даже рассмотрела, как щетка приподнимала ее длинные светлые пряди.

Быстро отвернувшись, она бросила взгляд на Многоватика, но тот ничего не заметил. Он смотрел вперед, на причал, куда собирался пришвартоваться.

Анна бегом припустила домой, но, выскочив из-за угла, остановилась. У ворот стояли и разговаривали миссис Пегг и мамаша Сандры. В оранжевом свете заката их лица приобрели кирпичный оттенок. Миссис Стаббс была крупная женщина с черными блестящими глазами и скрипучим голосом. Анне совсем не хотелось с ней встречаться. Она отступила в тень живой изгороди и стала ждать, пока та уйдет.

– Заглянете к нам сегодня? – спрашивала миссис Стаббс. – Ко мне сестра из Линна приехала, выкройки привезла.

– В самом деле? – с живейшим интересом спросила миссис Пегг, но запнулась. Неуверенно добавила: – Но вы же понимаете, у меня девочка...

– Ой, а я и забыла. Она у вас чуточку неуклюжая, верно? Моя Сандра сказала... – Тут она понизила голос, и Анна не расслышала, что же сказала про нее Сандра.

– Ну, не знаю... может быть, – ответила миссис Пегг. – Я, впрочем, в отношения детей вмешиваться не люблю. По мне – ну, не подружались, и бог с ними.

– Моя-то Сандра очень к ней потянулась, – продолжала миссис Стаббс. – Лучшее платьице надела, вы только подумайте, и новенькую нижнюю юбочку! А потом и говорит мне: «Мама, я такой чопорной дурнушки в жизни не видела!»

– Ладно, ладно, – мягко перебила миссис Пегг, поворачиваясь к воротам. – Только не пересказывайте мне, что она там наговорила: я и знать не хочу. – И стукнула щеколдой: – Всяко-разно, с нами она сущее золотко! – Теперь, оказавшись у себя во дворе, она говорила почти с вызовом: – Наверное, мы с Сэмом и не сможем сегодня. Все равно – спасибо за приглашение!

– Ну, как вам угодно, – сказала миссис Стаббс. – Завтра-то вечером в «Бинго» придете?

– Вот и договорились. Увидимся завтра в «Бинго».

И миссис Пегг ушла в дом.

Анна дождалась, пока миссис Стаббс удалилась, и проскользнула с заднего крыльца. Миссис Пегг готовила ужин, доставала из буфета масло и хлеб. Она выглядела немного запыхавшейся, даже волосы растрепались. С Анной, однако, она поздоровалась как обычно.

– Вот и ты, милая! Садись скорее, чай как раз закипел... – И оглянулась на Сэма: тот отложил газету, пододвинул кресло к столу. – Что сегодня по телевизору?

Сэм удивленно посмотрел на нее:

– А ты разве на угол сегодня не идешь? К миссис Стаббс сестра вроде приехала...

Миссис Пегг покачала головой:

– Нет, сегодня не пойду. Это дело подождать может. – Она покосилась на Анну, потом сказала: – Знаешь, деточка... следующий раз, как увидишь миссис Стаббс или маленькую Сандру, ты уж будь с ними чуточку поприветливее, хорошо?

Анна ляпнула:

– Вы ведь из-за меня идти не хотите?

– Конечно же нет, с чего ты взяла? – изобразила удивление миссис Пегг. – Я просто на тот случай, если вдруг они тебя пригласят... вот и говорю: ты уж с ними подружелюбнее. Надо же тебе выбираться куда-то!

– Мне и тут хорошо, – пробормотала Анна.

Но миссис Пегг ее не услышала: она вновь пыталась выяснить у Сэма, что будет по телевизору.

– Бокс передают, – ответил он немного виновато. – Тебе вряд ли понравится.

– Да ладно, – сказала миссис Пегг. – Сегодня поинтересуюсь для разнообразия. Посмотрим с тобой вдвоем.

– Свежо предание! – Сэм повернулся подмигнуть Анне. – Не будет она бокс смотреть, и все тут!

Но Анны уже не было в комнате.

Она сидела наверху, на краешке постели, ненавидя себя и весь мир. Это по ее вине миссис Пегг не идет сегодня к Стаббсам. Сандра, жирный поросенок, обозвала ее чопорной дурнушкой. Миссис Пегг, добрая миссис Пегг, не захотела ее слушать, сказала, что Анна золотко... и все равно в гости из-за нее не идет, глупость какая... А она сама – всех глупее... И Сэм, с его боксом дурацким... А уж эта миссис Стаббс!.. Слов нет!.. Нет, надо было миссис Пегг в гости пойти, тогда Анна не мучилась бы чувством

вины. Она смотрела на вышивку в рамочке – и даже ее ненавидела. «Все испытывайте, хорошего держитесь». А где оно, это хорошее, кто его вообще видел? Его якорь изображает, что ли? Таскать с собой якорь день-деньской... даже если бы он вправду был... выглядеть дура душой...

Она повернула рамку лицевой стороной к стене и подошла к окну. Опустилась на колени и стала смотреть на поля, розовевшие в свете заката. Беспомощные слезы прокладывали по щекам горячие дорожки. Все было плохо. И сама Анна – всех хуже.

На миг ей почти захотелось домой, в Лондон. Однако потом вспомнились все несчастья последнего школьного года, особенно перед поездкой. Нет уж! Здесь было все-таки лучше!

Так она и сидела, прислушиваясь к уже знакомым звукам деревни. Голоса в полях, далекое пыхтение трактора... рев последнего барнэмского автобуса на спуске с холма. Когда на прибрежной дороге вновь воцарилось спокойствие, стали слышны птичьи крики над болотами и всякие постукивания и шорохи, источника которых она еще не нашла. Поздними вечерами тишина накрывала деревню, как одеяло. Собака залает – из конца в конец слышно.

Слезы постепенно высохли на щеках. Поля затягивала темнота, становилось все тише. Анна постепенно забыла о том, что миссис Пегг не пошла в гости, и вместо этого начала думать о девочке, замеченной в окне Болотного Дома. Почему ей волосы расчесывали? Спать ложиться было вроде рановато. И надето на ней было что-то легкое, летнее, уж точно не ночная рубашка. И малышкой девочка не выглядела, – скорее, примерно ровесницей Анне...

Неожиданная мысль потрясла ее: а что, если девочку собирали на вечеринку? Да, так, должно быть, и есть! Она небось стояла у окна в нижней юбке, ей укладывали волосы, а рядом на постели лежало нарядное белое платье... и на полу – изящные серебристые туфельки...

Теперь, в сумерках, она наверняка как раз спускается по той лестнице в зал. Всюду яркие огни, все танцуют...

Сидя с поджатыми ногами у окна, Анна снова принялась грезить наяву, представляя все воочию, – но не так, словно сама там находилась, она скорее наблюдала сквозь окно, стоя на дорожке у дома. В узкое окно возле двери было видно мелькание нарядных платьев, лица угадывались хуже, только было заметно – гости весело смеялись. А потом они повернулись и стали смотреть в одну сторону. Туда, где, осторожно переступая серебряными туфельками, спускалась белокурая девочка.

Анну словно унесло прочь от Болотного Дома: теперь она стояла у края болот, на другом берегу залива, глядя на золотые дорожки, тянувшиеся по воде от ярко светившихся окон. Обрывками долетала музыка, мешаясь со вздохами ветра в тростниках...

Воображаемая картина была такой живой и яркой, что Анна чувствовала ее истинность. Наверняка все именно так и происходило. Поднявшись, девочка закрыла окно. Ноги затекли от долгого сидения. Дрожа от холода и в какой-то мере от возбуждения, она, хромая, пересекла комнату, спустилась вниз. Выскальзывая наружу, услышала с кухни приглушенный звук телевизора: передавали боксерский поединок. И как эти взрослые умудряются посвящать целый вечер подобной скучище?..

Анна поспешила на берег залива. Она бежала босиком, напряженно ожидая услышать звуки музыки, высматривая огни в окнах: теперь, в сумраке, их будет отчетливо видно через залив...

Свернув за угол, она остановилась как вкопанная.

Впереди все было темно. И залив, и деревенские домики на берегу, и причал. А там, где стоял Болотный Дом, виднелись лишь черные силуэты деревьев. Нигде ни огонька. Лишь вдали вспыхивал и пропадал луч плавучего маяка, каждые полминуты чертя в небе дугу. И музыки не было. Только вода плескалась о лодочные борта, да время от времени такелаж хлопал по мачтам...

Некоторое время Анна стояла в полной растерянности. Потом откуда-то с болот донесся жутковатый, полоумный крик чибиса. Девочка развернулась и со всех ног убежала домой.

Глава седьмая

«...и жирная свинушка»

«Что за глупости», – размышляла Анна на следующее утро. Мало того что она до смерти расстроилась из-за реальных вещей, она пыталась вызвать к жизни вещи воображаемые. А это не срабатывало никогда.

Спускаясь к завтраку, она исполнилась решимости как-то восполнить для миссис Пегг пропущенный поход в гости, чем-то помочь.

– Может, я посуду помою? – опасливо спросила она, подходя к кухонной раковине после еды.

– Господи, утенок, да о чем ты? Очень мило с твоей стороны, но мне это один миг... – Миссис Пегг казалась растроганной и слегка удивленной. – А знаешь, если ты не прочь, в самом деле можешь кое-что для меня сделать! Пойдешь на болота, собери для меня морской спаржи, хорошо? А по пути обратно, может, еще заглянешь к мисс Мандерс, вдруг у нее найдутся ненужные баночки для варенья. Сэм так любит морскую спаржу, если замариновать...

Растение называлось критмум, или морской укроп, или морская спаржа, – в общем, Анна поняла, что за трава имелась в виду. Запасшись большим черным пластиковым мешком, она отправилась на залив.

Стоял один из тех пасмурных, жемчужно-серых безветренных дней, когда море и небо сливаются в единое целое и все как бы смягчается, становясь задумчивым и печальным. Сэм обмолвился за завтраком, что его ревматизм совсем расхотелся, – «будто черти клещами хватают», – но Анне такая погода как раз нравилась больше всякой другой. Очень уж подходила под ее внутренний настрой.

Стоял отлив. Девочка вброд перебралась на ту сторону, даже не оглянувшись на особняк. Над болотами висело лиловатое марево: это цвел кермек, или морская лаванда. Не собрать ли и его немного, когда будет покончено с морской спаржей?

Часа два Анна бродила по сырым луговинам, перепрыгивая ручьи, наступая то на упругие кочки, то в черную грязь; лишь буровато-серые птицы окликали ее издали: «Жаль, жаль меня!» Морская спаржа была зеленой и сочной, правда Анна не находила в ней особого вкуса – соль, да и все. Набив полный мешок, она решила отложить морскую лаванду на другой раз – и направилась к почте.

Мисс Мандерс посмотрела на девочку поверх очков, выдала дежурную улыбку и приготовилась слушать. Анна передала ей просьбу миссис Пегг, заметив в то же время, как следом за ней в отделение вошел кто-то еще. Скосила глаза и обнаружила, что это Сандра и с ней еще какая-то девочка.

– Миссис Пегг сказала, у вас могут найтись баночки для варенья, и, если можно, еще уксуса немножко, – dokonчила она, остро чувствуя, что обе девочки на нее смотрят, а Сандра еще и шепчет что-то подружке.

Та, помладше возрастом, вдруг звонко расхохоталась. За спиной Анны поднялось шушуканье, потом возня.

Когда мисс Мандерс ушла за баночками, Анна оглянулась, постаравшись выглядеть по возможности дружелюбнее. Как она ни

старалась, взгляда Сандры перехватить не удалось: та все время держалась к Анне спиной, притворяясь, будто разглядывает открытки на стойке, и приглушенным голосом разговаривала со спутницей. Та снова расхохоталась – и оглянулась на Анну через плечо. Сандра же уставилась на ящик пустых бутылочек из-под имбирного пива и преувеличенно громко произнесла:

– А если у вас еще ненужные бутылки есть, налейте в них пива, будьте так добры!

Тут рассмеялись уже обе. Анна почувствовала себя очень неловко, но решимость поймать взгляд Сандры не покидала ее. Она даже шагнула вперед, собираясь поздороваться, но в это время вернулась мисс Мандерс.

– Скажешь миссис Пегг, что баночки у меня есть, но придется заглянуть за ними попозже, – сообщила она Анне. – Вечно они оказываются где-то там, в глубине.

– Спасибо большое, – поблагодарила Анна и направилась было к двери, но вспомнила про укус.

Пришлось вернуться, занять позицию за спинами девочек и ждать, пока мисс Мандерс выдаст им по вафельному рожку с мороженым. Потом зазвонил телефон; мисс Мандерс, решив, что Анна всего лишь поджидает подружек, закрыла кассу и пошла отвечать на звонок. Тут Сандра и повернулась к Анне лицом.

– Что ты за мной всюду таскаешься? – требовательно спросила она.

– Я не таскаюсь...

– Еще как таскаешься! Правда ведь?

Вторая девочка кивнула, аккуратно облизывая мороженое. Сандра высунула язык, продолжая глядеть прямо на Анну, потом, не отводя взгляда, подняла мороженое и провела им по языку, слева и справа.

Анна тоже не отводила взгляда, с удовольствием подмечая, что мороженое внизу рожка подтаяло и вот-вот закапает Сандре передок платья.

– Я лишь поздороваться собиралась, – начала она холодно, но Сандра перебила:

– Ну давай, давай! Обзывайся!

– В смысле как – обзывайся?

– А как хочешь! Мне все равно! Я-то уж знаю, как ты сама выглядишь!

Она отвернулась и, хихикая, стала шептать что-то подружке. Подтаявшее мороженое шлепнулось ей на платье и потекло вниз.

Анна смотрела на нее с презрением.

– Толстая свинуха, – сказала она и повернулась, чтобы уйти.

Сандра загородила ей дорогу. Она только сейчас заметила потек на своем платье и яростно счищала его.

– А я тебе вот что скажу! – брызгая слюной, закричала она. – Ты сама еще хуже! Ты сверху донизу сама вся такая! Вот!..

В полном изумлении Анна покинула почту, начисто забыв про уксус. Она притворилась, будто не услышала, но на самом деле Сандра успешно нанесла ей удар ниже пояса. «Сверху донизу сама вся такая», – сказала она. А какой Анна на самом деле была?

Анна сердито шла по улице, срывая маки вдоль дороги и сминая в руке, так что раздавленные лепестки пачкали ей пальцы. Она слишком хорошо знала, что представляет собой на самом деле. Она была уродина со скверным характером, глупая, неблагодарная... и грубиянка в придачу. Поэтому ее никто и не любил. Но чтобы Сандра вот так заявляла об этом!..

Нет ей никакого прощения и не будет...

Оставив мешок с критмумом за сараем, она мрачно отправилась обедать.

Миссис Пегг еще не успела прослышать о ее столкновении с Сандрой, но, конечно, очень скоро узнает. Уж миссис Стаббс о том позаботится. Обязательно доложит ей, что Анна обозвала ее доченьку толстой свинушкой, – и это после того, как миссис Пегг так просила ее казаться дружелюбней!

Анна заранее готовилась к тому моменту, когда миссис Пегг обо всем узнает. Она сидела с угрюмым видом и односложно отвечала на неизменно доброжелательные вопросы.

– Не возражаешь пообедать, милая?

– Ничуть.

– Я сегодня печеночки приготовила. Любишь печенку?

– Вполне.

– Что с тобой, утенок? Утром не с той ноги встала?

– Нет.

– Ну, стало быть, все в порядке. Тебе бекончику положить? С лучком?

– Да.

Миссис Пегг склонилась к ней, держа в руке сковородку.

– Вообще-то, – с легким раздражением сказала она, – от «спасибо» ни у кого еще мозоль на языке не выскочила.

– Спасибо, – произнесла Анна.

– Вот и умница. Садись и кушай на здоровье. Может, настроение и улучшится.

Анна молча покончила с едой, потом встала и хотела уйти. Когда она

проходила мимо Сэма, по обыкновению сидевшего в кресле, он вытянул руку и остановил ее:

– Что с тобой, колокольчик?

– Ничего.

Она изо всех сил делала вид, будто не замечает вытянутой руки. При всем том, что ей вдруг отчаянно захотелось плюхнуться подле него на пол и все как есть ему вывалить. Но вряд ли она сумела бы проделать это без слез, а самая мысль о слезах привела ее в ужас. И потом, ее обязательно не так поймут. С миссис Престон всегда так и бывало. Тетка была неизменно очень добра, но она так обо всем беспокоилась! Вот бы нашелся кто-нибудь, с кем можно было бы поплакать вовсе безо всякой причины... ну, почти без причины. Что поделаешь, в этом смысле против нее словно весь мир сговорился. Давным-давно – дома – тоже было не лучше. Подробностей она уже не помнила, лишь смутную картину: вот она, захлебываясь слезами, бежит через обширную асфальтированную игровую площадку... И большая-пребольшая женщина тянется к ней, в изумлении восклицая: «Анна! Анна! Ну что же это такое, почему ты снова ревешь?» Так, будто ее детское горе было сущим оскорблением для всеобщей радости и веселья, царившего вокруг.

Все это пронеслось в голове у Анны, когда она миновала кресло Сэма и отправилась в буфетную – положить тарелку в раковину. Плакать нельзя. Ни по какому поводу. И уж распоследней глупостью было бы сознаться, что она обозвала Сандру толстой свинушкой – и сама же расстроилась. Или загрустила оттого, что Сандра объявила ее «с головы до пяток такой», или как там она выразилась... Нет, на самом деле причина была другая. Просто миссис Пегг ее возненавидит, когда все узнает. А значит, нехорошо было до тех пор продолжать пользоваться ее добротой.

Ожесточив сердце, Анна вышла в заднюю дверь и захлопнула ее за собой.

Вода стояла очень низко, на дне залива остался сущий ручеек. Анна посмотрела на причалы и поверх них – на Болотный Дом: вдруг снова покажется девочка, замеченная вчера? Однако все окна были пусты, дом словно спал. Анна почти посуху перешла залив, пересекла заболоченную низменность и выбралась на пляж. Там было совсем безлюдно – только птицы проносились над головой. Анна облюбовала местечко в распадке между песчаными дюнами, устроилась там и остаток жаркого летнего дня ни о чем не думала.

Глава восьмая

Вечер в «Бинго»

Сегодня миссис Пегг шла в «Бинго». Анна и забыла об этом; когда спустя несколько часов она вернулась домой, миссис Пегг успела переодеться в самую нарядную блузку и разыскивала в ящике комода впитывающийся крем под пудру: заветная баночка хранилась ради особых случаев вроде сегодняшнего.

– Я твой чай на пар поставила, чтобы не остыл, – сказала она Анне. – Потом газ выключишь, хорошо? Сэм отправился в «Королевский венец» резаться в домино, так что мы с ним почаевничали пораньше... Где же этот крем, хотела бы я знать? Вместе с баночкой куда-то впитался?.. А! Попался наконец!

Пропажа обнаружилась среди прихваток для горячего, бумажных кульков, чайных салфеток и иных мелочей. Миссис Пегг открыла баночку и принялась торопливо мазать лицо.

– Так, а куда же я туфли задевала? Готова поклясться, я сверху их принесла... Так ты, милая, не забудешь газ выключить? Пойду-ка другие туфли искать...

И она возобновила раскопки.

Вот это было Анне как раз по душе. Никто ею не занимался, не лез. Никто не тратил попусту время, выясняя, какое у нее настроение и почему. И о ее дурном поведении за обедом, кажется, благополучно забыли. Центром вселенной сделались «Бинго» и домино. Таковы были Пегги: они не притворялись, будто забыли, они действительно забывали. Значит, и она имела право от всего отрешиться. От Пеггов, от Стаббсов... вообще от всех. Какое счастье, когда за тобой ежеминутно не присматривают и не трясутся.

Да, но к завтрашнему дню миссис Пегг всяко узнает о ее столкновении с Сандрой.

Когда миссис Пегг, прихрамывая, спустилась в своих выходных туфлях (которые особо ничем не отличались от повседневных, только были тесней), Анна смотрела в окно.

– Ну, пошла я, утеночек, – попрощалась миссис Пегг, подойдя к двери. – Попей чайку, как надумаешь.

Анна лишь обернулась и официально-вежливо произнесла:

– До свидания.

И вот она осталась одна. На буфете тикали часы, на плите тихонько булькала кастрюля. Так называемое чаепитие было на самом деле основательной трапезой: Анну ожидала изрядная порция копченой рыбы с тушеной фасолью, а собственно к чаю – булочка, покрытая липкой глазурью. Анна неторопливо поужинала: ее все не оставляло тихое безразличие. Выключив газ, она помыла тарелки, отправила их в сушилку и вновь вышла из дома.

Уже были сумерки, прилив успел высоко подняться. Он как-то быстро подоспел, пока она ужинала; вода тонким серебристым слоем покрыла причал, оставив у обрыва сухую полоску всего в несколько футов. Возле самого берега покачивалась лодочка, привязанная к столбу; раньше ее там не было, в этом Анна была уверена. Она бы наверняка ее заметила днем – обсохшую во время отлива. Тем более что лодочка была очень славная. Почти новая, цвета полированного ореха.

Анна подошла поближе, заглянула внутрь.

На носу лежал серебристый якорь, белый якорный трос был свернут опрятными кольцами. В уключинах, готовые к плаванию, виднелись весла. Казалось, кто-то только вышел на берег и собирался вскоре вернуться. Анна быстро огляделась: нигде никого. А ведь за последние десять минут никто по дороге не проходил; Анна бы непременно заметила. Ей все больше казалось, будто лодочка кого-то ждала. Ее ведь даже на якорь не поставили, он лежал внутри, да и швартов всего два раза обвели кругом столба... Уж не Анну ли она дожидалась?

Она огляделась еще раз, скинула парусиновые тапочки – и, ни о чем даже не думая, подтянула лодочку поближе, шагнула через борт. От неожиданного движения небрежно захлестнутая веревка распуталась и упала. Анна втянула ее внутрь и взялась за весла. Ей никогда раньше не доводилось грести... Если не считать того раза в Борнмуте, когда мистер Престон дал ей подержаться за весло и заодно внушил золотое правило: никогда не вставать в лодке во весь рост. Тем не менее она чувствовала полную уверенность.

Она осторожно обмакнула в воду сперва одно весло, потом другое. Стала потихоньку делать маленькие гребки – и вот она уже отделилась от столбика, понемногу продвигаясь вдоль берега.

Почти без какой-либо осознанной мысли она поплыла мимо Болотного Дома.

Вода кругом была невероятно тихой и гладкой. Анна прекратила грести, оперлась на весла и стала смотреть на догоравший закат, от которого остались огнистые полосы над горизонтом.

– Жаль меня! – кричала птичка-песчаник, так, кажется, она называлась. – Жаль, жаль меня!..

Анна встрепелась: лодка продолжала двигаться, хотя веслами она больше и не работала. Берег по левую руку быстро ускользал прочь, теперь она находилась прямо напротив Болотного Дома. Она заметила свет в окнах нижнего этажа... и поспешно схватилась за весла. Оглянувшись через плечо, обнаружила, что движется прямо туда, где в воду выдавался угол стены. Если не поторопиться, туда-то она и стукнется. Она ударила левым веслом, но лишь шлепнула по воде и едва не свалилась навзничь. В тот же самый момент прямо над ухом послышался голос – детский, девичий, смешливый:

– Эй, на борту! Веревку бросай!

Глава девятая

Девочка и лодка

Анна бросила веревку, та натянулась, дернулась... лодку подтащили к стене, где она и остановилась с легким толчком.

Только тут Анна подняла глаза. Над ней, на врезанных в стену ступенях, стояла девочка. Та самая, которую она видела раньше. На ней было легкое длинное платье, светлые локоны падали на плечи. Она

наклонилась вперед, сверху вниз заглядывая в лодку.

– С тобой все хорошо? – прошептала она.

– Да, – «обычным» голосом ответила Анна.

– Тихо! – Девочка поднесла палец к губам. – Услышат еще!.. Ты можешь оттуда выйти?

Анна выбралась на ступени. Девочка привязала веревку к железному кольцу в стене. Они стояли напротив, рассматривая друг дружку сквозь сумерки. «Это точно сон, – думала Анна. – Я ее выдумала. Поэтому можно и не говорить ничего...» И она продолжала смотреть, словно на привидение.

Однако и незнакомая девочка точно так же вглядывалась в нее.

Наконец Анна шепотом спросила:

– Ты настоящая?

– Да, а ты?

Они рассмеялись и потрогали одна другую для верности. О да, чужая девочка была вполне реальна, и платье у нее было из чего-то невесомого и шелковистого, а плечо – крепкое, теплое.

Девочка тоже явно поверила, что Анна ей не мерещилась.

– У тебя ладонь липкая, – сказала она и вытерла руку о платье. – То есть мне-то все равно, но так оно и есть! – Потом добавила, глядя во все глаза: – Ты, наверное, нищенка?

– Нет, – сказала Анна. – С какой стати?

– Ты босиком. И волосы у тебя темные и спутанные, как у цыганки. Тебя как зовут?

– Анна.

– Ты в деревне живешь?

– Да, у мистера и миссис Пегг.

Девочка задумчиво глядела на нее. В гаснущем свете трудно было рассмотреть черты лица, но глаза, кажется, были голубыми, в прямых темных ресницах.

– Мне не разрешают с деревенскими детьми играть, – медленно проговорила девочка. – Но ты ведь приезжая, верно?.. А впрочем, какая разница. Все равно они не узнают...

– Тебе не о чем беспокоиться. – Анна резко отвернулась.

– Не уходи! – Девочка, однако, удержала ее. – Ну что ты сразу надулась? Я вправду хочу с тобой познакомиться! А ты со мной хочешь?

Анна заколебалась. Хотелось ли ей познакомиться с этой девочкой? Она и сама толком не знала. Для начала она решила кое-что объяснить:

– Руки у меня липкие, потому что на ужин я ела булочку с глазурью. А

волосы растрепанные, потому что я с утра не причесывалась. И я не хожу босиком, у меня есть тапочки, но они остались на берегу. Вот.

Девочка рассмеялась и потянула ее за руку, приглашая к себе на верхнюю ступеньку.

– Давай тут посидим. Тут они нас не увидят, если в окно выглянут. Только разговаривать надо тихо-тихо!

Она посмотрела через плечо на окна. Анна проследила ее взгляд.

– Они все наверху, – прошептала она. – В гостиной окна горят.

Прямо у них над головами с неожиданным стуком распахнулось окно. Девочка поспешно пригнулась и надавила Анне на плечо, чтобы та тоже спряталась. Они потихоньку сошли ступенькой ниже и уселись, наклонив головы. Девочка крепко держала Анну за руку.

– Как красиво смотрятся болота по вечерам! – проговорил женский голос над ними. – Сидела бы вот так и сидела...

Девочка вздрогнула, пригнулась еще ниже. Они держались за руки, беззвучно смеясь и видя в потемках лишь белые зубы друг друга.

– Закрой окно, – донесся сверху мужской голос.

Из комнаты долетела музыка, раздался взрыв смеха, еще голоса...

– Марианна, иди танцевать! – позвал кто-то.

– Сейчас, – отозвался наконец женский голос над головами девочек. – Минутку посижу и приду... Кстати, а где ребенок?

Девочка обхватила Анну рукой за пояс. Обе затаили дыхание. Анна и не помнила, доводилось ли ей вот так прижиматься к кому-то.

– Надеюсь, в постели, – сказал мужской голос. – Хватит уже, закрывай окно!

Со щелчком сомкнулись оконные рамы. С болот долетел крик серо-

бурой птички:

– Жаль! Жаль меня!..

Легкий ветерок сморщил воду, лодка тихо раскачивалась вниз. Девочка выпустила руку Анны.

– Это они о тебе говорили? – шепнула Анна.

Та кивнула, тихонько смеясь. Анна спросила еще:

– Тогда почему ты в таком платье, а на вечеринку не идешь?

– Вечеринка была раньше, а сейчас уже поздно. Ты же слышала: я в кровати должна быть. А тебе что, допоздна гулять разрешают?

Анна покачала головой:

– Нет, мне тоже скоро уходить надо...

Она осеклась, вспомнив, каким образом попала сюда, и спросила:

– Это ваша лодка?

– Да, наша. Я ее нарочно для тебя там оставила. Только я не знала, что ты грести не умеешь!

Они снова захихикали в темноте. Анна вдруг почувствовала себя невероятно счастливой.

– А как ты поняла, что я там? Ты что, меня видела?

– Да, много раз.

– А я думала, вы только въехали!

Девочка вновь рассмеялась и сама себе закрыла рукой рот. Наклонилась к Анне и щекотно зашептала ей на ухо:

– Да нет же, конечно! Я давным-давно уже тут живу!

– Сколько? – прошептала Анна в ответ.

– Неделью самое меньшее! – поддразнила девочка. – Ш-ш-ш! Слезай в лодку, я назад тебя отвезу.

Уже в лодке Анна сказала ей:

– Значит, ты за мной наблюдала?

Девочка кивнула.

– Тише ты! Звук по воде знаешь как слышно?

Анна послушно понизила голос:

– А у меня чувство было, что ты здесь. Я даже оглядывалась, бывало, думаю, и кто же это все время на меня смотрит? А тебя не было видно...

Девочка тихо засмеялась:

– А вот и было!

– Где?

Та наклонилась к веслам и указала наверх:

– Вон мое окно. Вон там, самое крайнее.

– Ну да. – Анна медленно кивнула. – Могла бы я догадаться. Я же там

тебя видела. И вчера видела: тебе волосы расчесывали.

– И я тебя видела.

Анна даже удивилась:

– Как так, ведь ты же боком стояла! И ты никак не...

– Ну конечно, я никак не показывала... Тихо ты, не кричи! – предупредила она, хотя Анна была уверена, что говорит тихо. – Ты мой страшный секрет, между прочим! Я про тебя никому-никому не говорила и нипочем не скажу! Если проговорюсь, они все испортят! – Она наклонилась вперед и тронула коленку Анны. – Пообещай, что тоже про меня не расскажешь! Никому-никому!

– Ни за что! Никому и никогда!

Анне нравилось, когда ее о чем-то просили. Ну надо же, ей наконец попался кто-то такой же, как она сама! Это ли не предел мечты – тайная подружка, о которой никто посторонний понятия не имеет! Самая настоящая подружка... и в то же время как бы не очень реальная...

– Что ты утром делала на болоте? – задумчиво спросила девочка.

– Морскую спаржу собирала. А ты что, опять меня видела?

– Да. Только я думала, ты за морской лавандой пошла. Очень ее люблю...

Последние слова она произнесла так тихо, что Анна еле расслышала.

Лодочка негромко проскрипела днищем по камешкам, и Анна выпрыгнула на берег. Некоторое время она молча стояла, держась за нос лодочки. Расставаться очень уж не хотелось. Девочка в своем светлом платице казалась маленьким привидением на темном фоне тростников и воды. Сумерки уже совсем сгустились. Было очень тихо, только у ног Анны еле слышно плескалась вода. Подняв глаза, девочка увидела над собой огромное небо в ярких огоньках звезд.

«Да, – сказала она себе. – Все это мне точно приснилось!»

– Ты так тихо стоишь, прямо привидение... Анна! – слегка дрожащим голосом произнесла девочка. – Анна, но ты ведь взаправду настоящая?

Анна с облегчением рассмеялась. Девочка рассмеялась в ответ:

– Иди сюда.

Анна наклонилась, и новая подружка легонько чмокнула ее в щеку.

– Вот! Теперь я точно уверена, что ты мне не приснилась! Только оттолкни лодку как следует, прежде чем в воздухе растаешь!

Анна толкнула лодку прочь от берега.

– В следующий раз я тебя грести научу! – веселым шепотом прокричала девочка. – Ну, пока! Тапочки не забудь!..

Анне пришлось ощупью пошарить на берегу, но тапочки она наконец

разыскала. Если бы девочка ей не напомнила, она бы здесь их и забыла, – лишнее доказательство, что ей не примерещилось!

Она побежала домой, прямо-таки дрожа от возбуждения. Она-то клялась себе, что нипочем не пойдет знакомиться с новыми соседями, когда те появятся! И вот вам пожалуйста – нечаянная встреча с ровесницей порадовала ее так, как ни одна прежде.

Эта девочка была не такая, как все. Чувствовалось в ней... какое-то волшебство, что ли. Анна вдруг сообразила, что даже имени ее не узнала. От огорчения она перешла с бега на шаг: как же так, почему она не спросила?.. Может, времени не хватило?.. Она и не помнила. Только то, что с ней произошло настоящее чудо.

Она пронеслась по дорожке к дому, уже слыша доносившиеся издали голоса – это, смеясь и болтая, возвращались из «Бинго» любители одноименной игры. Они желали друг дружке спокойной ночи и по одному, по двое покидали компанию, направляясь домой. Анна прибавила шаг, толкнула заднюю дверь...

Внутри горел свет, на плите кипел чайник, Сэм уже расставил чашечки для какао...

Это был совсем другой мир.

Глава десятая

Маринованная спаржа

Наутро за завтраком Анна перехватила устремленный на нее взгляд миссис Пегг, полный недоумения. Только тут она вспомнила про «Бинго». Миссис Стаббс туда наверняка приходила – и уж точно поведала ей про Анну и Сандру. Ну и ладно. Не собиралась она сейчас об этом задумываться. Ее занимали другие, гораздо более приятные мысли. Анна преспокойно жевала свой завтрак, вспоминая вчерашнее приключение. Та

странная девочка... ее лодочка... Выйдет она сегодня вечером опять на залив? Анна даже не спросила ее об этом, забыла...

Она замерла, не донеся до рта надетый на вилку кусочек поджаренного хлеба с ломтиком помидора. Потом вспомнила обещание девочки в следующий раз научить ее грести. Значит, будет следующий раз! Она улыбнулась и отправила хлеб с помидором в рот. Подняла глаза и встретила взглядом с миссис Пегг.

– Вижу, завтрак тебе по вкусу, – сказала хозяйка. – Это утешает.

Анна выпрямилась, возвращаясь к реальности.

– Да, спасибо большое. Все очень вкусно.

Миссис Пегг задумчиво склонила голову к плечу:

– Ты не забыла, о чем я тебя просила вчера с утра?

Анна приготовилась к худшему. Миссис Пегг просила ее быть подружелюбнее с Сандрой. Ну так она и пыталась: не вышло! И показывать, будто это хоть как-то ее волновало, Анна не собиралась.

– Не то чтобы такая уж важность, – продолжала миссис Пегг, – просто, как ты ушла, Сэм мне и говорит: «Вот бы снова маринованной спаржи попробовать...»

Но Сэм, поняв, к чему она клонит, вмешался:

– Ладно тебе, Сьюзан, что ты девочке житья не даешь? Если мне приспичит, я сам себе травы наберу. У тебя же, колокольчик, головка совсем другим занята, верно?

Анна рассеянно смотрела на них: да о чем это они? Потом вспомнила: ну как же, ее мешок! После столкновения с Сандрой она его оставила за сараем да там и забыла. Не произнесла ни слова, Анна встала, принесла мешок со спаржей и положила у двери.

– Поди ж ты! – заулыбалась миссис Пегг. – А мы-то решили, у тебя из головы вон! Кстати, утеночек, ты у мисс Мандерс баночек не спросила?

– Спросила, – опасливо отозвалась Анна, стоя у двери. – Она сказала, что потом поищет.

Девочка всматривалась в лицо миссис Пегг, ища признаки недовольства, но та все так же сияла радостным изумлением.

– Я за ними схожу прямо сейчас, если надо. И уксус захвачу...

Она очень старалась, чтобы голос не был угрюмым или заискивающим, просто «обычным».

Миссис Пегг сказала, что это было бы весьма мило с ее стороны, но не к спеху: ей еще массу дел нужно переделать, прежде чем она спаржей займется. Анна тем не менее предпочла сходить не откладывая. С гвоздя за дверь взяла авоську и вышла из дому, оставив пожилую чету улыбаться и

качать головами. Чудеса да и только!

Про себя Анна сделала вывод: миссис Пегг еще не знает о ее выходке. Как такое могло быть? А, ей все равно!

И хорошо, что она помнила о своем безразличии. Ибо едва она вернулась, как миссис Пегг произнесла:

– Я нынче на угол собираюсь, думаю баночку с собой захватить. Уж больно миссис Стаббс маринованную спаржу-то уважает!

– А в «Бинго» вы ее встретили? – спросила Анна как можно небрежнее.

Миссис Пегг покачала головой:

– Нет, мы в разных углах сидели, только уже на выходе она мне и говорит: приходите, мол, вечером, надо кой о чем с вами потолковать. Думаю, это насчет выкроек, что ее сестра из Линна привезла: на чехлы для кресел. Она мне их давно обещала. Только вид у нее что-то не очень довольный был, видно, оттого, что я не пришла, когда она первый раз меня приглашала. Ну ладно, говорю, всенепременно приду... В общем, ты не возражаешь, утеночек, если я вечером попозже вернусь?

Анна заверила ее, что ни под каким видом от этого не расстроится. Уединение ее устраивало прекрасно. Миссис Пегг удивленно посмотрела на нее, но она едва это заметила.

В вечерних сумерках Анна выбралась на залив. Миссис Пегг полдня возилась с морской спаржей: разбирала, промывала, мариновала. Наконец, облачившись в любимую блузку и с закатанной баночкой в руках, она отправилась на угол, к миссис Стаббс. Анна посмотрела ей вслед, упорно гоня мысль о безнадежности ситуации: бедная миссис Пегг шла туда, ничего дурного не подозревая, подарок несла... А там миссис Стаббс небось накинется на нее из-за поведения Анны. Можно было в кои веки раз изобрести какой-нибудь окольный путь и предупредить добрую миссис Пегг о том, что ее ожидало... Однако сегодня вечером Анна себе не позволяла даже и думать о постороннем.

Сперва она очень огорчилась, не найдя лодочки; к тому же и вода стояла еще совсем низко. Потом Анна припомнила, что сегодня прилив наступит примерно на час позже вчерашнего. Она болталась возле причалов, сидела на обрыве, исследовала берег в поисках ракушек и морских ежей, но попались ей лишь куски пробки, обрывки смоленого троса да еще отбитое горлышко от бутылки.

Потом стало темнеть.

Окончательно расстроившись, Анна прислонилась к столбику, у которого вчера нашла лодку, и сказала себе: девочка не появится. Прилив

уже всюду заливал берег, вода лениво вихрилась у подножия столба. Может, все вчерашнее она сама себе напридумывала?

И вдруг до нее долетел негромкий плеск весел, размеренное поскрипывание уключин. Таинственная подружка приближалась, обретала вещественность. Анна с плеском устремилась в воду – встречать.

– А я уж боялась, ты не придешь, – сказала ей девочка. – Забирайся скорей, покатаемся!

– И я тоже боялась, что ты не появишься.

– Я знаю! Я как-то и забыла, что прилив попозже начнется. А посуху мне никак – в окошко увидят.

Она развернула суденышко и направила прочь от берега, против приливного течения.

– Только давай помолчим, – сказала она. – Я тебе потом скажу почему. Сначала покажу, как грести.

Анна села на весла. Девочка устроилась напротив, на корме. Нагнулась вперед, взяла ее руки в свои, показала, как двигаться. Время от времени она поднимала голову, заглядывала Анне в лицо и неслышно смеялась. Потом убирала руки – и Анна тотчас убеждалась, что совсем еще не умеет грести. Тем не менее мало-помалу у нее начало получаться.

Она гребла, глядя прямо перед собой широко раскрытыми, немигающими глазами, стараясь запомнить каждую черточку новой подружки. У той светлые волосы были сегодня заплетены в две длинные косы, перекинутые вперед; она нагибалась, выпрямлялась, косы раскачивались. Под шерстяной кофтой вновь просматривалось белое платье почти до пят. На ком-нибудь другом оно смотрелось бы странно, но у Анны не возникло ни малейших вопросов. Этой девочке и полагалось выглядеть персонажем волшебной сказки; все было на месте.

У выхода из залива, который лодочке покидать не стоило, они подняли весла и некоторое время молча сидели среди водорослей и камышей, слушая негромкие голоса ночи. Ближе к берегу квакала лягушка, плескали мелкие рыбешки и вновь скрывались в воде... Девочки сидели очень тихо, каждая словно сама по себе. Потом незнакомая девочка подалась вперед и произнесла полусшепотом:

– А теперь я тебе расскажу, почему нельзя было говорить!

Глава одиннадцатая

По три вопроса

Анна придвинулась ближе.

– Помнишь, – по-прежнему полупшепотом начала девочка, – вчера я сказала, что ты – мой секрет?

Анна кивнула:

– Я сразу поняла, что ты имеешь в виду. А ты – мой!

– Вот именно! Давай не будем это портить всякой глупой болтовней и бесконечными вопросами, ладно? А то еще начнем дуться одна на другую, а потом и вовсе рассоримся. Вот как сейчас есть, давай так и продолжать!

– Да! Конечно! – согласилась Анна. Задумалась и добавила: – Только я даже не знаю, как тебя звать.

– Марни, – вроде бы даже с удивлением ответила девочка. – А я думала, ты знаешь!

Анна покачала головой.

– Слушай, – продолжала Марни. – Я про тебя все-все хочу знать. И почему ты здесь, и где живешь, и чем весь день занимаешься... ну, всякое такое. И одновременно как бы не хочу... – Она осеклась, коротко рассмеявшись. – Нет, я все неправильно говорю. Я хочу про тебя все узнать. Только понемногу, постепенно, сама... Ты ведь понимаешь, про что я говорю?

Анна понимала. Еще как понимала! Она и сама чувствовала то же.

– Знаешь, как мы с тобой сделаем? – сказала Марни. – Давай договоримся, что каждый вечер будем задавать по одному вопросу, хорошо? Ну, как в сказках желания загадывают!

– Там, кажется, обычно по три... – с некоторым сомнением ответила Анна.

– Ну ладно, пускай будет три. Я начну! Вопрос номер один! Что ты делаешь в Литл-Овертоне?

Это была всем забавам забава. Анна набрала побольше воздуха в грудь и рассказала, как ее вместо школы отправили сюда, к Пеггам, поскольку доктор Браун решил, что ей это будет полезно: она, мол, слишком худая и все такое.

На лице Марни читался жгучий интерес, поэтому Анна рассказала ей про «тыдажеинепытаешься» и о том, что миссис Престон беспокоилась о ее будущем.

– И не только в том дело, – докончила она. – Они не знают, что я знаю, а я догадалась: это еще и потому, что им хочется малость от меня отдохнуть. Им со мной типа непросто.

– Ой, вот ведь как! Но ты точно уверена? Я знаю, так кажется иногда, но на самом деле все вовсе не так...

– Нет, я точно знаю. Я тебе когда-нибудь расскажу, как я поняла... но не сегодня. Сейчас ведь моя очередь? – Марни кивнула, и Анна спросила: – Сколько у тебя братьев и сестер?

– У меня? – Марни даже удивилась. – Ни одного. А почему ты решила, что у меня есть братья и сестры?

– Что, ты правда единственный ребенок? – изумленно переспросила Анна.

Она чувствовала немалое разочарование: а как же толпа мальчишек и девчонок в синих джинсах и свитерах? Она была настолько уверена, что они тоже имеют прямое отношение к Болотному Дому...

Марни легонько подтолкнула ее локтем:

– А что? Одной меня тебе уже мало? И вообще, что за вопрос?

Анна засмеялась:

– Ну, я как-то сразу решила, что у вас там большая семья...

– В некотором смысле так оно и есть. – Марни принялась загибать пальцы. – Я, потом Лили, Этти, Нэн, мама с папой... – Она поколебалась, добавила: – И Плутон.

Глаза у нее как-то странно потемнели, и Анна быстро спросила:

– Плутон – это кто?

– Не жульничай! Мой черед спрашивать! Вопрос номер два: ты тоже у родителей одна?

Анна задумалась. Считался ли Рэймонд? Он ведь не брат, не кузен... вообще не родственник.

– Типа того, – ответила она наконец.

– Типа того?

– Сама не жульничай. Мой черед! Кто такой Плутон?

Марни неожиданно посерьезнела.

– Это наш пес... Вот что, я тебе секрет расскажу. Я его на самом деле терпеть не могу! Он огромный, черный и временами свирепый! Он в конуре большей частью живет. Папа сказал, что он мне будет добрым приятелем, а какой он приятель? Я котенка хотела, такую пушистенькую пусечку, чтобы на коленях держать, но папа говорит – зато Плутон будет дом сторожить, когда его самого нету... Щенком он был еще ничего, хотя все равно большой и грубоватый, но сейчас он просто ужасен! Только представь, он сырое мясо ест, гадость какая! Ты не говори никому, но, честно, я его даже боюсь... – Марни содрогнулась, но веселье тотчас вернулось к ней. – Снова мой черед, верно? Расскажи, как это – у Пеггов жить?

Анна открыла было рот... и с изумлением обнаружила, что... не помнит. Наверное, оттого, что думала над ответами Марни и гадала: не лай ли Плутона она время от времени слышала вечерами. Жить у Пеггов? Она в самом деле не помнила, все как-то вылетело из головы, стерлось, словно тряпкой со школьной доски. Марни, наполовину призрачная Марни, вдруг сделалась куда реальнее Пеггов. Вот странно!

Она искоса посмотрела на Марни: та, похоже, в ожидании ее ответа сама замечталась о чем-то. Она сидела на кормовой банке, обхватив руками поджатые колени, ее лицо было в тени.

Анна сделала еще попытку. Она обязана вспомнить хоть что-то про Пеггов, вспомнить и рассказать Марни. Анна закрыла глаза. Постепенно проявилась буфетная, чайник на плите, а за дверью – кресло Сэма с разошедшимся швом на уголке... Пегги и их коттедж снова обрели плоть.

Анна с облегчением открыла глаза...

...И никого не увидела. Марни исчезла. Анна была в лодке одна.

Она вскрикнула и вскочила, суденышко заходило ходуном. Сзади тут же прозвучал испуганный шепот:

– Анна, ты что? Ты где? Куда ты подевалась?

– А я думала, это ты подевалась! Что ты там делаешь?

Марни стояла позади нее на берегу. В длинном белом платье, в окружении высоких тростников, в лунном свете, струившемся на светлые волосы, она в самом деле казалась гостьей из волшебной сказки. Она подошла ближе, и Анна увидела: у Марни испуганный вид.

– Ну ты даешь! – сказала девочка на берегу. – Зачем было вот так сбегать? Я уже тебя искать пошла. Думала, ты в тростниках спряталась! –

Она ухватила для равновесия за руку Анны и перебралась назад в лодку. – Анна, милая, не делай так больше, ладно?

Ее голос звучал почти умоляюще.

– Но я не... я никуда...

Марни уселась и сложила руки на коленях.

– Не отговаривайся. Ты меня одурачила. Так нечестно! Я тебя спросила, ты не ответила. Сбежала куда-то, спряталась...

– Вот в чем дело! – сказала Анна. – Только я не убегала. Ты меня спрашивала про Пеггов, про то, как у них живется... Ладно. Сейчас расскажу. Это... ну...

И умолкла, смутившись. Она снова забыла. Во дела!

Марни весело рассмеялась:

– Ну и ладно, забудь. Если уж на то пошло, какое мне дело до твоих Пеггов? Я даже не знаю, кто они такие. И вообще, глупый вопрос был. Давай о чем-нибудь более насущном поговорим. У тебя часы есть?

– Нет, а что?

– Я думаю, скоро надо бы возвращаться. И так уже поздно было, когда мы отправились. Поймут еще, что я вышла... Может, я грести сяду?

Анна кивнула. Они поменялись местами и сообща вытолкали лодку из камышей на чистую воду.

– Ты еще последнего вопроса не задала, – напомнила Марни.

– Да, но я не сумела ответить на твой. – Анна все еще недоумевала.

– Ладно! Это все чепуха. Я тебе другой вопрос задам. Ты где живешь?

– В Лондоне, – быстро ответила Анна. – На Элмвуд-Террас, дом двадцать пять.

Марни кивнула с одобрением:

– Ну хоть это помнишь! Теперь задавай свой последний!

Анна мысленно пробежалась по длинному списку вопросов, которые ей хотелось задать. Может, спросить Марни об этом платье? Нет, она, наверное, пришла с какого-то взрослого сборища. О семье? Да ну, там все равно одни взрослые... А вот признание Марни, что она побаивалась собственной собаки, ее в самом деле заинтриговало. И в конце концов она спросила:

– А ты еще чего-нибудь боишься? В смысле, кроме всяких очевидных вещей вроде землетрясения?

Марни серьезно задумалась.

– Грозы немножко боюсь, если сильная. И еще... – Она обернулась и посмотрела через поля, где одиноким часовым высилась ветряная мельница, слегка содрогнулась и добавила: – И еще вон той штуки

временами боюсь.

– Ветряка? Да с чего?

– Все! Этот вопрос побереги до следующего раза, – вновь рассмеявшись, ответила Марни. Потом посерьезнела. – Вообще-то, по моему, не получилась у нас игра. Ты все какие-то вопросы неправильные задаешь. Я не очень люблю думать обо всяких мрачных вещах вроде той старой мельницы. И я тоже неправильный вопрос тебе задала. Ты даже ответить на него не смогла, да еще напугала меня, удрав в тростники...

– Не очень я понимаю, о чем ты, – сказала Анна. Случившееся продолжало беспокоить ее. – Я правда с места не двигалась!

Марни смотрела на нее круглыми глазами.

– Еще как двигалась! Да как ты можешь такое говорить? Я ждала и ждала, чтобы ты ответила, а потом смотрю – тебя нету! Я и пошла искать...

– Нет! – Анна с негодованием возразила. – Это ты взяла да исчезла!

Марни вздохнула:

– Ты думаешь – это я пропала, а я – что ты. Слушай, давай лучше спорить не будем? Может, мы обе...

– Или ни ты, ни я, – сказала Анна, чувствуя, как растворяется гнев.

Да о чем тут вообще спорить? И уж самое последнее, чего бы ей хотелось, – это ссориться с Марни. Она решила поменять тему.

– Повезло тебе, у тебя своя лодочка есть...

– Да, повезло. Я всегда хотела лодочку, и в этом году мне ее подарили на день рождения. Ты – самая первая, кто в нее сажился, кроме меня. Здорово, правда?

Вот с этим Анна была согласна целиком и полностью.

Они приблизились к берегу.

– Я тебя тут высажу, – сказала Марни. – Вброд отсюда дойдешь или глубоко?

Анна свесила ногу за борт. Вода была почти по колено.

– Нормально. – Она вспомнила о платье Марни и добавила: – Ну, для меня.

– Что значит «для тебя»? – в шутку возмутилась Марни. – Я тебя нисколько не меньше! – И вдруг рассмеялась: – А-а, ты про мое вечернее платье! Ты же, бедняжка, одеваешься, точно мальчишка... Хочешь, наверное, наряжаться, как я?

«Достать меня хочет», – решила Анна и не ответила.

Марни уже развернула лодку и гребла прочь, продолжая хихикать.

– Пока! – крикнула Анна, торопясь, пока лодка не ушла слишком далеко.

Голос прозвучал очень одиноко.

– Пока! – отозвалась Марни сквозь смех.

Она продолжала посмеиваться, скрываясь в темноте. А потом, уже почти невидимая, вновь подала голос, и он долетел над водой совсем тихо, но внятно:

– Глупенькая, это же моя ночнушка!..

Глава двенадцатая

Миссис Пегг разбивает чайник

Миссис Пегг была во дворе. Она вытряхивала половичок, применяя гораздо больше усилий, чем требовалось.

— Я-то думала... — говорила она Анне между взмахами. — Уж самое меньшее, что ты могла бы сделать... это вежливо с людьми разговаривать! Я же специально просила тебя держаться чуточку дружелюбнее! Я...

Задохнувшись, она бросила половичок на мусорный бак и вытерла глаза краешком фартука. Анна пережила миг ужаса, вообразив, что миссис Пегг плакала, но потом поняла – дело было в другом. У нее самой щипало глаза. Крохотный двор был полон пыли.

Миссис Пегг повернулась к ней. Лицо у нее было красное.

– Девочка моя, ну зачем ты это сделала? Что на тебя такое нашло?

– Она первая начала обзывать, – буркнула Анна.

– В самом деле? И как же она тебя обозвала? – Миссис Пегг смотрела на нее с надеждой, но Анна упрямо насупилась и сжала губы.

Миссис Пегг решила надавить на нее:

– Не то чтобы я любила в чужие склоки вступать, и потом, что уж сделано, того не переделаешь, но лучше бы ты прямо сейчас мне сказала!

Анна мрачно пробормотала:

– Она сказала... что я сама вся такая.

– Какая?

– Сама вся такая, – повторила Анна.

– Боже милостивый! Ну и что тебе не понравилось?

Миссис Пегг в сердитом отчаянии воздела руки и, грузно ступая, ушла в дом. Из кухни донесся мягкий голос Сэма: по его мнению, это все была чепуха, не стоившая такого расстройств. Миссис Пегг сердито напустила мужу, как она «всю дорогу» твердила: не стоит ссориться с миссис Стаббс. По крайней мере – до праздника!

– Сам знаешь, я всяких там слухов знать не хочу и в чужие размолвки подавно не лезу, но миссис Си просто вне себя, а она, если помнишь, ведет пирожным столом, где я должна помогать... – Тут из дому донесся внезапный дрызг, потом снова голос миссис Пегг, дрожащий от слез: – Мой чайник!.. Мой большой чайник! Господи, это последняя капля...

И всхлип. На сей раз никакой ошибки быть не могло.

Дальше Анна решила не слушать.

Она пошла на берег, на сей раз – вдоль дамбы. Многоватика нигде не было видно, но сейчас Анна и его молчаливого общества не вынесла бы. Ей не хотелось думать ни о чем и ни о ком – даже о Марни. Если бы миссис Пегг всего лишь продолжала сердиться, это можно было бы пережить. Но гибель чайника...

Анна поспешно отставила это воспоминание. Она шла быстрым шагом, не думая ни о чем и ничего не видя вокруг, – пока не добралась до песчаных дюн.

Здесь было, кажется, единственное место, где она не боялась на кого-то наткнуться. Даже если кого-нибудь вправду занесет на пляж, она любого

увидит с порядочного расстояния, спрячется и переждет, пока все не уйдут. Она уже провела здесь множество вечеров, лежа в песчаном распадке, слушая, как шуршит в траве ветер, как негромко вздыхает море да чайки кричат вдалеке. Здесь она чувствовала себя словно на самом краю земли. Чайки иногда подлетали ближе и принимались хлопать крыльями и скандально орать, ссорясь из-за рыбешки в приливных лужах. Иногда же – уносились далеко и оглашали пляж скорбными жалобами. Тогда Анне и самой хотелось плакать. Не настоящими слезами, конечно, а так – в душе. Крики чаек казались голосами из прекрасного и безвозвратного прошлого, напоминали о чем-то, что она некогда любила и потеряла... и больше уже не найдет. Что именно? Анна не знала.

В это утро она провела в дюнах несколько часов, думать не думая ни о миссис Пегг, ни о Сандре, ни о миссис Стаббс. Эти мысли она старательно изгоняла, оставляя только воспоминания о Марни. Постепенно до нее дошло, что прилив этим вечером наступит совсем поздно. Никак не раньше одиннадцати часов. И как, спрашивается, ей увидаться с Марни?

Шагая домой обедать, она додумалась до очевидного ответа. Если Марни могла удирать из дому в ночной рубашке, почему ей не поступить так же? Решено: она сегодня ляжет пораньше, прежде Пеггов, а потом уйдет потихоньку. А перед этим – ближе к вечеру, во время отлива, – наберет морской лаванды для Марни.

В коттедже ее ждало письмо от миссис Престон. Тетушка сообщала новости обо всяких людях, которых Анна не знала. Наверное, это были лондонские соседи. Анна попробовала представить себе дом... не получилось. Он казался слишком далеким и нереальным. Трудно было зримо вообразить даже миссис Престон, по-прежнему жившую там.

В конце письма имелся постскриптум, гласивший:

Обязательно напиши как можно скорее. Ты совсем ничего нам не сообщила, кроме того, что ходила на побережье. И еще ты, дорогая, так ничего и не написала про тот запах. Можно поподробнее?

Анна с удивлением перечитала последние строки. Запах? Какой запах? Она даже подумала, что в письмо вкралась описка и на самом деле кто-то зачих. Нет. Непохоже... На сей раз к письму была приложена почтовая карточка с маркой и адресом, поэтому Анна решила ответить сразу, пока миссис Пегг накрывала на стол. А то снова недолго забыть.

«На берегу никакого запаха нет», – вывела она и подумала, что это

была неправда. Там царил чудеснейший аромат. Просьба описать поподробнее напомнила девочке школьные упражнения по английскому языку. Образ мисс Дэвисон, училки, вызвал инстинктивное сопротивление. И вообще – как описать запах на берегу? Там пахло морем, водорослями... а если ветер дул не с той стороны и природа являла свою жестокость, могло повеятьдохлым тюленем. Но не писать же на открытке продохлых тюленей? Так что в науку о запахах Анна углубляться не стала, дав взамен точный отчет о погоде и (благо все время держала в уме) приливах-отливах за последние несколько дней.

После обеда она вновь ушла со двора, дождалась полного отлива и перебралась на заболоченный берег – собирать морскую лаванду.

Миссис Пегг увидела на каминной полке Аннину открытку, приготовленную к отправке, и досадливо щелкнула языком. Поистине, девочка стала забывчива до невозможности. Она же специально напомнила ей об открытке, когда та уходила! Миссис Пегг взяла послание и, напрягая зрение, принялась рассматривать так и этак.

– Ну не знаю! – сказала она наконец. – Я, конечно, тот еще писатель, но ты только взгляни на это! – И протянула открытку Сэму: – Что тут написано?

Сэм сощурился и медленно прочел вслух:

– «На берегу никакого запаха нет».

– А я тебе о чем? – с торжеством воскликнула миссис Пегг. – И я то же прочла!

– Ну не пахнет там, и что?

– Не пахнет. А еще луна – не синяя. И коровы не танцуют. И кое-кто подрастерял мозги, вложенные при рождении. Ты, к примеру, Сэм Пегг. Неужели тебе не кажется, что этот ребенок как-то странновато письмецо начинает?

– Да ладно. Небось мысли другим заняты.

– Да уж, – проговорила миссис Пегг, качая в замешательстве головой. – Еще как заняты, причем каждый божий день!

Она вышла из дому, отправила открытку – да и забыла о ней.

В тот вечер, когда Пегги уселись перед телевизором, Анна раздобыла книгу и некоторое время читала, сидя на низенькой табуретке рядом с хозяевами. Потом начала зевать, а книга стала съезжать у нее с колен. Так она сидела еще довольно долго, всячески стараясь, чтобы Пегги заметили: книга нагоняет на нее сон, а телепрограмма – того пуще. И наконец, под звуки сводного духового оркестра, гремевшего на сельскохозяйственной выставке где-то в Восточной Англии, она очень тихо, на цыпочках,

пробралась к лестнице.

Поднявшись к себе, она переоделась, натянула ночную рубашку. Потом вновь надела шорты, запихнув в них длинный подол. Влезла в свитер... Теперь она была готова. Дождавшись времени, когда, по ее понятию, прилив должен был уже как следует подняться, Анна вооружилась своим букетиком морской лаванды, открыла дверь и прислушалась. И наконец, опять-таки под прикрытием телевизионного шума, спустилась по лестнице и выскользнула сквозь кухонную дверь.

В голубоватом свете экрана Пегги казались двумя древними изваяниями. Они даже не пошевелились – так и продолжали сидеть к ней спиной.

Глава тринадцатая

Девочка-нищенка

Лодочка ждала ее на привычном месте. Анна забралась внутрь и отвязала веревку. И не успела она обмакнуть весла в воду, как течение само увлекло ее в направлении Болотного Дома. Анне почти не понадобилось грести: лодочка как будто знала дорогу.

Она была уже почти напротив особняка, когда вдруг заметила свет во всех его окнах. Что такое? А по воде доносилась еще и музыка! Анна приподняла весла и прислушалась, затаив дыхание. Происходило именно то, что она себе когда-то навоображала: вечеринка в старом доме! Пока лодочка медленно проплывала мимо, она увидела сквозь окна ярко освещенную лестницу и яркие пятна женских нарядов, двигавшиеся внутри. И все это отражалось в темной воде, бежало трепещущими дорожками прямо к лодочному борту.

А потом она миновала особняк. Оглянулась – и заметила в потемках маленькую белую фигурку на выступе стены. Это была Марни, ожидавшая

ее.

Анна подгрребла, бросила веревку, и Марни поймала. Лодочку, совсем как в тот раз, осторожно подтащили к ступеням. Анна выбралась через борт. Марни схватила ее за руку.

– Как здорово, что ты пришла! – прошептала она. – Ты музыку слышала?

– И свет видела! С воды так красиво смотрится, я уж решила – может, сплю!

– У них там вечеринка. А я так надеялась, что ты появишься! То и дело выбегала посмотреть, нет ли тебя...

– Я думала, сегодня может и не получится, больно уж поздно, – сказала Анна. – Смотри, что покажу! – И она вытянула из шорт ночнушку. – Я прямо как ты! Притворилась, что спать ухожу!

И тут она рассмотрела, что на Марни было самое настоящее белое вечернее платье. С длинной юбкой и поясом из лент.

– Пришлось надеть, – извиняющимся тоном пояснила Марни. – Там одни взрослые, но и мне нужно быть. Там несколько совсем молодых... но все равно куда старше меня! – Она стиснула руку Анны и пристроилась поближе. – Как я рада, что ты тут! Вот было бы славно, если бы ты тоже могла войти... – Она помедлила, задумчиво разглядывая Анну, и вдруг рассмеялась: – Я знаю, как это сделать! Никто и не догадается, кто ты такая!

– Нет, не могу, – возразила Анна. – Я же в шлепанцах и ночнушке! – Тут она посмотрела вниз и обнаружила, что заляпала весь подол. – Нельзя, – повторила она печально. – Я еще и вся грязная.

– Так это же хорошо! Чем грязнее, тем лучше! У меня идея! Тебе только платок на голову накинуть – и готовая нищенка! – Тут она заметила букетик морской лаванды у Анны в руке. – Ой, миленькая, ты морской лаванды мне принесла! Как раз кстати придется! Ты как будто нищенка и пришла продать цветочков дамам и господам... ну, на счастье. Давай так и сделаем, а? Я сейчас платок раздобуду!

И, не дожидаясь ответа, Марни исчезла в боковой двери, оставив Анну в одиночестве стоять на стене.

Анна, вообще-то, не испугалась. Даже не особенно разволновалась. Она плоховато представляла себе, что должно произойти. И в голову не пришло, что ей, по сути, особого выбора не оставили. Всякий раз, когда дело касалось Марни, они как бы делали нечто единственно возможное.

Все было предрешиено. Анне оставалось лишь ждать и смотреть, что в итоге произойдет. И вот она ждала, стоя в своих пляжных тапочках и грязной ночной рубашке поверх хлопковых шорт. Слушала музыку, доносившуюся из дома. Начиала что-то предвкушать потихоньку.

Прибежала Марни, неся старую коричневую шаль.

– Вот, держи! – воскликнула она. – То, что надо!

И сама накинула шаль Анне на голову, убрав под нее волосы и скрестив на груди свисающие концы. Отступила на шаг, критически осмотрела.

– Все в порядке, – сказала она. – Только ночнушка длинновата чуток. Должна быть немножко ниже колен...

Она заткнула излишек за пояс Анниных шорт. Обе девочки захихикали.

– Думаешь, получится?

– А как же! Во здорово будет! Только твои шлепанцы...

Нагнувшись, Марни засунула по веточке морской лаванды в отверстие для пальцев на каждой ноге, пряча завязки. Еще одну веточку она заправила Анне в волосы над ухом.

– Вот так! Теперь вид что надо! – сказала она, отступая полюбоваться. Как будто увидела где-то картинку и теперь во всех деталях воспроизводила ее. – Послушай-ка! Ты знай молчи, только делай то, что я тебе говорю. Я зайду первая и предупрежу их. А ты жди у порога!

Они проникли в боковую дверь.

– Погоди, – сказала Марни.

Она убежала по темному коридору, открыла дверь в дальнем конце. Оттуда так и полыхнуло светом и звуками. За дверью двигались мужчины и женщины: темные силуэты в военной форме, блистательные наряды дам... Анна даже заметила, как сверкали золотом аксельбанты, переливались драгоценности, играли блики на бокалах с вином... В серебряных ведерках стояли алые и кремовые розы. И все это – на фоне темно-малиновых занавесей. Коридор затопили звуки голосов, музыки, смеха...

Анна видела, как развевался белый поясик Марни. Вот она подбежала к высокому человеку в военной форме: тот стоял посреди группы мужчин с бокалом в руке. Девочка потянула его за блестящую нашивку на рукаве. Мужчина посмотрел на нее сверху вниз. Сперва – озадаченно, потом рассмеялся, выпрямил спину, хлопнул в ладоши.

– Всем слушать! – сказал он. – Марни говорит, у нас гостя! Пришла цыганочка, морскую лаванду продает. Хочет кто-нибудь на счастье купить?

И сам первый со снисходительным смешком подошел к двери, выглянул в коридор. Марни опередила его. Схватила Анну за руку и втянула в комнату.

Там было столько огней и такое количество народа, что в первый момент голова пошла кругом. Анна застыла у порога, темные кудри свисали ей на лицо. Одной рукой она крепко держала шаль на груди, в другой сжимала цветы.

– Входи, – доброжелательно сказал ей мужчина. – Не бойся. Как тебя зовут?

Анна открыла рот, но не смогла выдать ни звука. У нее начисто отшибло дар речи, она даже собственное имя умудрилась забыть! Она только смотрела на мужчину, медленно мотая головой из стороны в сторону. Другие люди окружили ее, принялись задавать какие-то вопросы. Откуда она? Кто такая? Как попала сюда?

Анна была способна лишь все так же мотать головой.

– Ну прямо ведьмочка, – сказал один из молодых людей. – Ты что, ведьмочка, язык проглотила? Ты кто такая у нас? На метле летаешь?

Все засмеялись. К Анне склонилась дама в голубом платье. Прямо перед глазами девочки закачалось переливчатое ожерелье.

– Бедное дитя, – произнесла женщина. – Девочка, похоже, немая! Хватит ее вопросами мучить! – И обратилась к Анне с едва уловимой насмешкой в голосе: – Не обращай на них внимания, деточка. Можно мне немножко твоей морской лаванды?

Анна торжественно кивнула и вручила ей букетик.

– Это слишком много! – Женщина в притворном ужасе всплеснула руками. – Мне только веточку на счастье. И нужно тебе заплатить! Конечно же, тебе нужно заплатить! – Она оглянулась на кавалеров, развела руками: – Кто заплатит за мои цветочки?

Тут же подскочили четверо или пятеро юношей с серебряными монетками наготове и попытались вручить Анне деньги. Но та снова замотала головой и ничего не взяла.

– Я заплачу, – сказал высокий мужчина с золотыми нашивками на рукавах.

Жестом разогнав всех юнцов, он взял из серебряной вазы букет алых роз и отдал их Анне. Та снова попробовала отказаться, но мужчина уже отвернулся. Анна выбрала из букета один цветок, а остальные положила на стол. Единственную розу она устроила в узле платка. Как же та пахла!

Дама в голубом платье уже делила морскую лаванду на маленькие букетики, подзывала гостей и всем раздавала, повторяя: «На счастье». Она не обошла и себя, воткнула веточку в волосы. Остальные украсили петлицы мужчин, женские платья. Дама считала, что носить их должны все.

Анна наблюдала за ними. Взрослые про нее, кажется, успели забыть. Они смеялись, подтрунивали друг над дружкой и вроде бы затевали какую-то игру. Кто-то подбросил оставшиеся веточки в воздух, остальные бросились ловить. Потом начали кидать их один другому. Анна видела, как с сухих цветов опадала на пол тонкая серая пыльца.

Затем к ней подошел седовласый мужчина с розовыми щеками и предложил бокал красного вина.

– За твоё здоровье, лавандовая малышка! – сказал он с низким поклоном.

Макушка у него была лысая, розовая, обрамленная, точно короной, белыми завитками.

Анна взяла бокал, улыбнулась, и он отошел, оставив ее в раздумье, нужно ли это обязательно выпить. Анна стала оглядываться в поисках Марни, но та исчезла.

Снова заиграла музыка, гости начали танцевать. Анна наконец увидела Марни. Та была в дальнем конце зала – вальсировала с рослым светловолосым пареньком лет шестнадцати. Анна с удивлением убедилась, что ее ровесница очень хорошо танцует. Здесь был какой-то другой мир, непривычный, чужой. И Марни уже выглядела незнакомкой.

Кто-то принес Анне стул. Танцующие проносились мимо, легкие платья дам касались ее колен. Она пригубила вино, оно показалось ей крепким и сладким. Анна прежде никогда не пробовала вина и не была уверена, понравилось ли ей. Она отпила еще. Мимо неся вихрь, яркий и пестрый. От музыки в голове воцарилась некая легкость. В воздухе витал странный, возбуждающий запах вина, духов, сигаретного дыма, мешавшийся с ароматом роз. Анна еще пригубила из бокала. Ее начало клонить в сон. Большой человек с розовыми щеками и седыми кудряшками вновь возник рядом, протянул ей еще бокал, что-то сказал. Музыка заглушила слова, но тут вклинилась дама в голубом и выхватила у него бокал.

– Ни в коем случае! Она же еще ребенок! Потанцуй лучше со мной...

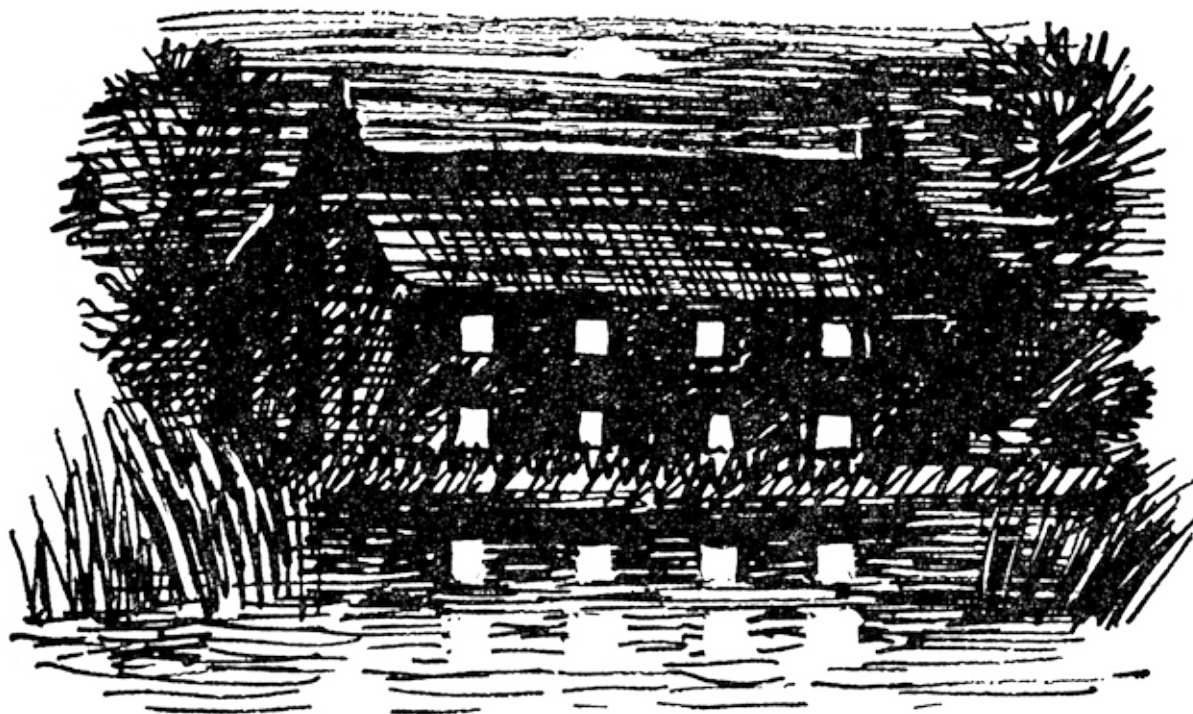
И она увлекла мужчину прочь.

Анна слышала смех и видела, как дама кружила партнера. Длинное ожерелье отлетало ей за спину, голубая юбка так и вилась... так и вилась... Яркие цветные пятна сливались одно с другим, музыка становилась то

громче, то тише. Анна стала неудержимо сползать в сон...

Глава четырнадцатая

После бала

– Тебе правда надо уходить? Думаешь, хватятся?

Анна понятия не имела, сколько прошло времени. Марни подобралась к ней сзади и нашептывала на ухо. Девочка стряхнула сон и выпрямилась, протирая глаза. Музыка теперь звучала тише и как бы издалека. Анна увидела, что гости перетекли в другую комнату, за малиновый занавес. На какое-то время подружки остались одни.

– Надо? А который час?

– Не знаю, но думаю, что скоро начнется отлив. Если ты уйдешь прямо сейчас, я тебя обратно в лодочке отвезу, только лучше долго не ждать! Когда настанет отлив, тебе придется топать вдоль причалов по скользкой грязи... Так что лучше прямо сейчас. Пошли, пока никто не смотрит!

– Ну хорошо.

Анна поднялась на ноги и, спотыкаясь, последовала за Марни в

коридор и наружу сквозь боковую дверь. За порогом было прохладно и тихо. Только плескала вода, воздух был полон свежести и соленого запаха моря, вздыхавшего за болотами. Где-то там на пляж неторопливо накатывали волны.

Добравшись до ступенек, они услышали, как сзади открылась дверь, и оглянулись. В проеме, обрамленный светом из зала, стоял тот светловолосый молодой человек. Он оглядывался туда и сюда, словно высматривал кого-то. Марни схватила Анну за руку, девочки поспешно пригнулись.

– Тихо! Он не должен нас видеть...

Дверь снова закрылась. Девочки забрались в лодку и оттолкнулись от стены. Марни приглушенно засмеялась:

– Он такой надоеда. Все время таскается следом, чтобы со мной ничего не случилось. Здорово, что мы ему не попались!

– Он тебе не нравится?

Юноша показался Анне вполне славным, но если Марни скажет «нет» – она готова была с ней согласиться.

Марни ответила с некоторым раздражением:

– С ним все в порядке, но он сам себя назначил моим охранником, и иногда это прямо достает! Ну вот, приплыли. Можешь здесь вылезти? Чтобы мне лодку на сушу не тащить.

Анна выбралась на берег, неся в руке шлепанцы и все так же придерживая на груди шаль.

– Пока, девочка-нищенка! – засмеялась Марни.

– Ой, а я и забыла. – Анна развязала узел.

В воду упало что-то маленькое и темное.

– Моя роза! – вырвалось у нее, но было уже поздно. Цветок уплыл в темноту.

Отчаяние Анны рассмешило Марни:

– Это же просто роза. Там еще полно.

– Пока. – Анна положила шаль в лодку. – Было так здорово... я даже не думала... – И она смолкла, припоминая. – Завтра прилив наступит так поздно...

– У-у, жалость какая, – огорченно ответила Марни и покивала. – Ну ничего. Мы еще встретимся... где-нибудь, когда-нибудь... точно не знаю, но встретимся обязательно. Ты только жди меня, хорошо? Пожалуйста...

Где-то позади Болотного Дома громко залаяла собака.

– Это Плутон. Похоже, кто-то из них уезжает. Мне пора... – Марни взялась за весла и повторила: – Ты жди меня. И помни, ты обещала не

рассказывать! Никому, никогда! Помнишь?

– Конечно! Честное слово!

Лодка уже двигалась прочь. Анна присела возле края воды, слушая, как стихает вдали негромкий плеск весел. И вот наконец остался лишь шепот ряби, набегавшей на берег.

Какой же чудесный был вечер! Анна была уверена, что в эту ночь уже не уснет. Казалось величайшей глупостью возвращаться в коттедж и вертеться с боку на бок в постели, заново переживая чудесные картины бала, музыку, все звуки... Они еще витали в ночном воздухе: переборы фортепьяно, мерцание шелка, радужный брызг драгоценностей. Голос Марни, мелькание ее белого пояса, когда она спешила впереди по темному коридору...

Пока Анна сидела там и мечтала, музыка умолкла окончательно. Веселые взрослые люди в ярких платьях и расшитой золотом форме рассеялись, точно бесплотные призраки. Анна опустила голову на колено. Бродячий ветерок шевелил ее волосы, остужал горячие щеки...

– Эй, эй! Что это у нас тут?

Анна разом проснулась – и увидела над собой три крупные темные фигуры. Они переговаривались громкими голосами.

– Батюшки-светы! Да это же та девчушка, что у Пеггов живет!

– Не очень тут подходящее место для ребенка посреди ночи!

Анна вскочила на ноги.

– Не бойся, малышка, это всего лишь мы – мистер и миссис Билс из Кобблса. Пойдем с нами, мы тебя проводим домой, мы как раз мимо собирались идти. Миссис Пегг уже гадает небось, куда ты подевалась!

Большая теплая рука, плотная и округлая, точно диванная подушка, обняла Анну за плечи, и вот уже троица повела ее прочь по дороге.

– Ты в порядке, милая? – озабоченно спрашивала миссис Билс. – А ножки, ножки-то босенькие! Ты куда свои ботиночки подевала?

– Спасибо, не беспокойтесь, – чопорно отвечала Анна. – Я их в руке несусь. Мне просто нравится босиком ходить. А прихрамываю оттого, что долго сидела, нога затекла. Скажите... а что, правда час поздний уже?

– Думается, довольно-таки поздний, – сказала миссис Билс и добавила поверх Анниной головы: – Хотела бы я знать, о чем только думает Сьюзан Пегг? Ночь глухая стоит! Моя Шерон, к примеру, уже часа четыре, если не пять, как в своей кровати... А впрочем, где же Сьюзан Пегг хоть что-нибудь о детях знать! У нее же никогда своих не было! – Она вновь наклонилась к Анне и сказала, желая утешить: – Ты одно знай, деточка: если однажды вечером тебе снова взгрустнется, ты просто заглядывай к

нам, хорошо? Телевизор посмотришь... Сандра с угла к нам часто приходит, когда ее мама заседает во всяких там комитетах. Ты заглядывай, хорошо?

Анна поблагодарила, думая про себя: «Ни за что!»

Миссис Пегг они застали у двери коттеджа: она выставляла наружу бутылки из-под молока. При виде Анны глаза у нее округлились от изумления.

– Батюшки-светы! А я-то думала, ты давным-давно спишь! – вырвалось у нее. – Добрый вечер, Мэри, Этель, мистер Билс! Что же это с нашей деточкой, ради всего святого?..

– Она была у залива, спала себе... Все так и было, верно ведь, Этель? Мы то есть ходили на Вист-Драйв, а по дороге обратно заглянули к Алисе, потом решили пройти причалами, воздухом подышать, глядим, а она как раз там сидит...

Миссис Пегг склонилась над Анной:

– Беги скорее домой, милая, налей себе молочка! Уже за полночь! У нас и телепрограмма давно кончилась... Незачем маленьким девочкам так поздно гулять!

Анна побежала в дом и в самом деле налила себе кружку молока из бутылки в буфете. Сквозь открытую дверь до нее продолжали доноситься приглушенные голоса, полные изумления:

– Да, крепко спала, чтоб мне с этого места не сойти! Сидела прямо у воды, босая и всякое такое... По-вашему, с ней точно все в порядке? Как-то странно это, когда маленький ребенок...

Анне, впрочем, было все равно, что они подумают. Пусть перемывают ей косточки, покуда не надоест. Что ей до них? У нее теперь есть иные друзья...

Еще полусонная, она взбежала по узкой темной лестнице и подняла щеколду на своей двери. Хотела в потемках убрать шлепанцы под стул – и обнаружила, что принесла с берега всего один. Второй, наверное, обронила дорогой. Ну и ладно. Она стащила свитер и шорты и завалилась в кровать, раздумывая, как завтра пойдет искать пропажу. Рано утром, пока все спят. К тому времени опять будет прилив...

Она погрузилась в сон, все еще слушая ропот морских волн. Немного позже вошла луна. Серебряный луч проник в окно и протянулся через весь пол – туда, где лежал единственный шлепанец с веточкой морской лаванды, продетой в отверстие для пальцев.

Глава пятнадцатая

Дождись меня!

Потерявшийся шлепанец Анна и правда нашла. Хотя и не так рано утром, как собиралась. Проспав допоздна, она день-деньской бродила по берегу, а вернувшись ближе к вечеру, обнаружила его торчащим на макушке столба, к которому Марни привязывала свою лодку. При тапочке не было никакой записки, сообщавшей, кто его подобрал. Может, сама Марни его и надела на столбик. Кто ее знает.

В коттедже Пеггов не последовало никаких разговоров ни о ее вечерней отлучке, ни о том, что, мол, Билсам пришлось доставлять ее домой. Весь тот день, равно как и следующий, Анна готовилась к упрекам и проработкам, но напрасно. Спустя какое-то время она догадалась, почему так вышло. Миссис Пегг поняла наконец, что Анна не стоила ее беспокойства. Оттого она и решала возникшую проблему, просто не упоминая о ней. Без сомнения, она устала от присутствия Анны. Она пыталась проявить к ней доброту – и это не сработало. И миссис Пегг сказала себе: «Ну и шут с ней!»

На самом деле все было совсем не так, но Анна об этом не

догадывалась. Дома все, что случилось, как бы оставалось висеть в воздухе. Не то чтобы об этом постоянно упоминалось, однако ощущение витало. Анне вполне хватало обеспокоенных, пристальных взглядов миссис Престон и того, как тщательно та обходила «больные» темы. Поэтому, когда миссис Пегг занялась уборкой в передней комнате (она собиралась шить новые чехлы по тем самым выкройкам) и просто сказала: «Беги себе, деточка, видишь, я занята!» – Анна исполнилась удвоенной подозрительности. Миссис Пегг выглядела совершенно беспечной, но для девочки это означало лишь одно – от нее отвернулись. Она не стоила того, чтобы из-за нее волноваться.

Она решила никому не лезть на глаза, вести себя еще тише и немногословней – и торчать вне дома, насколько это будет возможно. В общем, делать все, чтобы с ней было «как можно меньше хлопот».

Все к лучшему, говорила она себе, бродя по причалу. Если Пегги решили больше о ней не беспокоиться, ей тоже пора перестать задумываться о них. Всем легче будет!

После вечеринки прошло уже три дня, но она больше не видела Марни, а в Болотном Доме царило молчание. Когда Анна смотрела в ту сторону, особняк казался ей сонным и сумрачным. Она вдруг заподозрила, что семейство взяло и съехало – а ее никто ни о чем не предупредил. В расстроенных чувствах Анна присмотрелась к останкам разбитой лодки, упокоенным на боку над линией прилива. Если спрятаться здесь, внутри можно сидеть часами – никто и не увидит...

Забравшись на ветхий корпус, Анна спрыгнула внутрь...

И увидела Марни.

Та лежала на самом дне, облаченная в голубое льняное платье, белые носочки, сандалии. Закинув за голову руки, Марни смотрела на Анну снизу вверх, наслаждаясь изумлением на ее лице.

– Привет! – Она негромко засмеялась.

– Марни! А я думала, ты уехала!

– Глупенькая, я же тут живу.

– Я тебя с тех пор ни разу не видела...

– Ну теперь-то видишь?

Анна рассмеялась, но Марни прикрыла ей рот ладошкой:

– Тихо! Не то придут и найдут нас!

Они разговаривали вполголоса, свернувшись на досках днища.

– Мне было так одиноко, – призналась Анна и сама удивилась, выговорив это. Когда это она кому вот так открывала душу?

– Бедненькая! – сказала Марни. – Знаешь, мне тоже!

– Тебе? Одиноко? У вас же полон дом народа, и все веселятся!

Марни с удивлением воззрилась на нее голубыми глазами:

– А-а, ты про тех гостей на балу? Так они давным-давно уехали... дня два назад самое меньшее. Я теперь одна-одинешенька!

– Ну не одна же ты в таком большом доме?

– Да нет, конечно, просто другие, они не считаются. Нэн вовсе не в счет, она вроде как присматривает за мной, но получается у нее не очень. Все время пьет чай на кухне, а потом гадает по чаинкам... Не то чтобы меня это волновало, конечно.

– Нэн – это кто? Я думала, у тебя нету сестер...

Марни весело рассмеялась:

– Сестер? Конечно нету! Нэн – моя нянька.

– Нянька? Так ты что, болеешь? Поэтому ты здесь? А что с тобой такое? – забеспокоилась Анна.

Вопросы так и посыпались один за другим. Она никак не ожидала, что Марни вдруг рассердится на нее.

– Какое еще «что с тобой такое», ты, вредина?

Анна так и отшатнулась.

– Ты... полегче, вообще-то. Ты ведь не виновата, если больна. Я знаю, я тоже болела. Просто... ты сказала, за тобой вроде как нянечка присматривает...

Марни снова развеселилась:

– Ну ты даешь! Я же не говорила «сиделка»! С чего ты взяла? Она просто самая обычная нянька – ну там следит за моей одеждой, причесывает, на прогулки водит... и все такое прочее. Она, правда, со мной не гуляет, ну, почти... Но мне все равно!

У Анны отлегло от сердца. Марни была впрямь странновата, настроение у нее мгновенно менялось от гнева к веселому смеху и обратно, однако она, по крайней мере, вела себя дружелюбно. И теперь Анна поняла кое-что еще: эта малознакомая девочка, по всей видимости, была очень богата. Из тех, о которых можно прочесть в книжках, но в реальной жизни такие почти не встречаются. Анна испытала укол зависти, вспомнив, как в самый первый раз увидела ее с борта лодки Многоватика: в окне верхнего этажа, ей еще волосы расчесывали... Вообразить только – иметь няню, чтобы за одеждой ухаживала!

Марни как будто подслушала ее мысли. Она внимательно присмотрелась к Аннинным шортам:

– Почему ты все время их носишь?

– А почему не носить? Они же гораздо удобнее. – Анна в свою очередь рассматривала платице Марни, с ее точки зрения невероятно нарядное. –

А ты почему в шортах не ходишь?

– Кто же мне позволит... – с сожалением протянула Марни, но потом тряхнула головой. – В любом случае они не так выглядят! – И вдруг вскочила на ноги. – Вот занудство! Звонят, мне бежать надо.

– Звонят? Я ничего не слышала.

Марни засмеялась, словно не особенно веря ей.

– Ты просто не хотела ничего слышать. Обеденный колокол слышно на середине залива!

Марни посмотрела на Анну: та все еще лежала, опираясь на локоть, на дне старого корпуса.

– Вот бы никуда не ходить! – быстро прошептала она. – Ты меня опять дождись.

Выбралась через борт и была такова.

И Анна принялась ждать. Она каждый день приходила к разбитому суденышку, прогуливалась по причалам, смотрела на окна Болотного Дома. Марни нигде не было видно. Однажды Анне померещилось голубое пятнышко на травяном склоне дамбы, она помчалась со всех ног – но, приблизившись, обнаружила всего лишь клоч цветной оберточной бумаги: он развеялся на ветру, зацепившись за куст. В другой раз Анна заметила маленькую фигурку далеко на болоте и поспешила навстречу, поскальзываясь, прыгая через лужи... Это был всего лишь мальчишка в голубом полиэтиленовом плаще, строивший у ручья земляную запруду. Его мать сидела поблизости, читала журнал. Анна развернулась и убежала прочь, не дожидаясь, чтобы женщина подняла взгляд, заметила ее и окликнула.

Потом как-то раз она отправилась на пляж в лодке Многоватика. Пока он собирал выброшенный морем плавник, Анна подошла к воде и стала высматривать морских ежей. И рядом с ней без предупреждения возникла Марни.

Анна так и подпрыгнула. Даже взвизгнула от неожиданности.

– Ты... ты как из-под земли вынырнула!

– Нет, скорее сверху спустилась, – засмеялась Марни и заскакала рядом с ней, босиком по плотному влажному песку. – Я была на дюнах, вон там. Я видела, как вы приплыли, я только с ним встречаться не хотела! – Она мотнула головой, указывая на Многоватика, что возился поодаль. – А здорово, правда? Я носки с ботинками положила вон там, в лощинке. Как же славно босиком, правда? – Она перестала прыгать, вгляделась в лицо Анны. – Ты плакала...

– Ничего я не плакала.

– Плакала, но это не важно. Чем ты занята?

– Морских ежей ищу. Только все разбитые попадают. – Анна раскрошила скелетик, который держала в руке, и забросила в воду. – Этот был получше, но тоже сломанный.

– Ты забавная, – сказала Марни. – Никогда не поверю: ты – и ревела из-за того, что морского ежа целого не можешь найти. Дело в чем-то еще! Что с тобой?

– Не знаю. – Анна покачала головой. – Правда не знаю...

– Это не из-за того, что ты тогда вечером говорила? Ну, что дома от тебя вроде как избавиться норовят? Ты еще сказала, что, кажется, знаешь причину, но это секрет...

Анна растерялась. Она так говорила? Секрет? Она толком не помнила, но момент для разговора был в любом случае неподходящий. Похоже, Многоватик собирался возвращаться.

– Смотри, – указала она вдаль. – Он уже деревяшки на веревку привязывает. Сейчас к лодке потащит. Не получится поговорить...

– Вот зараза! – раздраженно отозвалась Марни. – А я-то обрадовалась, думала, мы тут одни! – Она схватила Анну за руку и бегом потащила ее к дюнам. – Давай завтра где-нибудь встретимся! – быстро проговорила она. – Сможешь выбраться пораньше утром?

– Смогу! Я как раз за грибами собиралась!

– Вот и отлично. А куда ты пойдешь?

– Вдоль болота, в сторону ветряка. – Анна увидела, как по лицу Марни пробежала тень. – Сэм сказал, там самое лучшее место. Я и решила по другой дамбе пройти.

– Ладно, договорились! Только с дамбы не уходи, пока я не приду. Там я тебя точно увижу. Я через поля выйду... А теперь беги, пока он не вернулся!

Пританцовывая, Марни взбежала по склону, махнула рукой и скрылась за дюной. Анна тоже бегом вернулась к воде, втихомолку посмеиваясь. Многоватик подошел тяжелым шагом, придерживая веревку, перекинутую через плечо, и глядя под ноги. Марни он и не заметил.

Глава шестнадцатая

Грибы и секреты

На другой день Анна проснулась рано поутру, чувствуя себя небывало счастливой. Она выбралась из дому еще прежде, чем миссис Пегг зашевелилась у себя в спальне. Подумать только – сегодня она идет за грибами вместе с Марни! Бегом, с развевающимися на ветру волосами, промчалась она по дороге вдоль берега. Через перекрестки, мимо ферм, где уже доили коров. Утро было роскошное, аж дух захватывало. Яркое светило солнце, дул свежий и теплый юго-западный ветер. В нем совсем не было зябкости, лишь запахи моря, лугов, болотных трав.

Добравшись до ряда коттеджей с еще задернутыми занавесками, Анна ненадолго остановилась отдышаться. Заглянула через забор в чей-то палисадник – полюбоваться георгинами и гладиолусами. Как раз в это время ветер неожиданно стих, и она услышала низкий, полновзвучный бой

часов внутри дома: семь ударов. Это был такой уютный, домашний звук, что невольно вспомнились воскресные вечера, вареные яйца к чаю, мед, горячие лепешки... Анна даже на мгновение выпала из реальности, забыв, где находится и куда собралась. Потом ветер задул снова – веселый, теплый, задорный... И она опять побежала, радуясь про себя, что не обязана сидеть взаперти, в духоте, в четырех стенах.

Выскочив на дальнюю дамбу – длинную, поросшую травой насыпь, тянувшуюся до самого моря, – Анна остановилась и начала высматривать Марни. Той пока было ни слуху ни духу.

Анна, озираясь, пошла вперед по дамбе. Ее удивляло, как, оказывается, далеко было видно отсюда. Справа поодаль было поле, там паслись коровы. Они казались деревянными игрушками в пятнах черной, белой и бурой краски. Слева высилась мельница. В ярком утреннем свете старый ветряк тоже казался ярко раскрашенной игрушкой. А прямо впереди раскинулось окутанное жаркой дымкой болото и за ним – синяя полоса моря.

Где же Марни?

Накатило разочарование. Анна села в траву, среди полевых цветов, и стала всматриваться в далекие луга. Сейчас она заметит голубое пятнышко, движущееся на зеленой равнине, – платице Марни, – и поймет, что все снова в порядке. Та доберется к ней минут за десять, если припустит бегом... но все равно все будет в порядке. Марни сдержит слово. Обязательно сдержит!

Рядом зашуршала трава, потом долетело что-то вроде смешка. Анна оторвала взгляд от луговины – и увидела Марни, улыбающуюся ей снизу, со склона.

– Ты так торжественно вглядывалась... – сказала ей Марни. – Что высматриваем? Грибы в небесах?

– Боже милостивый! – ахнула Анна. – Ты как тут оказалась? По волшебству?

Говоря так, она уже сообразила, что Марни, должно быть, попросту затаилась по другую сторону дамбы – и переползла на животе, чтобы ее удивить. Такое уж свойство было у Марни: возникать прямо рядом, когда Анна ее ну никак не ждала.

– Хватит зевать, пошли грибы искать!

Марни схватила ее за руку, и они вдвоем побежали вниз, в поле. Волосы развевались, в ушах свистел ветер. Его порывы ощутимо толкали девочек, едва не сбивали с ног: казалось, с ними играло большое доброе существо. Марни, оказывается, знала самые грибные места. Вдвоем они быстро наполнили два бумажных мешка, которые Анна захватила с собой.

Тогда они вновь улеглись на склоне и стали смеяться.

– И как только ты каждый раз угадываешь, где они сидят? – спросила Анна. – Я, например, вот этих маленьких даже и не видела, пока чуть не наступила!

– Ну, мне грех не знать, где тут что. Я же тут давно.

– Везет тебе, – позавидовала Анна. – Насколько давно?

– Да каждое лето. Сколько себя помню.

Наблюдая за Марни, Анна видела, что у нее были глаза цвета моря, а волосы, сдутые ветром на лицо, – как сухая трава на дамбе, только светлее. Анне казалось, она никогда не видела девочки красивее. У нее самой были темные волосы и загорелая кожа: уродство да и только. По сравнению с ней я и правда ведьма, подумала она и с новой силой возненавидела свою внешность.

– Ты что так вдруг помрачнела? – спросила Марни. Она обнаружила на склоне дамбы ямку и уютно устроилась в ней. – Лезь сюда, тут заветрие!

Они лежали бок о бок, посасывая травинки. Ветер шумел у них над головой, почти не ероша волос. В наступившей тишине Анна пробормотала:

– Ты такая счастливая... Я бы хотела быть как ты!

– Почему?

Анна хотела ответить: потому, что ты красивая, богатая и милая, потому, что у тебя есть все, чего нет у меня... Однако произнести это вслух как-то не получалось. Наверное, потому, что прозвучало бы очень уж глупо. Она хмуро жевала свою травинку – и не отвечала.

– Расскажи мне теперь, кто это хотел избавиться от тебя и почему, – сказала ей Марни. – Твои родители не любят тебя, что ли?

Анна мотнула головой:

– У меня нету родителей. Я... ну, я типа приемная. Я живу с мистером и миссис Престон. Я их называю дядюшкой и тетушкой, хотя это не так...

– Ай, бедненькая! Они, наверное, жестокие? – произнесла Марни едва ли не с надеждой.

– Нет. Они ко мне очень добры... Она, во всяком случае. Его-то я не особенно вижу, он весь такой занятый... Он тоже добрый, наверное. Разговаривает со мной ласково...

– А что с настоящими родителями произошло?

Анна ответила ровным, скучным голосом:

– Мой отец куда-то ушел... не знаю куда. Мама вышла замуж за кого-то другого. Потом они уехали на выходные, а меня оставили с бабушкой. Машина попала в аварию, и все погибли.

– Бедненькая, – повторила Марни, на сей раз с искренним сочувствием. – Вот ужас какой! Ты ведь их оплакивала? Переживала ужасно?

– Да нет, не то чтобы. Я всего этого даже не помню... Говорю же, я с бабушкой жила.

– А потом?

Анна пожала плечами:

– А потом она умерла.

– Почему?

Анна снова пожала плечами, сорвала длинную травинку, взяла в зубы.

– Откуда я знаю? Она куда-то поехала из дому, сказала, что ей не очень хорошо, обещала вскоре вернуться... и не вернулась. Взяла и умерла, вот. По крайней мере, так мисс Хеннэй сказала.

– Кто такая мисс Хеннэй?

– Это такая женщина, которая иногда приходит меня навестить. Ну, то есть приходит к миссис Престон поговорить обо мне. Это у нее работа такая: ходить навещать детей вроде меня... типа приемных. Она должна меня расспрашивать о школе и вообще обо всем. Она очень хорошая, только я никогда не знаю, что бы такое ей рассказать. Я ее разок спросила про бабушку, ведь бабушку я вроде как помню... она и сказала мне, что та умерла. – Помолчав, Анна добавила с вызовом: – Ну и что? Кому какое дело?

Марни потрясенно смотрела на нее:

– Ты разве не любила ее?

Анна ответила не сразу. Некоторое время она хмуро разглядывала землю перед собой, потом вдруг выпалила:

– Нет! Я ее ненавижу! И маму ненавижу! Всех! Вот именно!

Марни озадаченно смотрела на нее.

– Но твоя мама погибла, – сказала она затем. – Это же от нее не зависело. Она ничего не могла с этим поделать!

Анна мрачно покосилась на нее. И сказала, словно оправдываясь:

– Она меня дома оставила. Когда уехала на выходные. Вот.

– И твоя бабушка не по своей воле умерла. – Марни все пыталась взывать к голосу разума. – Это просто случилось. Она тут ни при чем.

Но Анна стояла на своем:

– Она тоже меня покинула. Бросила. Она от меня уехала! И она обещала вернуться, а сама не вернулась! – Она всхлипнула, хотя слез не было, и сердито добавила: – Я ее ненавижу за то, что она меня бросила совсем одну. Она не осталась, чтобы обо мне позаботиться. Это было

неправильно! Несправедливо! Я ее никогда не прощу! Я ее ненавижу!

– На самом деле, – Марни попыталась утешить подружку, – по-моему, тебе повезло, что ты приемная. Я тоже частенько думаю, может, и я приемная... только ты никому не говори, ладно? Я иногда этого даже хочу. Было бы, по крайней мере, ясно, что мои мама с папой просто *ужасно* добры – удочерили меня, маленькую сиротку, которая никому не нужна была...

Настал черед Анны испытать удивление.

– А я думала, каждый до смерти рад с собственными родителями жить... если знает, кто они, – поделилась она еще одной своей тайной болью. Она задумчиво смотрела на Марни. – Если я тебе страшный секрет открою, обещаешь никому не говорить?

– Конечно! Мы же все время с тобой секретами делимся, правда? Еще не хватало кому-то рассказывать!

– Ну... это насчет Престонов. Я тебе сказала, что они добрые... Это правда, но я думала, они обо мне заботились и все делали, потому что я им вроде собственного ребенка... но недавно я выяснила... – Анна понизила голос почти до шепота, – ...я выяснила, что *им платят за это!*

– Вот это да! – У Марни округлились глаза. – А ты точно уверена? Откуда ты знаешь?

– Я письмо нашла. Оно в ящике буфета лежало. Такое... на машинке напечатанное... и там говорилось, что какой-то совет собирался мое содержание увеличить. И чек лежал...

– Ого! – выдохнула Марни. – И что ты сделала?

– Когда она вернулась домой, я попыталась спросить, что к чему. Только я не могла сказать, что прочитала письмо... По крайней мере, не хотела. Мне надо было сначала спросить ее. Я и давай говорить: они, наверное, разорились меня кормить, пальто вот на зиму купили дорожущее... ну и так далее. А она мне в ответ: им, мол, все это очень нравится, и чтобы я не волновалась... и если я слышала разговор, что у них с деньгами напряг, так чтобы всерьез не воспринимала. Сейчас, дескать, все так говорят, а на самом деле все чепуха. – Она остановилась набрать воздуха и быстро продолжила: – Ну, я давай дальше спрашивать про деньги, про то, что сколько стоит... всяко-разно ее подбивала мне рассказать. А она – ни в какую. Знай твердит, что любит меня и чтобы я не волновалась. А потом я посмотрела, а письма-то и нет. Спрятала, значит. Вот тут я и поняла, что все правда!

Марни, похоже, серьезно задумалась.

– По-твоему, это значит, что она совсем тебя не любит?

– В каком-то смысле любит, наверное. – Анна постаралась быть справедливой к миссис Престон. – Но ты же понимаешь, в чем разница? Что за радость, когда кому-то платят за то, чтобы он тебя любил!.. Только я думаю – после того разговора она догадалась: я знаю. Стала на меня так беспокойно смотреть... выяснять, с чего это я все спрашиваю про деньги... И еще стала все делать, чтобы меня порадовать. Но это было уже не то... и не могло быть...

– А почему ты не спросила мисс Хеннэй? – Марни осенила идея.

– Ой, нет, – содрогнулась Анна. – Это уж как-то совсем нехорошо было бы. Да и как мне о таком с ней говорить, я же ее не знаю совсем... Она-то все про меня знает, а я про нее – почти ничего. Ну, и о них как-то расспрашивать... за спиной... Нет, нехорошо. И потом, я ведь и так все узнала. Она мне все равно ничего нового не рассказала бы. Но... – Ее голос сорвался, вдоль носа проложила путь слеза. – Но я так хотела, чтобы она мне сама рассказала... Я же ей как только не намекала...

Марни придвинулась ближе, коснулась ее волос.

– Анна, милая... Я тебя люблю сильно-сильно! Так, как еще ни одну девочку не любила! – Она стерла ее слезинку и вдруг снова развеселилась: – Ну вот! Теперь тебе полегчало?

Анна улыбнулась. Да, ей действительно полегчало. Она как будто сбросила тяжелый груз. Они с Марни побежали обратно через поля, и она чувствовала себя легкой, как ветер. И даже когда их пути разошлись и она одна продолжила путь домой с добытыми грибами в кульках, лицо ее то и дело расплывалось в улыбке, сияя простой радостью жизни.

На углу она заметила Сандру, стоявшую с двумя или тремя другими детьми.

– Психованная! Психованная! – заметив Анну, закричала Сандра. – Моя мама говорит, она из психушки сбежала! Бродит по берегу и сама с собой разговаривает! Она моего маленького кузена до смерти напугала. Взяла налетела на него посреди болота! Тетя тоже говорит – носилась как полоумная! – Сандра повернулась к младшему мальчику в голубом полиэтиленовом плаще, стоявшему подле нее. – Вот эта самая девочка, да, Найджел?

Малыш с серьезным видом кивнул.

Анна промчалась мимо, не обращая внимания.

Сворачивая на дорожку к домику Пеггов, она еще слышала голос Сандры:

– Психованная! Полоумная!

Ей было все равно. Она даже не рассердилась.

Глава семнадцатая

Самая счастливая девочка на свете

Теперь Анна и Марни встречались почти каждый день. Обычно – на берегу, в дюнах, но однажды снова отправились рано поутру за грибами, только не на дамбу, а в другое место. Марни не хотела больше приближаться к заброшенной мельнице. Анна спросила было почему, но Марни притворилась, будто не слышала, и убежала вперед.

Пробираясь меж дюнами в поисках кроликов, бегая в отлив по плотному песку, они все ближе узнавали одна другую. Анна все рассказывала Марни про свою домашнюю жизнь. О Пеггах, как выяснилось, она говорить пока не могла. Просто забывала о них, пока была

с Марни. Та в свою очередь рассказывала Анне о своих родителях. Ее отец, служивший в военном флоте, дома бывал нечасто. Мать – та самая красавица в голубом платье – большей частью проводила время не в Литл-Овертоне, а в Лондоне. Так Анна выяснила, что Марни в основном жила в Болотном Доме одна. С нянькой и двумя служанками – Лили и Этти.

– Понимаешь, – говорила Марни, – пока они сплетничают на кухне и балуются гаданием, мне везет: я могу выбираться из дома и хожу где хочу, а они даже не замечают. – Она плясала и прыгала на песке, преувеличенно изображая веселье. – Зато как здорово, когда приезжают остальные! Мама такая красивая, все говорят ей об этом, а я горжусь... И папа тоже очень красивый. И такой добрый. Ты даже не представляешь, какие они у меня добрые! Я иногда думаю – я, наверное, самая счастливая девочка на всем свете...

– Я тоже так думаю, – сказала Анна.

– А теперь у меня еще и ты есть, поэтому я совсем счастливая стала! – И Марни обхватила Анну за пояс. – Ты понятия не имеешь, как я мечтала: вот бы появился кто-то, чтобы нам вместе играть! Давай ты со мной всегда-всегда будешь дружить?

И она нипочем не могла успокоиться, пока они не начертили круг на песке и, взявшись за руки, не поклялись в вечной дружбе. Анна точно никогда в жизни своей так счастлива не была.

– Смешно даже, – как-то раз поведала ей Марни. – Мне кажется иногда, я много лет только и ждала, пока ты появишься!

Анна подняла голову. Она стояла на четвереньках и возилась в песке, стараясь изменить русло маленького ручья.

– Знаю, – сказала она. – Мне тоже кажется, что я много лет мечтала сюда попасть. Куда бы направить этот ручей?

– Давай вот сюда! – ответила Марни, приглаживая стену песчаного замка, который достраивала. – Пусть сад кругом обтекает! – И добавила то ли в шутку, то ли всерьез: – Это будет наш дом. Я его для нас строю. Мы будем в нем жить – только ты и я!

Они играли на дальней стороне заболоченной низины, где заросли болотных трав и морской лаванды сменялись плотным песком. Здесь во

время отлива они без устали направляли ручейки, строили из песка и грязи целые игрушечные деревни. Всякий раз, когда строительство очередного домика подходило к концу, Марни разбивала при нем сад. Делала кусты из побегов морской лаванды, обрамляла дорожки колокольчиками. Очередной прилив все это смывал. Ничуть не расстраиваясь, Марни опять бралась за работу. Анне всегда было чуточку жалко порушенных трудов.

– Мы будем жить сами по себе, – мечтала Марни, выглаживая крышу. – И никаких горничных не будем держать!

Анна попросила:

– Расскажи мне про Лили и Этти.

Марни села на корточки и скорчила гримасу.

– Они, по-моему, вполне ничего... Лили – та вообще славная. Она жарит картошку ломтиками и мне в постель иногда подает. Этти иногда вредничает. У нее скверный характер, она любит людей пугать.

Марни вылепила из песка наверх для каминной трубы, поставила наверху. И проговорила со вздохом:

– Раньше они были забавными, но теперь все не так. У Этти был дружок, он служил в армии и ей письма писал. Она тогда все время довольная ходила. А потом он, кажется, писать прекратил. Я не уверена, но, по-моему, он Лили вместо нее писать начал... В общем, Этти здорово подурнела и теперь сердится без конца. Они с Лили даже подрались разок в кухне. Нэн спустилась туда, смотрит, обе в слезах и Лили жалуется, что Этти ей волосы выдрала, а Этти – что Лили у нее дружка увела. Жуть, короче!

Она посмотрела на Анну, округлила глаза. Опять взялась за лопатку.

– А дальше? – спросила Анна. – Дальше что было?

– В общем, они давай орать одна на другую, а Нэн им и говорит, мол, если сейчас же не замолчат, она их обеих под увольнение подведет. Расскажет маме, когда та приедет, и мама их выставит. Только, по-моему, Нэн не хочет, чтобы Этти выгнали, потому что она очень хорошо на спитом чае гадает. А я не хочу, чтобы выгнали Лили. Она мне иногда истории рассказывает... и картошку ломтиками в постель подает. Так что я и говорю Нэн: «Не надо выгонять Лили!» Глупо, конечно, потому что Нэн поняла, что я подслушивала. Я на лестнице пряталась. Ну и...

Она замолкла и содрогнулась.

– И что? – спросила Анна.

– И она ужас как рассердилась!

На лице Марни промелькнуло страдальческое выражение, которого Анна прежде не видела. Ей стало любопытно.

– И что она сделала?

– Что всегда. Ты же никому не расскажешь? – Анна покачала головой, и Марни продолжила: – Она схватила меня за руку выше локтя, вот тут, больно... И сказала, чтобы я не смела болтать, когда все приедут, потому что она про это непременно узнает, и заставила пообещать. Потом увела меня наверх и стала причесывать. Она всегда так делает. Она ужасно царапает щеткой, все время говорит: «Не смей болтать, поняла?» – и лупит меня щеткой по голове, так больно! А иногда еще начинает волосы на щетку наматывать, чтобы запутались, и потом расчесывает узлы... Это чтобы никто не сказал, что она мне нарочно больно делает, понимаешь? Но я-то знаю! Я даже плачу иногда, так больно она волосы дергает...

Анна пришла в ужас:

– Неужели она этим занималась, когда я тебя впервые увидела?

– Нет, тогда у нее никакого повода не было. Она это делает, только если сердится и еще когда хочет, чтобы я не болтала.

– А ты болтаешь?

Марни мотнула головой:

– Теперь уже нет. Когда маленькая была – случалось, ляпну что-нибудь нечаянно... а потом понять не могу, за что меня наказывают. – И она рассмеялась: – Ладно, ну их!

Вскочив, она занялась садиком. Она что-то говорила, но Анна слушала плохо. В конце концов Марни встряхнула ее за плечи:

– Анна! Давай садик доделаем! Выкладывай дорожки ракушками. Надо за домом газон сделать и цветники, а то там только это скучное море!

– Скучное? – изумилась Анна. – Тебе что, море не нравится? А я-то всегда думала – во людям везет, у них море к самому дому подходит...

– Я бы садик предпочла. Там есть перед домом, конечно, но совсем не такой... Рядом подъездная дорожка и Плутон бегают. А я хочу, чтобы травка, цветы...

– Перед домом? – озадаченно переспросила Анна. – А разве дом не на причалы выходит?

Марни перестала рисовать на песке клумбы и в свою очередь удивленно оглянулась на нее:

– На причалы? Ты что, глупенькая? А как людям подъезжать, если прилив? По-твоему, все, как ты, на моей лодочке приплывают?

Она засмеялась. На самом деле Анна именно так и считала, а потому почувствовала себя глупо. Теперь она понимала, что, конечно же, этого не могло быть. И как она раньше не подумала?

– Меня переселили в комнату на задах, чтобы мне было спокойнее, –

продолжала Марни. – Сперва мне там было не очень хорошо, я себя чувствовала на отшибе, а теперь нравится. В конце концов, если бы мое окно было с другой стороны, я бы вообще тебя не увидела. Ты только представь!

– Погоди. – Анна пыталась сообразить, что к чему. – Так куда выходит ваш фасад?

– На главную улицу, глупенькая. За «Притчетс»!

«Притчетс» было названием старого деревенского магазина, ныне закрытого и заброшенного.

Анна напряженно задумалась, пытаясь вообразить это место на дороге. Потом вспомнила высокую кирпичную стену, тянущуюся с одной стороны. Посередине были широкие металлические ворота. Однажды она заглянула в щелку и увидела тенистый проезд, обсаженный тисами. Он уводил куда-то налево.

– С той стороны совсем другой вид, – заметила Анна. – Никогда и не подумаешь...

Но Марни уже не слушала.

– Представь, я бы так и смотрела на этот унылый проезд и даже понятия не имела, что ты у причалов гуляешь!

Прозвучало почти так, как если бы она была узницей в собственном доме.

– Ну, однажды ты вышла бы, – сказала ей Анна.

Марни вздохнула:

– Может быть. Но я бы тебя не высматривала, как теперь, потому что не знала бы, что ты тут живешь. Мне подолгу в комнате приходится высиживать. Уроки делать и всякое такое прочее. – Она неприязненно дернула плечом, взяла ярко-зеленую водоросль из приготовленной кучки. – Слушай, давай не будем про это!.. Вот лист, будет как будто трава... Ты что такая скучная сидишь?

Анна прокручивала в голове все услышанное.

– Что ты имела в виду – чтобы было спокойнее? – спросила она.

– Ничего. Меня просто переселили на зады, чтобы мне там было спокойнее. Чтобы я лучше спала.

– А что, раньше не получалось?

Марни покачала головой:

– Я часто просыпалась посреди ночи, особенно когда были вечеринки и все разъезжались домой. И слышала, как гавкает Плутон. Я же говорила тебе, так? – И она понизила голос. – Он иногда лает по ночам. Я каждый раз слышала и просыпалась, вся перепуганная. То есть я знаю, что он сидит

на цепи и нипочем не сорвется, и всякое такое, но все равно...

Она перебросила Анне несколько ракушек, видимо желая поменять тему.

– Выложишь дорожку, хорошо? Тогда я фруктовые деревья посажу. Давай просыпайся уже!

Они трудились над домиком, пока солнце не спустилось совсем низко и в болотных прудах не заиграл оранжевый свет. По дороге домой Анна большей частью молчала. Когда Марни спросила о причине, она ответила:

– Я просто думаю... Ты вроде бы такая счастливая... Ну, выглядишь счастливой, везучей... И у тебя есть все, что только душе угодно. А ты все равно не счастлива, так ведь?

– Еще как счастлива! – удивилась Марни. – Ты о чем?

Они миновали поворот, впереди показался Болотный Дом.

– Ого, в окнах свет! – Марни взволнованно указала рукой. – Значит, приехали!

Анна тоже увидела, что все окна горят.

– Закат отражается, – предположила она.

– Нет, они точно приехали! И Эдвард с ними небось!

Марни сорвалась бежать. Она так ловко перепрыгивала ручьи и настолько легко пробегала по раскисшим местам, что Анна даже отстала от нее на несколько ярдов.

– Эдвард – это кто? – пропыхтела она, догоняя подружку.

Марни отозвалась через плечо:

– Ну, тот мальчик, которого ты видела на вечеринке. Он мне вроде кузен в каком-то колене. Должен был приехать пожить.

После этих слов Анна перестала торопиться. Догонять Марни сделалось незачем. Однако у следующего ручья та остановилась и подождала ее.

– Я забыла тебе рассказать, что он приезжает, – проговорила она. – Я и сама как-то забыла. – Она немного наклонилась вперед, словно разговаривая с малым дитятей, даже в голосе прорезались умильные нотки. – Анна, милая, ты сама знаешь, что мне гораздо больше нравится с тобой! Но Эдвард вправду мой кузен, и он такой милый... Побегу, мне пора!

Она на секундочку прижалась щекой к щеке Анны – и умчалась.

Той пришлось удовольствоваться сказанным: Марни любила ее и предпочла бы быть с ней. На самом деле Анне ничего больше и не требовалось. Она вброд пересекла залив – и убедилась, что окна Болотного Дома на самом деле были темны. Правда, это не означало, что там никого

не было. Все просто находились с другой стороны.

Она снова подумала о мрачноватом подъезде и вечно замкнутых, неприветливых воротах на главной улице. Приятно было вообразить, как туда въезжал Эдвард и все прочие гости. А им с Марни принадлежала другая сторона дома, та, которая нравилась ей куда больше фасада. Тихая и потаенная сторона, ни дать ни взять узнавшая ее, когда она в самый первый раз смотрела на нее, стоя у воды. Сторона, которая, казалось, была там всегда...

Глава восемнадцатая

После приезда Эдварда

С появлением Эдварда почти ничего не изменилось. Марни, похоже, действительно предпочитала общество Анны. Лишь иногда, когда они по обыкновению возились на берегу, Марни вдруг спохватывалась и все бросала со словами:

– Мне пора! А то Эдвард хватится – куда я подевалась!

Анна обычно приходила к выводу, что ей тоже пора домой. Они оставляли игру и вместе уходили к причалам.

Как-то раз Анна увидела Марни и Эдварда вместе: они шли по берегу вдалеке. На какой-то миг внутри больно кольнуло. Впрочем, буквально через минуту Марни во весь дух выбежала из-за дюн – одна. И она была так рада видеть Анну, словно, кроме них, на свете вообще никого не было.

– Ну и быстро ты бегаешь, – сказала ей Анна. – Ты же только что за несколько миль была!

Марни весело засмеялась:

– Твое «только что» тыщу лет назад было, глупенькая! Я смотрю, ты просто спишь на ходу! Совсем времени не замечаешь!

А что, это было очень даже возможно. Погода переменилась, наступила жара; оставаясь одна, Анна частенько сползала в дремоту. Только когда рядом была Марни, она чувствовала, что бодрствует по-настоящему.

– Ишь как летний воздух тебе в голову ударяет! – сказала миссис Пегг, когда Анна вернулась однажды вечером, буквально не в силах веки поднять, сонная от жары и яркого солнца.

Анна только зевнула, не в состоянии даже ответить. Она весь день провела на улице. Далеко ушла вдоль берега, ждала Марни в дюнах, а не дождавшись, уже на закате поплелась домой через низменности. Марни так и не появилась. Хотя вроде бы они уговаривались сегодня встретиться на том же месте, что и вчера...

На другой день Анна вновь поспешила туда – и, конечно, Марни была уже там.

– Куда ты пропала? – сказала она. – Я тебя знаешь сколько уже жду?

– А я тебя вчера сколько ждала, – отозвалась Анна.

– Не глупи, никто вчера никого не ждал. – Марни указала на песок, где валялись раскиданные полевые цветы. – Ты разве не помнишь? Мы их оставили тут вчера!

– Позавчера это было, – заспорила Анна. – Или даже позавчезавчера!

Хотя она и сама уже была ни в чем не уверена. Да и цветы выглядели достаточно свежими. Так что, возможно, Марни была права.

– Да какая разница, который день, – сказала Марни. – Вчера – оно уже в прошлом, так? И позавчера. Глупость какая из-за них спорить!

Однако история начала повторяться. Было довольно-таки муторно часами ждать в условленном месте... а потом Марни возникала точно из ниоткуда, когда Анна уже шла домой. Раньше такого ведь не было? Анна не могла толком припомнить, но понемногу ей начало казаться, будто Марни играла с ней в прятки.

Как-то раз Анна ей сказала:

– Ты же обещала, что сегодня мы выстроим домик...

– И ничего я не обещала! А что ты так сердишься?

– Я не сержусь, но ты правда говорила. Я тебя весь день дожидалась...

– Ах ты, бедненькая! Но, послушай, мне же не разорваться! И потом, я же пришла! Ладно тебе, мы же подруги!

Но Анна не готова была так просто поддаться на уговоры.

– Нечестно так. Ты-то мне очень нужна, а я тебе, похоже, не очень.

– Чепуха! – возразила Марни. – Ты мне тоже очень нужна. Просто ты гуляешь где хочешь, а я не так свободна. Анна, милая, ну давай не будем ругаться!

И конечно, Анна растаяла, и они опять были счастливы.

Однажды, бродя среди дюн, Анна наткнулась на подобие шалаша, выстроенного из плавника и песчаного тростника. Шалаш оказался достаточно большим, чтобы там поместиться. Анна устроилась внутри, предвкушая, как обрадуется Марни, когда она покажет ей это местечко.

Но Марни нисколько не удивилась.

– Я знаю. Этот шалаш мы с Эдвардом вчера сделали.

Анна ничего не ответила, она рассердилась, ей было больно. В самый первый раз с момента знакомства она натянула на лицо «обычное» выражение. Марни, конечно, сразу догадалась, что оно означало.

– Анна! Анна, я сама собиралась его тебе показать! Правда-правда! Ну не смотри на меня так! Не уходи от меня, пожалуйста!

И опять Анна смягчилась и не смогла больше сердиться.

До нее стало только доходить, что целиком и полностью рассчитывать на Марни, пожалуй, больше не стоит. Стоит увериться, что вот сегодня она совершенно точно придет, – и от нее не будет ни слуху ни духу. Марни точно взялась отучить Анну принимать ее как данность.

И тем не менее временами они бывали счастливы совершенно по-прежнему.

Однажды Анна валялась в траве на дальней дамбе, недалеко от того места, где они в первый раз собирали грибы. Марни вздумалось сыграть с ней свою прежнюю шутку – неожиданно возникнуть рядом. Анна так и вскинулась от удивления. Она-то устроилась именно здесь, полагая, что увидит Марни разве только вечером!

– А я думала, ты с Эдвардом гуляешь.

– Я с ним и пошла, а потом передумала. Он решил, что сегодня мы пойдем мельницу поближе рассматривать! – Марни села подле Анны в траву. – Что читаешь?

Анна, вообще-то, не читала, просто у нее был с собой комикс из тех, что ей регулярно присылала миссис Престон. Она протянула его Марни:

– У тебя такой есть?

Марни покачала головой:

– Кто ж мне разрешит! Их только горничные временами читают, правда у них комиксы взрослые. Они и мне иногда их дают, когда хотят, чтобы я под ногами не путалась.

– Возьми, если хочешь. Только прямо сейчас не читай, хорошо? Расскажи мне, какие комиксы у горничных!

Кажется, Анна ни разу не держала в руках комикса для взрослых.

Марни вытянулась в траве подле нее.

– Они ужасно волнительные, – сказала она, и ее глаза даже потемнели, как будто она собиралась поведать страшный секрет. – Там всякие жуткие и таинственные истории! Про монашек, запертых в башнях, про украденных детей, про всяких злодеев... Из-за них-то я и начала думать, что я, может, на самом деле приемная!

– Ты так говоришь, как будто тебе этого хочется. Когда мы в тот раз это обсуждали, я тебя не поняла.

– Правда? – Марни задумчиво смотрела на нее. – Знаешь, трудно объяснить... Просто... Это как-то сразу показало бы, какие у меня родители добрые, ведь так? Я к тому, что они все мне дали... все-все... и даже ни единого раза не намекнули, что я, может, приемыш! Но я в глубине души все равно чувствую: так оно и есть... Только обещай не говорить никому!

– Конечно! Никому, – пообещала Анна. – Да и кому мне рассказывать! Расскажи еще, что там за комиксы?

– Там любовные истории и всякая всячина... – Марни словно заколебалась. – Как по мне, про любовь – это сплошные сопли! А ты как думаешь?

Анна выразила согласие. Марни смотрела на нее с затаенной надеждой:

– А я почему-то все равно мечтаю влюбиться и выйти замуж. Когда стану взрослой. А ты?

На сей счет Анна не была уверена.

– Не знаю. Я, чего доброго, влюблюсь в кого-нибудь, кто меня совсем даже не полюбит. У меня всегда все криво выходит... Я, может, вместо этого собак буду держать. Построю будки, питомник устрою...

– Ну нет, этим я не хотела бы заниматься! – Марни листала страницы. – А этот правда симпатичней, чем взрослые комиксы. Я его возьму! – Она закрыла книжку и отложила ее. – Я тебе еще секрет расскажу, – проговорила она серьезно. – Я взрослеть не хочу! Совсем! Никогда! У меня не получится быть правильной взрослой, как мама и ее подруги. Я хочу остаться такой, какая я сейчас. Навсегда...

Анна удивилась до глубины души:

– погоди, Марни... что ты такое говоришь? А я-то думала...

Она не закончила. Ей вспомнилось, как Марни рассказывала про жестокую няньку.

– Да, – сказала Марни. – Я знаю, о чем ты думаешь. Но я привыкла... И я знаю, от чего удирать, если испугаюсь! – Она быстро оглянулась через плечо туда, где высилась мельница. – Вон от того жуткого места, например. Но я ничего не знаю о том, как быть взрослой. И никто-никто мне не рассказывает...

– Почему ты мельницы-то боишься? Может, расскажешь?

– Я не знаю. – Марни отвела глаза. – Я как-то всегда боялась ее. Я поэтому и с Эдвардом не пошла...

– Ты сказала ему, что тебе страшно?

Марни передернула плечами, изобразив равнодушие:

– Я пыталась, но он не понял. Сперва начал меня дразнить, потом заявил, мол, если боишься, надо идти навстречу своему страху. Я, мол, не смогу всю жизнь бегать от того, чего боюсь.

Анна подумала и сказала:

– Других легко в трусости упрекать.

Марни быстро повернулась к ней:

– Вот именно! А Эдвард таким занудой бывает! – Она улыбнулась. – Анна, миленькая, вот за это я тебя и люблю! Ты никогда не твердишь мне, что я «должна» делать! Наверное, надо бы мне сейчас сходить к мельнице, просто чтобы показать – я могу, но я так боюсь... с тех самых пор, как...

– С тех пор как что?

– Это все сто лет назад началось. Когда я вредничала, Этти пугала меня: «А вот они тебя заберут, запрут в ветряке, где никого нет и только ветер гудит, тогда ты и пожалеешь о своем поведении!» – Марни улыбалась, но на лице вновь было то же страдальческое выражение, которое Анна раз уже видела. – Я тогда маленькая была... А она такой жути напустила! Этти, она такая... Любит пугать.

Марни вздохнула, снова пожала плечами.

– Однажды папа, уезжая, спросил меня, чего мне хочется, – продолжала она. – Я сказала: хочу воздушный шарик. Красный. Он и попросил Нэн купить мне шарик, когда она в Барнэме будет. А она вернулась оттуда и вместо шарика дает мне бумажный ветрячок... знаешь, пропеллер, который крутится на ветру. Я ужасно расстроилась, заплакала, тогда Нэн разозлилась и говорит: «Ну вот что, девчонка. Если воротишь нос от ветрячка, который я тебе купила, мы попросим Этти, и она тебя к настоящему отведет...» И велела Этти вести меня на прогулку, потому что сама в Барнэме умаялась. Я... Я не знаю, хотела она в самом деле отправить меня к мельнице или, может, только пугала. Но Этти так и сделала. Она волокла меня силой и все время орала, я и решила, что она сейчас меня там запрет... – Марни снова улыбнулась, только губы у нее кривились. – Сейчас все это кажется глупостью, но тогда я была в ужасе... А когда мы подошли к мельнице, вдруг навалились темные тучи и разразилась страшная гроза! Этти и сама струсила, а я уж и не знаю, к худу это было или к добру... – Марни засмеялась, пытаясь отогнать нерадостное воспоминание. – Брр! Слушай, давай о чем-нибудь другом поговорим...

Но Анна была в ярости.

– Это же неслыханно! – вырвалось у нее. – Какая гадина Этти! Вот бы ее громом убило прямо на месте!

Марни с недоумением наблюдала за ней.

– Смешная ты, – сказала она. – Что с тобой каждый раз происходит, когда я тебе рассказываю о подобных вещах? Тебя что, ни разу так не пугали?

Анна почти выкрикнула:

– Чтобы взрослые и к тому же намеренно – нет! Никогда! Еще не хватало!

Марни прошептала тихо-тихо, словно ветерок в траве:

– Везет же тебе... Хотела бы я на твое место...

Анна повернулась к ней, вдруг успокоившись:

– Помнишь, я то же самое тебе говорила? Когда мы в тот раз здесь сидели?

– В самом деле?

– А ты не помнишь? Бедная Марни! Как же я тебя люблю! Я ни одну девочку никогда так не любила! – Она потянулась погладить волосы Марни, но рука застыла на полпути. – И это ты тоже мне говорила, – медленно, с изумлением на лице повторила она. – Вот забавно! Мы с тобой как будто местами меняемся!

Глава девятнадцатая

Мельница

В тот вечер Анна выбралась из коттеджа уже в сумерках. Она думала о старом ветряке с того самого момента, когда они с Марни расстались на дамбе. И вот теперь она шла в том направлении. Сама она там еще не бывала. Сэм время от времени упоминал, что «вот ужо сводит ее туда», но пока этого так и не произошло. А теперь ей кое-что пришло в голову.

Она сходит к мельнице одна. Она ведь никому не давала обещаний туда не ходить. Зато выяснит, была ли у Марни хоть какая-то почва для страхов. Анна была почти уверена, что на самом деле ничего ужасного там не было, но хотела убедиться совсем точно, без «почти». Если при встрече она сможет сказать: «Да нет там ничего особенного, я сама видела!» – тогда Марни ей поверит. Эдвард, может, так ей и говорил, но Эдвард – дело другое. И вообще, он ее трусихой обозвал!

Главное, Анна сможет хоть раз подарить Марни нечто такое, чего Эдвард не мог. Доказать, что ее страхи были беспочвенными. И,

предвкушая это, Анна тихонько радовалась.

Сегодня стемнело раньше обычного. Небо затянули облака, дул порывистый ветер.

«Кончилось ведро», – сказал Сэм, когда пили чай. По заливу бежали злые, островерхие, серо-зеленые волны. Анна посмотрела на них и поняла: даже при самом благоприятном приливе Марни не сможет сегодня вывести лодку.

Чайки вились над сухим берегом и сердито кричали. Они проносились у Анны прямо над головой; она видела, как они кружились у мельницы. Белые крылья мелькали на фоне темнеющего лилового неба. Анна даже пожалела, что не выбралась раньше. Однако поворачивать обратно было нельзя. Струсить она себе не позволит!

Если она сумеет добраться до мельницы почти в темноте и, чего уж там, одолевая собственный страх, значит завтра ей, может быть, удастся уговорить Марни сходить туда ясным днем, при солнечном свете, и все ей показать. Мельница была, вероятно, единственным местом в Литл-Овертоне, которого Марни так и не изучила. И Анна побывает там первой! Раньше ее!

Небо делалось все темнее. На руку Анне шлепнулось что-то мокрое. Она пустилась бегом и добралась до мельницы, как раз когда пыль на дороге прибили первые тяжелые капли дождя.

Подняв голову, она увидела нависший силуэт ветряка. Он был совсем темный и невероятно огромный. Анна испытала мгновение полнейшего ужаса: ей показалось, будто вся эта махина кренилась прямо на нее, собираясь вот-вот рухнуть. Даже голова закружилась. Она дотянулась до двери и толкнула ее. Дверь жутко закрипела.

Внутри была полнейшая темень. Анна стояла, отдуваясь после бега и ожидая, чтобы глаза привыкли к темноте. И в это время сквозь собственное дыхание она расслышала другой звук. Он раздался прямо над головой. Кто-то ахнул и как будто сам себе рот зажал.

Там, наверху, кто-то был!

Анна замерла, не смея сдвинуться с места. На нее разом навалились и все страхи Марни, и рассказы о привидениях, и заточенные узники в башнях из комиксов горничных. Она даже дышать разучилась на какое-то время. Потом снова втянула воздух. Получилось нескончаемое сипение...

Еще мгновение прошло в тишине, потом сверху долетел полный ужаса шепот:

– Кто здесь? Ой, боженька, кто здесь?..

Анна испытала такое облегчение, что ее аж обдало жаром. Ноги, впрочем, по-прежнему порывались подломиться.

– Марни!.. – сказала она. – Ты-то что там потеряла?.. Ну ты, знаешь, и напугала меня!

Она постепенно начинала кое-что видеть. С пола к люку в потолке тянулась лестница. Анна неверными руками ухватила за нее и полезла вверх. Там, наверху, действительно была Марни. Она стояла на четвереньках и сразу же судорожно ухватила за Анну. Та выбралась с лестницы и тоже села на пол.

– Марни! Что стряслось? Что ты тут делаешь?

У Марни так стучали зубы, что она едва могла говорить.

– Анна! Ой, Анна, как же мне страшно! Слышу, снаружи кто-то – топ, топ... Я чуть на месте не померла... А это ты!..

И она беспомощно расплакалась.

– Но зачем ты сюда забралась? Почему?

Марни попыталась перевести дух. Получился отчаянный рыдающий вздох.

– Я... я не знаю... я решила быть храброй... Эдвард меня все шпынял... Ой, Анна...

– Все хорошо, давай слезем и пойдем домой.

Анна говорила таким деловым тоном, потому что ей самой было страшно. Наверху было откровенно жутко, ветер так и ревел. Однако Марни даже не попыталась сдвинуться с места.

– Пошли! – повторила Анна, уже настойчивее. – А что это так гудит наверху?

– Это ветер воет... призрачным голосом! – на полном серьезе выговорила Марни.

Впору было смеяться, но ни у той ни у другой что-то не получалось.

– Давай-ка спустимся... – Анна потянула Марни за руку. – А ты, оказывается, ужас какая храбрая, отважилась прийти сюда! Теперь пойдем...

– Я не могу... – захныкала та. – В том-то и штука...

– Почему?

Марни указала на лаз в полу. Анна вгляделась и поняла, о чем та говорила. Лестница, по которой она с такой легкостью влезла, кончалась, оказывается, очень далеко внизу. Придется спускать ноги в черную зияющую дыру!

Анна попятилась, ее начало трясти. Страх Марни оказался очень заразительным.

– Я уже сто лет здесь сижу!.. – всхлипывала Марни. – Полчаса, не меньше! Я хотела быстренько сюда забежать... чтобы с чистой совестью говорить – я смогла... и потом скорее домой... А посмотрела вниз – и не могу! Не могу...

– Ну так не смотри, – резко сказала Анна. Поднявшись, она подошла к стене и стала ходить кругом, ведя по ней рукой. Она намеренно не оглядывалась и не смотрела под ноги. Ей тоже требовалось время, чтобы совладать с накатившим испугом. Марни последовала за нею, пробираясь по-прежнему на четвереньках.

– Что мы делать-то будем? – хныкала она.

Анна не отвечала. Ей сперва нужно было взять себя в руки. Наконец она повернулась, тоже встала на четвереньки и поползла обратно. Старательно глядя вверх и перед собой, она нащупала квадратный лаз и обвела его ладонью. После чего, по-прежнему не глядя вниз, нагнулась и попыталась нашарить лестницу. Дважды провела вдоль края рукой. Села на пол. Ее била дрожь.

– Что такое? – спросила Марни. – Что случилось?

– Не могу лестницу найти. Она пропала.

– Ой, нет! Только не это!

– Она пропала, – повторила Анна. – Я все ощупала, а ее нет. Наверное, соскользнула, упала... или еще что...

Голос дрожал.

– Так что же мы делать-то будем? – всхлипывала Марни, прижимаясь к подруге. – Скажи, что мы делать будем?

– Не знаю. – Анна стряхнула ее руки. – погоди, дай подумать!

Ей хватало собственных страхов, но Марни упорно цеплялась за нее, сама не своя от ужаса.

– Не хватай меня так, – пробурчала Анна. – От этого только хуже. Я думаю, нам надо храбриться!

– Вот это мне уже нравится! Ты же говорила: «Других легко в трусости упрекать!» А сама...

– Да, говорила. И я тебя не упрекаю, – сказала ей Анна. – У меня у самой поджилки трясутся! Я просто думать пытаюсь, как бы нам суметь спуститься!

Если бы хоть было за что схватиться руками, подумалось ей... И в памяти, словно строчка из давнего детского стишка, всплыло: «Все испытывайте, хорошего держитесь». Откуда бы? Ах да, с той вышивки в рамочке на стене ее комнаты... Там еще якорь был, но от якоря здесь было бы мало толку. Единственное, за что можно было бы здесь держаться, – это лестница, но она пропала. А за нее саму крепко держалась Марни.

До Анны внезапно дошло, что она была кругом неправа. Ну конечно же, лестница никуда не пропала. Она просто была с другой стороны. С перепугу она растерялась и зашла не с того края. Анна показала и объяснила Марни, в чем дело. Им вовсе нечего было бояться. Надо было всего-навсего держаться покрепче – и спускаться осторожно, поодиночке.

– Смотри, все в порядке, – сказала она. – Просто хватайся как следует и слезай спиной вперед. Хочешь, я первая спущусь?

– Ой, нет, нет! – ахнула Марни. – Не бросай меня здесь!

– Ну как хочешь. Давай ты первая.

– Но я не могу! Я не могу! Я же говорила...

Анна пыталась уговаривать, но все без толку. Марни от ужаса ничего не слышала и не понимала. К тому же еще становилось темнее с каждой минутой.

– Мне холодно... мне так холодно, – повторяла Марни.

Слово «холодно» всякий раз завершалось дрожащим подвывом.

Анна перепробовала уже все.

– Марни, просто отцепись от меня всего на минуточку и попробуй! Попробуй! Держись не за меня, а за лестницу! Я не могу это сделать за тебя. Ну пожалуйста, попытайся! Или, может, давай все-таки я первая слезу?

Но Марни об этом не желала и слышать.

Казалось, прошло много часов... Наконец у Марни вырвался долгий-долгий судорожный вздох, и она обмякла, заваливаясь назад. Она попросту заснула, утратив все силы. Анна собрала раскиданную по полу солому, подложила ей под голову.

Сама она подобралась к стене и уселась, прислонившись спиной, чтобы наблюдать за Марни – вдруг та проснется. Однако голова сама собой начала клониться на грудь. Не прошло и минуты, как Анна тоже заснула.

Глава двадцатая

Дружба врозь

Когда в ушах у Анны стал отдаваться какой-то глухой рев, она вздрогнула и проснулась.

Кругом происходило движение, звучали голоса, слышались тяжелые шаги. Долетело еле слышное всхлипывание Марни:

– Я уж думала, ты никогда не придешь! Ой, Эдвард, я так напугалась...

Анна открыла глаза. И только тут вспомнила, где находится.

Она приподнялась, еще плохо понимая, что к чему. Только чувствовала, что озябла. Рядом никого не было. Голоса отдалились и стихли, теперь слышался только шум ветра да изредка – крик пролетающей чайки.

Марни исчезла. Анна осталась на мельнице одна.

Марни ее бросила...

Анна не могла ни о чем больше думать – только об одном этом безрадостном факте. Неловкая спросонок, она спустилась по лестнице и выбежала из мрачного ветряка наружу, в сырую и ветреную тьму. В голове молотком стучала единственная мысль: Марни ее бросила. Ушла без нее. Оставила ее одну. Это было жестоко. Этого нельзя было простить.

Она так разозлилась, что даже не плакала. Она бежала, задыхаясь, по дороге через поля, не замечая, куда несется. Высокая трава хлестала ее по ногам. Потом она споткнулась, не удержала равновесия и кувырком полетела в канаву.

Кое-как выбравшись на четвереньках, Анна осталась лежать в траве, выбившись из сил и только всхлипывая. У нее что-то случилось с ногой. Стоило пошевелить ею, и в нее раскаленной иглой ударяла боль. Анна решила немного полежать, прийти в себя, потом еще попробовать встать... Больше она ничего не помнила.

Проснувшись несколькими часами позже, она обнаружила, что лежит в своей собственной постели. Повернув голову, Анна увидела на стуле рядом с постелью поднос. А на нем – вареное яйцо, коричневый чайничек и два ломтика хлеба с маслом. Миссис Пегг отдергивала занавески. Обернувшись, она увидела, что Анна открыла глаза, и подошла к ней.

– Ну вот, так-то лучше, – сказала она. – Выспалась, я надеюсь? Давай-ка садись и завтракай у себя в постельке, как полагается маленькой леди... И, пожалуйста, не забивай головку, не беспокойся ни о чем. По крайней мере, пока яичко не скушаешь.

Анна пошевелилась – и вздрогнула от боли. У нее занемело все тело. Миссис Пегг поцокала языком:

– Ты небось еще и простудилась ко всему прочему. Ничего удивительного, если хочешь знать мое мнение! И лодыжку повредила, насколько я вижу. Когда тебя принесли, я сразу увидела, какая она красная и распухшая! Вот что бывает, глупенькая, если гулять допоздна и валяться в мокрой траве, – ласково выговаривала она. – Ты хоть помнишь, что произошло?

О да, Анна помнила. Постепенно все возвращалось. Мельница...

Марни, застрявшая наверху... этот непрерывный, ужасающий ветровой гул... Она нерешительно обратилась к миссис Пегг:

– Я не вполне уверена... Вы не помните?

– Ну, ты же в полях была, так? Ты, наверное, устала, прилегла... да там и забылась. Мы с Сэмом начали беспокоиться, – и куда же, думаем, ребенок пропал? А ветер-то разошелся... Тут к нам стучится мистер Пирс, он, значит, мимо проезжал на машине, поворачивает – тебя фары-то и осветили. Вот он и подвез тебя до двери.

Анна в самом деле смутно припомнила, что кто-то вроде бы ее поднял, понес на руках... и еще там урчал автомобильный мотор... но больше – ничего.

Миссис Пегг задумчиво смотрела на нее сверху вниз:

– Не самый осмотрительный поступок, утенок... И что только на тебя нашло? Ну да ладно, что случилось, то уж случилось! – Она налила чаю и пододвинула поднос на стуле чуточку ближе к Анне. – А теперь кушай завтрак да лежи себе тихо-спокойно, а я обед готовить пойду. – Она посмотрела за окно. Сильный порыв ветра потряс рамы, обтекая коттедж. – Во всяком случае, сегодня ты ничего занятного не пропустишь! Сэм прав, погода и точно переменялась!

Когда миссис Пегг вышла за дверь, Анна позволила вернуться всем до единой подробностям минувшей ночи. И снова ее тягостным грузом придавила память о том, что сделала Марни. Сердце болезненно сжалось в груди. Марни бросила ее одну на мельнице. Одну, напуганную, в темноте. А ведь Анна думала, что Марни ей настоящая близкая подруга!

Сперва ей стало казаться, что это Эдвард – или кто там пришел на выручку Марни – намеренно оставил ее. Потом она вспомнила, как сидела, прислонившись к стене, и поняла: он вполне мог и не заметить ее. Он небось не ждал, что там окажется еще кто-то, кроме Марни. Но как могла Марни исчезнуть, даже слова не сказав? Анна знала: вот за это она никогда ее не простит.

И в жизни своей никому доверять больше не сможет. Ни единой живой душе!

Противостоять этой боли она не могла. Оттолкнув поднос, она снова легла. Повернувшись к стене – и отрешилась от всего на свете.

Внизу, на кухне, миссис Пегг накрошила луку на сковородку, готовя «чудное румяное жаркое», и теперь знай помешивала, чтобы не пригорело. Подобно миссис Престон, она полагала добрую порцию вкусной еды первейшим лекарством от всех жизненных огорчений. Вскоре славный, такой домашний запах жареного лука распространился по всему домику.

Выбравшись с кухни, он сунулся под дверь запертой передней комнаты, тихонько одолел лестницу и проник в дверную щель спальни Анны. Но даже вкуснейший на свете, наполняющий рот слюной запах был бессилён расшевелить Анну. Девочка крепко спала.

Ветер ревел за стенами ещё два дня. Все это время Анна оставалась в постели. Что касается ноги – дело обошлось без перелома. Багровая опухоль ещё держалась, но лодыжка болела все меньше. Другое дело, Анна и правда простудилась. Миссис Пегг повторяла, что в постели ей нынче самое место.

Анне было глубоко все равно, где ей место. Ничто больше не имело значения. Марни, её единственная подруга, перестала быть таковой. Дружба врозь!

На третий день она встала на ноги, бледная и невеселая. Миссис Пегг поудобнее устроила её в уютном кресле на кухне, сама же отправилась за покупками. Сэм спал на своём обычном месте – в большом кресле в углу.

Анна смотрела в окно – сонно, без интереса. Ветер снаружи ненадолго притих. Ещё шел дождь, но небо определенно светлело, и с залива доносились плачущие голоса чаек. Анне казалось, она уже целую вечность там не была. Вечность – с тех пор, как Марни бросила её на мельнице. Два дня в постели тянулись, как двести лет.

И она больше не хотела видеться с Марни. Тут не могло быть никакого сомнения. Лежа в кровати, она твердо решила никогда больше с нею не разговаривать. А вот показаться бывшей подруге, пожалуй, хотела бы. Пусть бы та выглянула из окошка и увидела её на причале. И вспомнила, как жестоко и подло с нею обошлась. Если вдруг они встретятся, Анна на неё даже и не посмотрит. Но нельзя позволять Марни забыть о ней. Нельзя, чтобы кто-то делал такое с другим человеком, а потом преспокойно все забывал!

Надо сходить на пристань. Прямо сейчас. Хватит уже попусту сидеть и раздумывать. Анна тихо встала, отбросила теплую шаль, которой миссис Пегг закутала её ноги, и, бесшумно миновав Сэма, прошла через кухню. Открыла заднюю дверь...

Снаружи оказалось на удивление светло, а воздух был таким свежим, что у Анны слегка даже дух захватило. Она на минуточку ухватилась за перила. Потом, ступая на не очень послушных ногах и ощущая странную легкость, прохромала по дорожке и повернула к заливу.

Глава двадцать первая

Марни в окне

Вода казалась свинцовой. Прилив поднялся только до половины, на причале было безлюдно. За болотом виднелась огромная темно-лиловая туча, наползавшая с моря. Анна вздрогнула от холода и пожалела, что не надела чего-нибудь потеплее.

Она спустилась к самой воде. Если Марни смотрит в окно, здесь она

никак не сможет обойти ее взглядом. Анна медленно шла вперед, пиная голыши и временами нагибаясь за камешком или перышком – чем именно, неважно. Каждую находку она подолгу разглядывала, ничего при этом не видя, думая только о том, как бы самой не остаться незамеченной... и продолжала идти.

Дождь полил сильнее. Туча уже повисла над головой, было слышно, как тяжелые капли шлепаются в воду залива. В очередной раз выпрямив спину, Анна обнаружила, что стоит как раз против Болотного Дома, – и невольно, не успев удержаться, глянула вверх, на окно Марни.

И конечно же, Марни была там. Или померещилось? Анна вновь посмотрела, просто чтобы увериться. И больше взгляда уже не отводила.

Марни вправду смотрела сквозь стекло, ее лицо казалось странно перекошенным... или это дождевая вода сбегала по окну, искажая черты? Анна зашагала вперед, начисто забыв о своей прежней решимости: она увидела, что Марни машет ей рукой, зовет подойти. Она попыталась ей что-то сказать.

Анна подошла как можно ближе и стала смотреть, не замечая ни дождя, лившего уже вовсю, ни ветра, взбивавшего маленькие злые волны. Она видела только Марни в голубом платье, расплющившую нос о стекло. Марни хлопала ладонями по окну и кричала совершенно прежним голосом, голосом их дружбы:

– Анна! Милая Анна!

– Что? – отозвалась та.

– Анна! Как же я хочу к тебе выбраться! Только не могу! Меня тут заперли! А завтра вообще прочь отсылают! Я хотела тебе сказать... попрощаться... а мне выйти из дому не дают! Анна!.. – Марни в отчаянии заламывала руки. – Ты меня прости, пожалуйста! Я не хотела тебя бросать, просто так получилось... Я с тех самых пор тут сижу и все плачу, все плачу! Скажи скорей, что прощаешь меня!

Ветер пытался унести сказанное, дождь, ручьи воды на стекле не давали толком рассмотреть лицо... Но Анна все равно услышала и поняла. Для нее каждое слово прозвучало так ясно и четко, будто все это шло из ее собственной души, а не извне.

Вся ее горькая и окончательная обида на Марни тут же рассеялась. Марни была ее подругой – и она любила ее.

– Да, да! – радостно закричала она в ответ. – Конечно! Я прощаю тебя! И я люблю тебя, Марни! Я тебя никогда не забуду!

Анна еще очень о многом хотела ее расспросить. Она в самом деле уезжает? Куда? Она вернется?

Но дождь уже лил как из ведра, хлестал косыми струями, прибивал волосы к щекам, обжигал холодом ноги. Потоки воды превратили лицо Марни в бледное пятно на темном фоне окна.

Анна еще напрягала зрение, силясь что-нибудь рассмотреть, когда холодная вода стала захлестывать ее ступни. Быстро обернувшись, Анна увидела, что за спиной у нее вздулся прилив. Серая вода, подернутая мелкими волнами, наступала на сушу, разливаясь все шире. Она уже почти покрыла болото.

Анна снова повернулась к окну. Лицо Марни успело совершенно исчезнуть, почти смытое ливнем. Видно было только, как отчаянно она машет руками, прощаясь и одновременно указывая на узкую полосу берега, где еще можно было пройти посуху. Анна смотрела, и дом вновь казался ей опустевшим. Окна таращили слепые глазницы: там больше никого не было. Давным-давно обезлюдевший, необитаемый дом...

Всхлипнув, Анна отвернулась и пошла вдоль берега туда, где начиналась дорога. Сухая полоска уже скрылась под водой, приходилось идти вброд. Похоже, прилив наступал необычайно проворно. Битый камень и всякий мусор, принесенный морем, колот ступни. Анна хваталась за длинную траву на откосе, пытаясь вылезти вверх, но обрыв был слишком скользким. Выбраться не удавалось.

Задышавшись и всхлипывая, она кое-как брела дальше. Ноги налились свинцовой тяжестью, вода поднялась уже выше колен, каждый шаг давался все с большим трудом. Дождь стекал по щекам пополам со слезами, промокшая одежда липла к телу, влажные пряди волос хлестали по лицу, словно водоросли. Лишь пересохшее горло так и горело.

Постепенно до Анны дошло: если она вовремя не выберется на берег, так недолго и утонуть! Вода почти достигала бедер, а она едва одолела половину пути. Но нет, она так просто не позволит себя утопить! Люди могли обращаться с ней как угодно скверно, но вынудить ее утонуть, если она сама не пожелает? Не бывать тому! Она обязательно выберется! Обязательно!

Она даже представила себе, как все будет. Она явится домой, хромающая, насквозь мокрая, тихонько проберется к себе вверх... Да, она едва не погибла, но никто об этом так и не узнает. Никто никогда не догадывался ни о чем, что было для нее по-настоящему важно. Никто не знал, как она себя почувствовала, выяснив, что приемным родителям доплачивали за ее содержание. О том, каково ей было все время ощущать себя лишней, не такой, как другие... Люди даже не задумывались о том, что делают с нею. И даже Марни не задумывалась – ее первая и единственная

близкая подруга.

Да и той больше не было...

Эта мысль заставила Анну захлебнуться рыданиями. Она оступилась и упала в серую беспокойную воду.

Глава двадцать вторая

Другая сторона дома

Анна и в самом деле едва не утонула. Однако кое-кто об этом узнал, и этому кое-кому было не все равно. Из-за поворота залива как раз вышла лодка. Многоватик увидел падение Анны, и от этого зрелища его мозги заработали проворней, чем когда-либо прежде. Он направил лодку напрямик к девочке, выскочил за борт, сам оказавшись по пояс в воде, подхватил Анну на руки и вынес на берег.

Миссис Пегг после утверждала, что испытала величайшее потрясение всей своей жизни, когда Многоватик ввалился к ней в кухню – как раз когда она разгружала хозяйственные сумки с покупками. Она оглянулась – и увидела их обоих и как с них ведрами лило прямо на чистый кухонный пол... и хоть бы разрешения попросили войти!

И это было еще не все. Многоватик вдруг взял да и задвинул самую длинную речь, которую от него когда-либо слышали.

– Девчушка-то ваша чуть не утопла, – изрек этот достойный член общества. – Хорошо ветер засвежел! Лечу я это, значит, домой... глядь – а она там барахтается! Прямо небывалый нынче прилив... – С этими словами он спустил Анну с рук на диван и добавил: – Вот это я понимаю, улов!

Таким, знаете, тоном, будто не малышку приволок, а треску какую. И вышел себе за дверь, прежде чем миссис Пегг дух успела перевести...

Однако впечатлениями она поделилась много, много позже. В первые дни у нее никакого желания не было про то говорить, да, в общем, и времени. И подавно – рассказывать о случившемся как о чем-то занятом и даже смешном. Поначалу было попросту страшно.

Анна очень долго болела. Она горела в жару, ей снились кошмары, она просыпалась с криком... а как болели все кости! Однако рядом всегда находился кто-то, готовый разогнать страшный сон, утешить, дать напиток. Однажды, к своему изумлению, она увидела подле себя миссис Престон, облаченную в ночную рубашку; женщина поднесла к ее потрескавшимся губам стакан воды.

– Тетушка... – прокаркала Анна и попробовала улыбнуться.

Миссис Престон погладила ее по руке, помогла удобнее откинуться на подушку.

– Спи, маленькая, – ласково пробормотала она.

Даже в полубреду Анна не удержалась от мысли: «Это она что – про меня? Вот странно...» До сих пор миссис Престон никогда ее подобными словами не называла... Потом Анна решила послушаться «тетушки», закрыла глаза и уснула – спокойно, без сновидений.

Постепенно ей стало лучше, она начала понемногу вставать. Миссис Престон, приехавшая помочь миссис Пегг по дому, заговорила о возвращении в Лондон. По ее словам, она была нужна оставшемуся там «дяде». Доктор, однако, посоветовал не увозить Анну с побережья: здешний воздух был для нее полезней столичного.

– Что ты сама обо всем этом думаешь, дорогая? – спросила миссис Престон, подсаживаясь к Анне на постель и поглядывая на нее искоса, с беспокойством. – Может быть, хочешь все-таки вернуться со мной?

Анна не знала, как ей ответить.

– Ты же вроде неплохо здесь время проводила? – продолжала миссис Престон. – Миссис Пегг говорит, тебе было хорошо, да и они с Сэмом будут рады, если ты еще у них поживешь... Но конечно, если что не так, я ни в коем случае тебя здесь не оставлю! Чего бы тебе хотелось, скажи?

Анна переспросила, не веря своим ушам:

– Миссис Пегг правда сказала, что хочет... чтобы я у них пожила?

– Да, именно так и сказала. Она говорит, им с тобой очень понравилось. Я просто хочу, чтобы ты сама выбрала, что тебе по душе.

Анна почувствовала, с каким волнением миссис Престон ждет ее ответа. Она сказала:

– Тогда я бы осталась.

Миссис Престон сразу встала, просияла, кивнула:

– Значит, договорились. Пойду им скажу.

В ее голосе звучало такое облегчение, что Анна даже удивилась ее опечаленному виду, когда они расставались. «Тетушка» на секундочку крепко-крепко обняла ее и пробормотала нечто невнятное; Анна расслышала хорошо если половину.

– Вот бы ты вернулась... ничего... быть может, однажды мы...

Не договорив, разомкнула объятия и зачем-то притворилась, будто застегивает кофту Анны – которую сама минуту назад застегнула на все пуговицы.

Анна только и успела, что поддаться внезапному порыву и обнять ее в ответ, и тут Сэм окликнул их с лестницы – из-за угла показался станционный автобус... Еще минута – и миссис Престон уехала.

Вскоре Анна снова начала гулять по окрестностям, и жизнь в доме в общем и целом вошла в прежнее русло. Только для Анны очень многое успело измениться.

После болезни словно захлопнулись некие ставни, отгородившие все, что случилось до того злосчастного дня. Казалось, успело миновать очень много времени. Порою Анна вообще смотрела на Литл-Овертон как будто впервые... Потом вспоминала Марни.

Марни съехала. Тут не было никакого сомнения. Поглядев на окна Болотного Дома, Анна вполне в том убедилась. Она долго стояла, глядя на особняк, гадая, что же изменилось. Ничего внятного сказать было нельзя. Дом просто выглядел опустевшим. Анну это не удивляло. В глубине души она знала, что больше Марни не увидит, и тайно горевала об этом.

Другая перемена состояла в том, что народу в округе явно прибавилось. Начали появляться летние отпускники. Семьи привозили малолетних детей, и те почти нагишом плескались на мелководе у песчаного берега. Однажды Анна помогала двоим малышам строить из песка замок, пока их мать болтала с подругой на берегу. С такими ребятами Анна никогда прежде не имела дела. Как ни странно, ей почти понравилось.

Как-то после полудня, в отлив, она шла через болото и застала там пожилую даму: та сидела на раскладном стульчике и рисовала. Анна немного постояла у нее за плечом, наблюдая за работой. Женщина рисовала причалы и Болотный Дом.

Художница оглянулась, заметила девочку и улыбнулась. Раньше,

наверное, Анна потихоньку убралась бы прочь, но теперь улыбнулась в ответ. Женщина, кстати, показалась ей не такой уж и старой: примерно ровесница миссис Пегг.

– Как по-твоему, похоже? – спросила она Анну, указывая на рисунок.

Анна наклонилась поближе, внимательно изучая набросок, и ответила:

– Да, похоже.

– Нравится мне этот старый дом, – сказала художница. – А тебе?

– Да, – согласилась Анна.

Женщина вернулась к работе. Анна постояла еще, ожидая, не обернется ли та снова, но художница не оборачивалась, и Анна потихоньку удалилась. Однако приятное чувство никуда не исчезло: она как будто с кем-то подружилась. А понадобилось для этого всего-то не убежать прочь!

Потом однажды утром она шла по главной улице мимо «Притчетс» – и, дойдя до парадного входа на участок Болотного Дома, с удивлением увидела железные ворота раскрытыми нараспашку. Анна сделала несколько шагов внутрь. Услышала звон молотка, свернула за поворот подъездной дорожки, откуда уже виден был дом... остановилась и стала смотреть.

Она и не подозревала, как выглядел особняк с этой стороны. Не менее привлекательно, чем старый дом над водой, к зрелищу которого она привыкла. С чего она взяла, будто со стороны парадного фасада увидит нечто неожиданное? Она смотрела, впервые осознавая то, о чем надо было догадаться гораздо раньше: перед ней были просто две стороны одного и того же дома. И эта сторона была едва ли не краше. Ей было присуще некое приветливое тепло, которого Анна, в общем-то, не ждала.

А самое удивительное – все окна были раскрыты. На рамах блестела свежая краска, откуда-то с верхнего этажа доносился стук молотка.

У парадной двери, также полуоткрытой, карабкалась по стене плетистая роза. Алые цветы гроздьями нависали над крыльцом.

Пока Анна стояла там, рассматривая фасад, из-за дома со стремянкой на плече вышел рабочий. Анна не успела удрать, он заметил ее и окликнул:

– Ты к кому пришла, малышка? Нету их еще!

Анна стояла с открытым ртом, не в силах придумать должный ответ.

Рабочий положил стремянку и подошел ближе.

– Что такое, радость моя? – спросил он шутливо. – Дядьку с лесенкой никогда не видала? – И кивнул на особняк: – Мы тут старую берлогу слегка в порядок приводим, вот оно как. Думаешь, просто так себе стучим? Это плотник полы чинит и всякое разное, в чем дырку найдет!

Сделав паузу, он внимательней присмотрелся к девочке:

– погоди, это не ты малышка, что у Пеггов живет? Ух, а вытянулась-

то! Была – во, пигалица, а теперь – ух!

– Наверное, так и есть, – сказала Анна. – Я тут все в кровати лежала, а когда лежишь, говорят, быстрее растешь.

– Вот как? Ну да, точно... – Рабочий медленно кивнул. – Значит, это ты чуть не утопла тогда? – И сочувственно щелкнул языком. – Как же, слышали... Что ж, скоро тебе, верно, будет повеселей, когда семья въедет!

Анна не сразу сумела переспросить:

– К-какая семья?

– А та, что старый дом выкупила. Думаешь, что мы сюда набежали? Славные люди, между прочим. Некий мистер Линдсей с женой. Помнится, приезжали на Пасху, присматривались... Вроде бы как раз им подошло!

– А... а что случилось с прежней семьей? – очень тихо и неуверенно спросила Анна.

– Ты о ком, девочка? – Рабочий смотрел на нее, явно не понимая.

– Ну... – Ее голос прозвучал еще неуверенней. – О тех, что тут раньше жили.

Мужчина покачал головой:

– Что-то не слышал я ни о какой прежней семье. Уж при мне точно никого не было. Правда, я в Овертоне не то чтобы старожил...

– А-а... ну ладно, спасибо...

Рабочий ушел назад в дом, Анна же медленно двинулась прочь. Дойдя до поворота дорожки, оглянулась.

Две стороны того же самого дома... Одна смотрит на главную улицу, другая – на воду... Анна успела так привыкнуть и привязаться к той, задней стороне дома, что какое-то время числила ее про себя фасадом. Ну надо же, глупость какая. Хотя откуда ей было знать, ворота-то всегда стояли наглухо закрытые...

Неожиданно Анна услышала автомобиль, свернувший к дому с дороги, и поспешно нырнула под деревья. Там на земле догнивал большой старый ящик, за которым Анна и спряталась, пригнувшись. Автомобиль проехал мимо, остановился у подъезда, водитель выключил двигатель. Анна выбралась из-за ящика и вновь вышла на дорожку.

Подбегая к воротам, она снова оглянулась и тут только увидела, что пряталась вовсе не за ящиком. Это была старая, очень старая собачья конура, опрокинутая набок.

Глава двадцать третья

Погоня

Анна стояла в дюнах и смотрела вдаль. Она была уверена: там, на узкой полоске песка, упиравшейся в болото, только что промелькнули пять невысоких темных фигурок. Они бегали, прыгали, сходились и расходились, с каждой минутой становясь все меньше.

Анна смотрела на них, пока вечернее солнце, бившее в глаза, не заставило ее на миг отвернуться. Когда она вновь посмотрела, там уже никого не было.

Девочка отвела взгляд. Увиденное слегка встряхнуло ее: пять фигурок вдали напомнили ей воображаемую семью, которую она когда-то придумала для Болотного Дома. Это было до того, как она встретилась с Марни. Теперь она знала, что там к чему.

Она забралась в безветренную лощинку, легла на песок и, вдруг почувствовав себя до ужаса одинокой, заплакала по Марни. Печальные крики чаек, доносившиеся издалека, вызвали на глазах самые настоящие слезы. Они стекали из уголков глаз, скатывались по шее, смачивали волосы и наконец впитывались в песок.

Анна плакала, и постепенно ее охватывала странная печаль, светлая и даже приятная. Такую печаль мы чувствуем, когда завершается нечто очень хорошее: это вовсе не скорбь о внезапной и безвозвратной потере. Над головой девочки пролетел песочник: «Жаль, жаль меня!» – но и его крик показался скорбной песнью о Марни, а не кличем пустой жалости к себе, как было всегда.

Утешившись слезами, Анна лежала на солнышке, пока оно не высушило ей лицо. Потом перевернулась и съела имбирный пряник, выпавший в песок из кармана. Взъерошила волосы на затылке, подставила их солнцу: пускай сушит.

Услышав детские голоса, Анна поднялась на ноги. Стояла середина июля, побережье больше не принадлежало ей безраздельно. Малышня лазила между валунами, разыскивая крабов, семьи устраивали вылазки на пикники в дюны – и не увидишь, пока не наткнешься, только голоса далеко летели по ветру. Сейчас как раз кончалась обеденная пора: вот-вот на берегу станет еще многолюдней.

Анна забралась на самую высокую дюну, заслонила глаза от солнца рукой и стала смотреть в сторону болота.

Ну конечно – вот они опять появились. С ума сойти! В этот раз они вынырнули поближе – пять невысоких темных фигурок, которые прыгали и носились туда-сюда по песку то к воде, то прочь. Все пятеро – в темно-синих джинсах и свитерах. Анна и ждала их появления, и наполовину боялась.

Они не всамделишные, это она знала точно. Никто во всей деревне ее воображаемое семейство и в глаза не видал. Она ведь снова спрашивала миссис Пегг, и та опять ответила – нет, точно нет, никого такого даже мисс Мандерс не видела, а уж она-то всех знала!

Анна еще немного посмотрела на них, потом спустилась в другую ложбинку и выкинула увиденное из головы. Ну уж нет: она не поддастся и не начнет считать их реальными из-за того, что ей все время кажется, будто

она их действительно видит! Однако спустя некоторое время голоса слышались вновь. Анна высунулась из травы и обнаружила, что фигурки приблизились. Они петляли между дюнами, двигаясь прямехонько к ней.

Анна вскочила и во все лопатки бросилась вниз по склону. Спряталась в глубокой маленькой теснине и стала ждать. Когда она отважилась приподнять голову и оглядеться, их нигде не было.

Тем не менее, возвращаясь под вечер домой, Анна увидела их опять. Она шла полосой отлива, вброд пересекая лужи; бросив взгляд на болото, она увидела их на фоне неба – пять отчетливых силуэтов, шагающих в ряд по гребню высокого берега. Анна остановилась, начала всматриваться. Самая последняя фигурка, немного отставшая от других, вдруг оглянулась, посмотрела прямо на Анну – и замерла на ходу.

Анна бросилась бежать – но все-таки успела увидеть, как фигурка вновь ожила, свернула с прежнего курса и помчалась прямо туда, где она, Анна, стояла минуту назад. Девочка переместилась под прикрытие берегового откоса, пригнулась и пробралась назад. Спряталась за поворотом берега и сидела там, съежившись, минут десять, не меньше.

Когда она осторожно покинула свое укрытие, нигде никого не было видно.

На другой день все повторилось. Она их заметила, удрала прочь... снова увидела. И на следующий день было то же, и опять, и опять... Со временем это стало своего рода развлечением – наблюдать за ними, оставаясь невидимой. Такая вот игра в прятки.

Анна, впрочем, не сомневалась, что и они ее замечали. Особенно одна – девочка с длинными темными волосами. Эта всегда находила Анну глазами, даже когда все остальные смотрели в другую сторону. Она то и дело останавливалась и обшаривала взглядом дюны, словно нарочно выискивая Анну. Та в свою очередь временами слишком смелела – и тогда бывала застигнута на четвереньках, на краю укромной ложбинки, откуда смотрела за тем, как они идут прочь. Она, конечно, сразу же пряталась. Однако ей казалось, что темноволосая девочка неизменно замечала ее.

Постепенно Анна выучилась различать их. Там был рослый парнишка лет четырнадцать – наверное, самый старший. Еще – белобрысая девочка с косичками, ну и та темноволосая. Она выглядела чуть помладше Анны. Другому мальчику было лет семь или восемь, а последний казался совсем еще малышом.

Девочка с косичками обычно занималась младшим: водила его за руку, а то и носила по мелководью. Двое мальчишек тоже держались друг дружки, а темноволосая девочка гуляла более-менее сама по себе. Иногда двое старших отделялись и уходили прочь, на время оставляя младших. Но при любом раскладе темноволосая всегда была немножко одна. То отставала, то отходила в сторонку – потанцевать у края воды...

Из всей пятерки она нравилась Анне больше других, хотя и выглядела

помладше. Вторая девочка казалась слишком взрослой, себе на уме, – хотя и относилась к малышу очень по-доброму. Анна отгоняла подобные мысли, каждый раз встряхиваясь: о чем это я, они же придуманные! Она сама их навоображала – еще в самом начале, до знакомства с Марни. То-то их никто и не видел, кроме нее!

Однако, реальные или нет, они появлялись с завидной неизменностью, и Анна с волнением ждала очередной встречи. Она даже перестала ходить по открытым участкам пляжа, предпочитая петлять и скрываться за дюнами, чувствуя: если высунуться – ее откуда-нибудь разглядят пять пар зорких глаз. Анна стала выходить на берег пораньше и занимать позицию на дюне повыше, чтобы видеть, как они пересекают болото. Однажды, к своему ужасу, она обнаружила, что ребята незаметно прибыли в лодке – и прежде чем она поняла, что происходит, они приблизились сзади, подойдя чуть не вплотную.

С колотящимся сердцем Анна бросилась прочь и все-таки сумела избежать встречи. Она очень хорошо знала все закоулки дюн, и это давало ей ощутимое преимущество... но все равно – едва разминулись!

Когда удалось залечь в ямке и чуть-чуть отдышаться, девочка задумалась. Похоже, она удирала от порождений собственного воображения! Ну и что? Это ведь не злые духи, крадущие детей. Тем не менее игра в прятки стала внушать ей что-то вроде страха. Все было очень забавно – но лишь до тех пор, пока ее едва не поймали. Как она удирала! Прямо как дикий зверек от охотников...

Она осторожно высунулась из зарослей песчаного тростника и увидела их идущими прочь. Надо бы испытать облегчение, но Анна почувствовала разочарование.

Она выбралась наружу и специально уселась на самом виду: если они оглянутся, то не заметят ее просто не смогут. Сердце немедленно заколотилось прямо во рту, но она чувствовала, что риск был просто необходим... А потом случилось то, чего она разом ждала и боялась. Они действительно оглянулись. Анна услышала, как кто-то из них закричал:

– Вон она!

И все побежали напрямик к ней. А ее словно к месту приклеило – она так и сидела на песке, не в силах пошевелиться. Пятеро приближались с каждым мгновением. Ноги начали слушаться, только когда опять стало уже почти поздно бежать. Анна вскочила и понеслась как ветер, одолевая дюну за дюной, пока не добралась до их дальнего конца, где песчаные холмики сглаживались, сменяясь ровным берегом. Анна с разбегу кинулась в самую последнюю ямку и съежилась, зарывшись в мелкий теплый песок.

Кровь гудела в ушах, Анна так и дрожала от волнения. «Не дай им меня поймать, – молча повторяла она, – ну пожалуйста, не дай им, не дай!..» Еще продолжая ловить ртом воздух, она раздвинула высокую траву и выглянула. Нигде никого! Лишь темно-синяя морская ширь впереди. И повсюду – сонная, неподвижная тишина...

Эта тишина вдруг разлетелась вдребезги. Возня, топот ног, торжествующий вскрик – и все пятеро поднялись из травы кругом Анны. Она была окружена.

– Попалась! – закричал кто-то, и теплая сильная пятерня стиснула лодыжку.

Глава двадцать четвертая

Попалась!

– Попалась! – повторил голос.

Анна слабо сопротивлялась – и затихла. Она лишь перевернулась на спину. Старший мальчик склонился над ней, держа ее за ногу. Анна призвала на помощь всю свою волю, чтобы натянуть на лицо «обычное» выражение... Ничего не получилось. На мальчишеской физиономии было столько веселья, парнишка так уморительно изображал разбойную свирепость, что Анна не выдержала и заулыбалась в ответ.

– Так вы настоящие, – не полностью отделавшись от изумления, проговорила она.

Девочка с косичками подошла поближе и тоже наклонилась, желая получше ее рассмотреть.

– Смех да и только! – сказала она. – А мы то же самое про тебя говорили! Что ты, наверное, не настоящая! Пусти ее, Эндрю. Теперь никуда не денется!

Он потребовал:

– Дай слово, что не сбежишь!

Анна кивнула:

– Прямо сейчас не сбегу.

Эндрю убрал руку, она села и стала тереть лодыжку.

– Ты это... короче, извини, – сказал он, заметив красные отметины от своих пальцев. – Тебе ведь не больно? – Анна покачала головой. – Ну ладно, ты нас здорово побегать заставила, не могли же мы просто так тебя упустить!

– Присцилла тебя самой первой заметила, – сказала девочка с косичками. – Это вот она! – И она указала на темноволосую: та молчала, глядя на Анну круглыми глазами. – Я Джейн, вон там – Мэтью, а это у нас Роли-Поли!

И она потрепала по голове малыша, сосредоточенно возившегося в песке.

– Вообще-то, он Роланд, – сказал Мэтью. – Роли-Поли – это мы его так зовем.

– Любимая шуточка Мэтью, – пояснил Эндрю.

– Сцилла все говорила: да вот же она! – рассказывала Джейн-с-косичками. – А мы считали, что она тебя выдумала, пока сами не заметили. Она, по-моему, и сейчас как следует не верит, что ты настоящая!

Эндрю ущипнул Анну за ногу.

– Нет, точно настоящая! Видишь, Сцилла? Самая реальная, не хуже тебя! Это тебе за то, что придумываешь истории про воображаемых девочек! – И вновь повернулся к Анне: – А ты, однако, и загорелая! Ты тут небось долго уже живешь? Тебя как зовут?

– Анна.

– А-а... – Он показался почти разочарованным, потом засмеялся. – Мы тебе знаешь какие красивые имена придумывали? Маргерит, Марлин, Мадлен...

– А еще Мелани, Марианна и Мариетта, – вставила Джейн.

– И Мэри-Энн, – добавил Мэтью.

– Мэри-Энн не так знаменито звучит, – сказала Джейн.

Анна с любопытством спросила:

– А почему все на «М»?

– Это Сцилла все начала, – сказала Джейн. – Она была уверена, что ты – М-что-нибудь.

– Она тебе тайное имя придумала и не говорит никому, – снова рассмеялся Эндрю.

Присцилла, так до сих пор не произнесшая ни слова, отвернувшись и большим пальцем ноги стала задумчиво чертить в песке загогулины.

– Может, скажешь Анне? – окликнул ее Эндрю. – Теперь, наверное,

можно, раз уж мы встретились?

Присцилла не ответила, только мотнула упавшими на лицо волосами.

– Не дразни ее, – сказала Джейн.

Но Присцилла уже двигалась прочь, направляясь к воде.

Все поднялись и пошли в том же направлении, болтая без умолку. Ребята рассказывали Анне, как им повезло. Их забрали из школы за неделю до окончания учебного года, чтобы они могли сразу поехать сюда, в новый дом, вместе с родителями. Рабочие еще возились внутри, мама хлопотала день-деньской, пытаясь навести порядок. Вот почему они неизменно таскали с собой Роли-Поли: чтобы под ногами не путался. Их папа должен был появиться к концу недели. Ведь правда, Литл-Овертон – классное место? Родители приезжали сюда на Пасху, смотрели новый дом, но дети увидели его лишь позже, после покупки. Тогда они все вместе приехали сюда на один день.

Анна понимала, о каком новом доме они говорили. О Болотном Доме. Странно было слышать, как старый особняк называли новым. А еще странно было снова идти по открытому месту и не озираться, опасаясь, не заметит ли кто. Анна вдруг почувствовала восхитительную свободу. Она разбежалась по широкой полосе песка вдоль воды – и прошлась колесом, снова и снова.

Остальные немедленно последовали ее примеру, даже Роли-Поли, но у него ничего не получилось – он был слишком толстым. Его подхватили и пронесли вдоль берега, он растянулся посреди дороги, вереща от восторга. Джейн стала показывать ему, как без посторонней помощи кувыркаться через голову. Остальные принялись ходить на руках, вставать на голову. Только Присцилла держалась особняком – танцевала сама по себе у края воды.

Анна оставила веселье, чтобы к ней присмотреться. Присцилла двигалась странно, как-то боком, изгибаясь туда и сюда, вытягивала ногу. Анна подошла поближе и увидела, что Присцилла продолжала рисовать на песке – длинную линию, зигзагами расчертившую плотный песок. Она выглядела настолько поглощенной этим занятием, что Анну поневоле разобрало любопытство.

– Что это она делает? – спросила она подошедшую Джейн.

– Кто, Сцилла? – Джейн оглянулась в сторону берега. – А, это она в одну из своих тайных игр играет. Она у нас последнее время знаешь какая таинственная? Постоянно что-то придумывает. Поэтому мы долго считали, что она и тебя выдумала!

И она убежала спасать Роли, бодро ковылявшего к морю.

– Ну-ка, Роли-Поли, время идти домой, приятель! Пошли маму поищем!

Итак, пора было возвращаться. Ребята вернулись к дюнам, чтобы забрать брошенные вещи.

– Придешь завтра? – спросил Эндрю, убирая в рюкзачок туфли и свитера. Анна пообещала. – Смотри не подведи! Хватит прятаться в камышах, как какая нимфа косоглазая!

– Прикуси язык! – возмутилась Анна. – И никакая я не косоглазая!

Хотя на самом деле ей впервые в жизни было приятно слушать, как ее обзывали.

– Ну, может, не косоглазая, но скоро окосела бы, высматривая нас сквозь траву! Мы-то точно косеть уже начали понемногу. Увидим, бывало, тебя где-нибудь во-он там, потом хлоп! – а ты уже совсем в другой стороне. Сцилла уже решила было, что ты... эта... ну... как она ее назвала, Джейн?

– Бантам! – прокричал Мэтью.

– Сам ты бантам! Это куриная порода такая, а она – фантом, вот! Сцилла тебя фантомом назвала. Вот интересно, что за книжки она последнее время читала? – И он вскинул рюкзачок на плечо. – Ну ладно, пока тогда! До завтра!

И зашагал прочь, направляясь к болоту.

– До зявтла, – кое-как выговорил Роли, зевая во весь рот.

Джейн нагнулась и подняла его.

– А еще до послезавтра, – сказал Мэтью, улыбаясь Анне и помогая сестре взять малыша на закорки.

– Посезявтла, – отозвался Роли.

Глаза у него определенно слипались.

Джейн стала оглядываться.

– А где Сцилла? На пляже застряла? Анна, будь добра, скажи ей – мы домой пошли, пусть догоняет! Роли совсем устал.

Тут подбежала Присцилла.

– Ну вот и хорошо, – обрадовалась Джейн. – Поторопимся, а то мальчишки уже ушли.

Анна помогла Присцилле разыскать туфли, полузасыпанные мелким песком. Любопытство еще разбирало ее, она спросила:

– Чем ты все-таки занималась на берегу?

– Да так... просто раздумывала, – с застенчивой и таинственной улыбкой ответила Присцилла. – Ступай посмотри, если хочешь.

И она побежала следом за Джейн. Потом обернулась, помахала рукой – и продолжала махать, идя задом наперед, пока не начала скрываться из

виду.

Анна испустила глубокий, счастливый вздох. Начала оглядываться. На берегу стало как-то удивительно тихо. Все остальные, кажется, тоже разошлись по домам. Анна снова подошла к краю воды. Там ничего не было. Ни рисунка, ни надписи, ни даже имени. Только отпечатки босых ног Присциллы – и та длинная, ломаная линия зигзагами. Анна сама не знала, что именно ожидала увидеть, но ощущала легкое разочарование.

Между тем надвигался прилив. Вечер выдался теплый и мглистый, Анна стояла, мечтая неизвестно о чем, наблюдая за мелкими волнами, что накатывались на берег, постепенно добираясь до черты на песке. Вот одна из них перекатилась и частично размыла линию, проложенную Присциллой... На песке осталось что-то вроде большой буквы М.

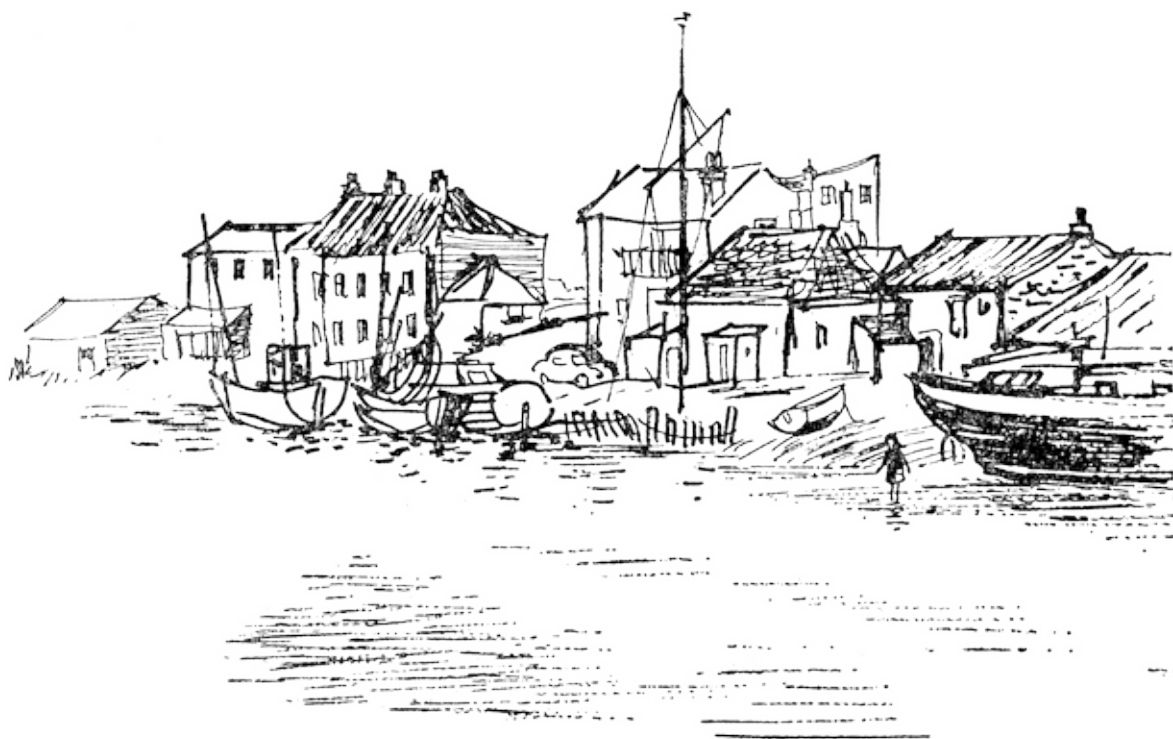
«М – значит Марни», – подумалось Анне. Так вот в чем был смысл вычерченного Присциллой. Это оказалась просто череда заглавных М, тянувшаяся вдоль берега. Почему она прежде этого не замечала? М – это Мадлен, Маргерит, Мелани и все прочее. Анна улыбалась, припоминая вереницу великолепных имен, придуманных для нее ребятами. Еще бы у них не вытянулись лица от простенького «Анна»!

Она неторопливо шла домой через заболоченный луг. Как странно, думалось ей. Все меняется – а мы и не замечаем. Когда-то Марни была настоящей, а они – нет. Теперь они стали реальными, а Марни... Или, может, сама Анна изменилась?

Глава двадцать пятая

Линдсеи

Теперь Анна едва помнила Марни. Лишь иногда, по ночам, когда в низенькое окошко ее комнаты заглядывала луна, а ей не спалось, Анна вспоминала ее – но разрозненными вспышками, урывками: вот Марни в сумерках, на своей лодочке... вот она безостановочно плачет за окном в то ужасное последнее утро... Иногда у Анны тоже наворачивались слезы, она шмыгала носом и говорила себе: «Как здорово, что я простила ее! Даже если она на самом деле не существовала – все равно здорово!»

И с этой мыслью, успокоенная, засыпала.

А в течение дня Марни была не более чем призраком, тенью воспоминания... Потом не стало и этого.

Зато Линдсеи были очень даже реальны. Вот уж в этом никакого сомнения не было! Очень-очень живые – и их было столько! Анна с трудом сводила знакомство только с Присциллой. Та все время дрейфовала куда-то

в сторону от всех, в одиночество, – даже посреди самой веселой игры. Так, словно ей срочно требовалось поразмыслить о чем-то. Когда же они собирались все вместе, Присцилла знай глазела на Анну, да с таким видом, словно ничего на свете так не хотела, как с ней подружиться. Она как будто чего-то ждала, некоего знака со стороны Анны. Знака, который позволил бы ей вести себя с Анной так же дружески и раскованно, как все остальные.

Однажды после полудня, спустя несколько дней с той памятной встречи, Анна помогала Роли-Поли пускать в луже маленький парусник. В тот день они на берегу играли в крикет. Когда играть надоело, Эндрю и Мэтью отправились ловить креветок, а Присцилла, по обыкновению в одиночестве, ушла прочь по пляжу. Поглядывая на нее, Анна видела, как девочка припала на колени, с величайшей тщательностью обустривая что-то перед собой на песке. Время от времени она что-то подбирала с земли и добавляла к своей работе. Потом садилась на пятки и, склонив голову к плечу, критически оглядывала дело своих рук.

И что это она там делает? Анну разбирало любопытство, но уйти и оставить Роли одного она не могла. Джейн как раз ушла в дюны собирать вещи, и Анна пообещала присмотреть за малышом, пока она не вернется. Девочка поднялась на ноги, раздумывая, не подхватить ли его на руки да не побежать ли вместе с ним – пока еще сообразит заорать... В это время вернулась Джейн.

– Анна, спасибо огромное-преогромное! Поведу-ка я его домой... – Джейн обвела взглядом пляж. – А где все?

– Мальчишки пошли креветок ловить.

– Надо будет покричать им, когда мимо пойду.

Анна спросила:

– Может, мне пойти Сцилле сказать?

– Нет, не надо. Я ей в вещах записку оставлю. Слушай, а пошли с нами домой? Чаю вместе попьем... Мама против не будет, она любит, когда мы кого-то приводим.

Анна заколебалась, но Джейн сказала:

– Да ладно, ничего торжественного там не будет, просто булочки и всякое такое... Правда пошли!

– Да я бы... – Анна помедлила, оглядываясь на Присциллу.

– Лучше оставь ее. Она не любит, когда ее отрывают. Сама придет, когда будет готова. Мы ей записку оставим. – Джейн быстро посмотрела на Анну. – Ты только не думай, что она недружелюбная или типа того, она не такая... Правда не думай! Она просто любит бродить и мечтать сама по себе.

– Да я ничего такого и не думала.

Они вернулись в дюны, оставили там записку и пошли дальше вдвоем, ведя с собой Роли-Поли. Окликнули мальчиков, заметив их в отдалении.

Шагая по пешеходной тропинке над берегом прямо к боковой двери старого особняка, Анна чувствовала себя довольно странно. Когда они вошли внутрь, Анна увидела, что там в самом деле многое обновилось. Коридор загромождали прогулочная коляска и трехколесный велосипедик Роли, другие велосипеды стояли прислоненными к стене. В зале теснились коробки с книгами, почти не распакованные, завалы разной мебели.

– Вот видишь, мы еще даже вещи не разобрали, – сказала ей Джейн и убежала искать мать.

Миссис Линдсей оказалась похожей на Джейн, только пухлее, и у нее были серые смешливые глаза Эндрю. Она поздоровалась с Анной, как со старой знакомой, которую очень рада была снова принимать у себя. Ну конечно же, Анне можно было остаться на чай!

– Только на беспорядок внимания не обращай, – сказала она. – Ждем вот, пока рабочие закончат комнаты наверху. Мэтту даже в зале вчера спать пришлось!

– Точно, пришлось! – сказала Джейн. – А сегодня мой черед, правда, мам?

Миссис Линдсей улыбнулась Анне и ответила:

– Они за эту привилегию драться готовы. Лично я так спальню предпочитаю! Джейн, покажи Анне дом. Чай будем пить в «медвежьем садике», как всегда. – И она взяла кипу свернутых занавесок. – Понесу-ка наверх...

Джейн заметила удивление Анны и рассмеялась.

– Это наша комната так называется, сейчас покажу... Мам, а пончиков можно поесть?

– Конечно. Я там уже все накрыла.

Анна рассматривала акварель, висевшую на стене у входа на лестницу. Она изображала причал и парусные лодки в заливе.

– Это Джилли нарисовала, – пояснила подошедшая Джейн.

– Джилли – это кто? – понизив голос, спросила Анна.

– Ну, она нам типа тетя... мамина старинная подруга. Вообще-то, ее зовут мисс Пенелопа Джилл, но мы всегда зовем ее Джилли.

– Только не вздумай ее однажды Пенелопой назвать! – со смехом пояснила миссис Линдсей. – Она это имя просто ненавидит, хотя я лично в толк не возьму почему. Должно быть, не в моде было во времена ее молодости! – И она пошла вверх по лестнице, потом оглянулась через

перила: – Остальные-то идут там, Дженни?

– Идут. Мы им покричали.

– Ну и хорошо. – Миссис Линдсей вновь улыбнулась Анне: – Оставайся у нас сколько хочешь. Твои домашние знают, куда ты пошла?

Анна помотала головой и застенчиво пробормотала: все, мол, в порядке, ей не нужно быть дома к какому-то определенному сроку.

– Тогда все отлично. – Миссис Линдсей нагнулась и подняла Роли, который следовал за ней как привязанный. – Пошли со мной, сердечко мое, – сказала она, крепко обнимая ребенка. – Джейн, как остальные явятся, позвони в колокольчик, хорошо? А то в последний момент займутся какой-нибудь забавой...

– Точно! – Джейн подбежала к двери и сняла с полки большой коровий колокольчик. – Анна, смотри какой! Нам вместе с домом достался! Раза в два больше обычного, верно? Его на середине залива слышно, так звенит! Эндрю вчера пробовал...

«Его на середине залива слышно, так звенит...» – Анне на миг показалось, что она где-то когда-то уже слышала эти слова. Где именно? Когда? Она пыталась вспомнить, но тщетно.

Джейн стояла у окна и с колокольчиком в руках смотрела на залив.

– Вот они!

Она позвонила. Через узкое боковое окно Анна увидела, как три отдаленные точки – темно-синие джинсовые пятнышки – бегом сорвались в сторону дома.

Глава двадцать шестая

Секрет Сциллы

Пятью минутами позже все они ввалились в длинную комнату с низким потолком, известную как «медвежий садик». Стенные полки в ней были заполнены книгами, игрушками, настольными играми, посередине стоял длинный стол, накрытый для чая.

Джейн принесла с кухни чайник и большой кувшин молока.

Присцилла, вбежавшая чуть раньше мальчишек, притащила стул для Анны и сама быстро уселась с нею рядом. Повернувшись к Анне, она улыбнулась ей. Ее глаза сияли.

Анна улыбнулась в ответ:

– Записку нашу нашла?

– Да, и поэтому прибежала.

Войдя в комнату, ребята сразу потянулись к пончикам и плюшкам, Джейн разлила чай и молоко. Все стали говорить разом, причем громко.

– Ты не жди, пока угостят, – сказал Эндрю. – Бери, что в рот просится, а то другие схватят! Просто чтобы наставить тебя на правильный путь, разреши предложить тебе пончик?

Под покровом общего шума Присцилла тихо сказала Анне:

– Я очень надеялась, что ты придешь чай пить! Я тебя так долго ждала...

– В самом деле? – обрадованно отозвалась Анна. – А почему не сказала?

– Я при всех не могла. – Сцилла быстро оглядела шумную компанию за столом. – Я тебя первая увидела, раньше всех. Еще из своей комнаты... – Она понизила голос и медленно добавила: – Ты ведь знаешь, где моя комната, правда?

– Ой! – Анна бросила на нее быстрый взгляд. – На самом верху, верно? На залив выходит?

– Да! В самом конце! – Присцилла с удовольствием и таинственно улыбнулась, впиваясь зубами в кусок булки с джемом. Потом добавила все тем же таинственным тоном: – Ты ведь не рассердилась, когда мы тебя поймали тогда? Ты сперва выглядела немного напуганной, я и подумала, а может, зря мы... Я тебя сама хотела поймать, без них. Думала, так будет веселее... Но конечно, Эндрю первым подоспел! Как всегда!

– Что это Эндрю, как всегда, поспел первым сделать? – крикнул Эндрю с того конца стола. – Вы там, хватит шептаться! Чтобы ты знала, Анна: Сцилла тебя своей личной собственностью назначила. Просто потому, что она о тебе историю сочинила, еще даже не познакомившись!

– Правда, что ли? – Анна повернулась к соседке. – Какую такую историю?

Присцилла улыбнулась и ничего не ответила.

– Она тебе хоть то тайное имя сказала? – спросил Эндрю.

– Скажи нам! – обрадовалась Джейн. – Что за имя?

Анна покачала головой:

– Я не знаю.

И с надеждой повернулась к Присцилле, но та явно не собиралась ничего говорить. Просто сидела, мечтая о чем-то очень приятном и тихо улыбаясь собственным мыслям. Отправляла в рот булочку за булочкой и, кажется, почти не замечала этого. Анна смотрела на нее с удивлением: из всех Линдсеев Сцилла была едва ли не самой тощей.

Сама Анна ела, пожалуй, больше, чем обычно в гостях. Она даже не помнила, доводилось ли ей когда-либо пить чай в чужом доме – и получать от этого искреннее удовольствие. Отсутствие миссис Линдсей все упрощало. Раз или два она заглядывала в комнату, но воспринимала присутствие Анны как что-то само собой разумеющееся – и та чувствовала себя почти как дома.

После чая все пошли в кухню мыть посуду. Анна крутилась среди новых друзей, пыталась хотя бы прикинуться, будто помогает, хотя понятия не имела, где что у них здесь лежит. Тут подбежала Сцилла и, сделав вид, будто вручает ей посудное полотенце, что-то быстро шепнула на ухо.

Анна озадаченно вслушалась, пригнулась пониже.

Сцилла вновь зашептала:

– Я оставила на берегу...

– Что? – ничего не понимая, переспросила Анна.

– Для тебя... я кое-что делала для тебя. Думала, ты там останешься, как всегда... найдешь, увидишь. Так хорошо получилось...

Анна пообещала:

– Завтра обязательно посмотрю.

– Завтра его там не будет, – сказала Сцилла. – Прилив смочет.

В ее глазах светилась надежда. Анна стала быстро соображать. Пока еще был отлив. Если не тратить времени даром, можно успеть взглянуть, что там такое, перед возвращением в коттедж Пеггов... Другое дело, уходить ей совсем не хотелось. Вот как-то так сразу...

– Можно, я взгляну по дороге домой? – спросила она.

Сцилла с готовностью кивнула.

– Что все-таки там такое? – с улыбкой спросила Анна.

Сцилла посмотрела на нее из-под ресниц и шепнула:

– Твое тайное имя!

И отскочила прежде, чем Анна успела спросить что-то еще. В течение следующего часа Анна все время ловила взгляды Присциллы, исполненные все того же тихого волнения. Она как будто владела неким секретом и предвкушала, как Анна разделит его с ней, когда будет готова. Больше в тот вечер они не разговаривали.

Анна оставалась с Линдсеями, пока Мэтта, а чуть позже и Сциллу не

услали наверх мыться, а миссис Линдсей не пришла убратся в комнате. Джейн тоже была наверху – что-то пела Роли; тот, часом ранее такой сонный, теперь никак не хотел спать. Анна помогла миссис Линдсей разложить игры по полкам. Эндрю, зевая, развалился в кресле у окна. Он смотрел на воду снаружи.

– Славно повеселились. – Миссис Линдсей улыбнулась Анне. – Пора домой, – сказала она ласково. – Вон наш Энди чуть со своего насеста не валится! Только смотри обязательно еще приходи. Как захочешь, так и приходи... и спасибо за помощь с уборкой!

Снова улыбнулась и вышла из комнаты, не дожидаясь ответа.

Анна нерешительно побрела следом, чувствуя себя неожиданно косноязычной. Выйдя в зал, она увидела, как миссис Линдсей возится в кухне. Сквозь приоткрытую дверь мелькала ее спина – женщина наводила порядок на кухонных полках и что-то напевала вполголоса. Анна помедлила, гадая, скоро ли она выйдет оттуда, потом выскользнула через боковую дверь, тихо прикрыла ее за собой – и побежала.

Ей никогда, никогда в жизни так не нравилось в чужом доме! Знать бы миссис Линдсей, как у Анны норовил отняться язык всякий раз, когда надо было сказать «Спасибо за гостеприимство!». Ей даже не дали возможности как следует попрощаться. Обойдясь без официальных прощаний, миссис Линдсей как бы оставила для нее дверь открытой – чтобы Анна вправду к ним заглядывала, когда только захочет.

Она пулей влетела в коттедж, сообщила удивленной миссис Пегг, что сейчас вернется, вновь выскочила за дверь и помчалась к морю.

Когда она добралась до пляжа, прилив уже наступал. В небе собрались облака, берег выглядел серым и уединенным – ничего общего с тем солнечным пляжем, где они днем играли в крикет. Нет, право, что за глупость – бежать сюда, чтобы прочесть нечто написанное маленькой девочкой на песке! Впрочем, Анне хотелось прийти. Сцилла ей нравилась. Нравилось то, что ей хотелось разделить с Анной свой секрет, пусть даже и детский...

Она подошла к самому краю воды и увидела то, что там находилось. Каждая буква была очень тщательно выложена ракушками и кусочками водорослей. На песке красовалось тайное имя: МАРНИ.

Глава двадцать седьмая

Откуда было знать Сцилле

– Но как ты узнала? – спросила Анна, не в силах справиться с изумлением. – Что заставило тебя подумать об этом имени, а не о каком-то другом?

Дело происходило на следующее утро. Они со Сциллой сидели наверху каменной лестницы под стеной Болотного Дома. Анна еле дождалась случая увидеться со Сциллой и поговорить.

– Так тебе понравилось? – жадно спросила девочка. – По-твоему, красиво вышло?

Анна повторила:

– Да... да, все замечательно. Но как ты узнала?

– Это я могу тебе рассказать. Сначала я была не очень уверена, все гадала... а потом, когда спросила тебя, знаешь ли ты, где моя комната, тут и убедилась. Ну, то есть я и так была уверена... ну, почти... просто есть вещи, которых я не понимаю. Я вот о чем... видишь? – Наклонившись

вперед, она указала на старое железное кольцо, торчавшее из стены. – Видишь, оно сломанное, все ржавое... Как к нему лодку было привязывать? А ведь другого тут нет! Ты ничем другим пользоваться не могла, я всюду искала!

– Я... я не понимаю! – Анна смотрела на нее в полном недоумении.

– Я к тому, что было совсем темно... ну, ночью на лодке, прикинь! Так ее же надо было к кольцу привязать?

Анна перебила:

– Сцилла, скажи наконец, откуда ты знаешь?

– Это все в книге, – шепнула девочка.

– В какой книге?

Присцилла огляделась, желая убедиться, что они вправду одни.

– Я ее в своей комнате нашла. Плотник снимал буфет со стены, потому что мне там настоящую маленькую гардеробную делают... а книга торчала в глубине полки. Мы как раз тогда только въехали, я захожу в комнату, а он книжку поднимает. Я ее себе и оставила. Это же моя комната, правильно? Значит, и секрет мой!

– Что за книжка? – в недоумении спросила Анна.

– Да просто старая тетрадка. На обложке написано «Марни», а внутри – типа дневник. Там на самом деле немного, потому что куча страниц выдрана, но я все равно кое-что поняла. Ну и сообразила, кто ты такая. Почему ты назвалась Анной?

– Потому, что это мое имя. А почему... с чего ты взяла, что я – это кто-то другой?

Лицо Сциллы омрачилось.

– Так ты не Марни? – прошептала она.

Анна смутилась, покачала головой:

– Нет. Нет, но...

Сцилла непонимающе смотрела на нее.

– Тогда почему ты вернулась? Что ты тут делаешь? – Ее глаза вдруг наполнились слезами горького и сердитого разочарования. – Я думала, ты – Марни! Уверена была, что ты – это она...

Сцилла выглядела такой расстроенной, что Анне захотелось утешить ее. Правда, ее собственные мысли пребывали в полном беспорядке, поди сообрази, что к чему.

– Ну ладно, – сказала Сцилла затем. – Если это не твое имя, почему ты узнала его? Спрашиваешь вот, откуда я знаю...

– Послушай, – медленно начала Анна. – Я думаю, никакой Марни на самом деле нету. Наверное, она была... ну, вроде как воображаемой

девочкой, которую я...

– Которую ты – что?

– Которую я выдумала когда-то. Просто потому, что мне было так одиноко. Я плохо помню, правда. Как-то все давно было... – Она помолчала, глядя на воду, подбирающуюся к нижним ступеням. – Хотела бы я вспомнить получше... – И она вновь повернулась к Сцилле. – Но ведь ты знала о ней! Вот дела, мы вроде как одно и то же навоображали!

Сцилла вскочила на ноги.

– погоди! Посиди здесь минутку, я тебе покажу!

И убежала в дом.

Вскоре она вернулась – вроде бы с пустыми руками, но Анна заметила, как она прижимает что-то под свитером. Глаза ее взволнованно сияли.

– Не хотела, чтобы кто-то увидел... Давай спустимся!

Они спустились ступенькой ниже и сели, прижавшись друг к другу, почти невидимые со стороны дома. Анне на мгновение показалось, что когда-то, давным-давно, она сидела на этой же ступеньке с кем-то другим... Потом она покосилась на Сциллу, и ощущение рассеялось.

– Вот! Смотри!

Сцилла вытащила книжку из-под свитера и положила Анне на колени. Это была тонкая, мягкая, потрепанная тетрадка в линялой серо-зеленой обложке. На лицевой стороне вправду красовалось имя: Марни.

– Давай, – сказала Сцилла. – Читай.

Анна раскрыла тетрадь и увидела, что та была наполовину исписана круглым детским почерком. Она прочла несколько строк:

Я бы хотела завести здесь подругу. Деревенские ребята иногда ходят на причал, прямо под мое окно, они едят лакричные палочки и рассказывают секреты. Я бы хотела выйти и поиграть с ними...

– Теперь вспомнила? – смеясь прямо ей в лицо, требовательно спросила Сцилла. – Ты же не могла все это написать и позабыть все до единого слова! А все равно здорово, если мы одно и то же навоображали! Ты ее выдумала, так? А теперь, если ты ее вправду забыла, получается, я о ней знаю больше тебя! Она такая смешная была...

Анна рассматривала тетрадку. Крутила ее в руках.

– Но я этого не писала, – сказала она. – Правда. Я и тетрадку эту раньше не видела.

– Не писала? Как же так, ты должна была. Ты, наверное, писала,

только давно, ты была маленькая, сунула на полку и позабыла...

– А как бы я попала наверх, чтобы в буфет ее спрятать?

Сцилла не сразу сумела закрыть рот. Потом спросила:

– Но ты разве здесь не жила?

– Нет. Никогда. – Девочки в полном изумлении уставились друг на друга. – А с чего ты взяла, что я тут жила?

Сцилла опустила лицо в ладони, пробежала пальцами по волосам, потом с озадаченным видом повернулась к Анне.

– Но я с самого начала думала, что ты тут жила! Погоди... Когда мы приехали, тут я тебя и заметила. Мы вылезали из машины, а ты убегала за ворота. Я и говорю остальным: смотрите, там девочка! Но никто из них тебя не увидел. Потом мы пошли внутрь, а там плотник шкафчик снимает. Ну и вытащил вот эту тетрадку. Мне сразу некогда было ее читать, я просто заглянула внутрь и решила, что это написал кто-то, кто тут жил до меня. И спрятала. А потом прочитала. Затем я тебя снова увидела. Ты всегда ходила по берегу или по болоту совсем одна. Я и подумала: эта девочка – точно как та, из книжки! Ходит сама по себе, ищет что-то за дюнами... Опять стала им говорить, а они мне: «Ты все выдумала!»

И Сцилла, замолчав, вновь пригладила волосы. Даже этот жест отдавал недоумением.

– Но я-то знала! – продолжала она. – Я же видела, как ты на окна поглядываешь! Особенно на мое! А они тебя в упор не видели! Потом я подметила, что своей лодки у тебя вроде как нет, а у девочки из книжки была. И кольцо совсем заржавело... и вообще... Ну, думаю, а может, ты вообще привидение? То-то тебя другие не видят... Ну я как-то и спрашиваю плотника: а вы не видели темноволосую девочку, очень загорелую, все время одна ходит? А он мне: а как же, заходила как раз в тот день, как вы прибыли. Я хотела знать зачем, но он не знал. Только сказал, ты расспрашивала о людях, которые раньше тут жили. Тогда я решила, что ты, по всему, Марни и есть! Даже подумала, а не за книжкой ли ты хотела вернуться. Но тот дядька сказал, что тебя Анной зовут. Я никак в толк взять не могла, что к чему, а потом решила – ты, верно, скрываешь, что раньше в этом доме жила. Я и не стала никому ничего говорить. И потом... – Сцилла помялась, – я же до конца уверена не была, настоящая ты или мерещишься!

Анна внимательно смотрела на нее.

– Но тетрадка-то настоящая, – сказала она. – И я ее не писала. Значит, Марни тоже не выдуманная. Это все написала она!

Глава двадцать восьмая

Книжка

Они сидели и вместе вникали в написанное. Бо́льшую его часть Присцилла успела выучить наизусть, но для Анны все было внове. Однако по мере чтения все делалось удивительно узнаваемым, словно история, слышанная когда-то, но с тех пор основательно подзабытая. Кое-что оживало в памяти с полнейшей ясностью, иное она вправду знала, об ином слышала, – поди отличи одно от другого...

30 мая.

Решила вести дневник! (Слово «дневник», первоначально написанное с ошибкой, было зачеркнуто и исправлено.) Никому его все равно не покажу, поэтому пускай будут помарки. Сегодня, например, ровно ничего не случилось!

31 мая.

Я бы хотела завести здесь подругу. Деревенские ребята иногда ходят на причал, прямо под мое окно, они едят лакричные палочки и рассказывают секреты. Я бы хотела выйти и поиграть с ними...

3 июня.

Как здорово! Сегодня я поехала на лодочке. Прямо в ночнушке! Был прилив и совсем темно. Мне понравилось! Поеду так еще! Все были на кухне и понятия не имели, что я выходила.

5 июня.

Сегодня приехали папа с мамой. Вот как повезло! Правда, мама уедет в понедельник, вместе с папой. Вот бы и меня взяли, но тут воздух лучше. Все равно повезло! Многим детям нечего есть, а в Бельгии дети просыпаются по ночам, потому что всюду стреляют и идет бой. А я Плутона боюсь! Какая я глупая!

Сцилла подняла голову от тетради.

– Правда странная девочка? Что она такое пишет про бельгийских детей? И кто такой Плутон? Имя как из мультфильма!

Анна медленно проговорила:

– Это пес был. Большой, черный... Так вроде бы она говорила. Может, у них был такой пес и она боялась его.

Сцилла с удивлением на нее посмотрела:

– Ну... ты, похоже, права. Это ты верно сообразила! Там, перед домом, вправду конура есть, большущая... Мэтт нашел ее под деревьями.

Они снова уткнулись в дневник и продолжили чтение.

8 июня.

Сегодня Нэн без конца расчесывала мне волосы. Это потому, что я одолжила ее шаль – девочку-нищенку нарядить, а она обнаружила. Я забыла ее на место убрать, а она нашла ее в лодке. Дура старая. Ей что, эта шаль каждый день нужна? Лили говорит, у нее просто зубы болят. Она шалью голову заматывает, когда спит.

– Видишь теперь, о чем я говорила? – спросила Сцилла. – Ну, одолжила она нищей девочке шаль, а расчесывание тут при чем? Странная она какая-то была...

10 июня.

Нэн жутко злая. Из-за вчерашнего она меня в комнате заперла. Я лодку привязывала, а сама в ночнушке была, и она меня застучала. Так что какое-то время по ночам я больше не выберусь.

12 июня.

Мисс К. больше не будет к нам приходить. Она говорит, у нее мама болеет, но, по-моему, ей просто надоело меня учить. Этти дала почитать комикс «Призрак в башне». Вот это жуть!

Июль, воскресенье. Ходила сегодня до самого конца пляжа. В дюнах сидели несколько семей. Я пряталась и наблюдала за ними. Они меня не видели. Они ели яйца вкрутую и пирожные с клубничным вареньем. Везет некоторым...

– Я сразу решила, это мы были, – сказала Сцилла, тыча пальцем в страницу. – Мы один раз брали с собой яйца вкрутую. Правда, таких пирожных у нас не было, но я все равно подумала, что ты про нас написала!

Анна молча покачала головой, продолжая читать.

Понедельник.

Я снова ходила на пляж, играла в следопыта. Пускай Нэн не говорит, что я все время под ногами путаюсь и возжусь со всякими разными! И вовсе я не возжусь, я просто за ними слежу. Сегодня я так тихо лежала в траве, что прилетел жаворонок и сел в гнездо прямо рядом со мной. Если раздобуду еще тетрадку – буду вести дневник о природе!

– Вот видишь? – сказала Сцилла. – Вот чем она все время занималась: гуляла там одна, никогда ни с кем, только и делала, что следила за другими людьми. То есть точно как ты! Сама по себе! А еще удивляешься, что я решила – это ты и есть!

9 июля.

Сегодня деревенские ребята снова приходили под окно. Они дразнили маленького мальчика с таким странным именем, Монетик, или Ватик, или как-то так. Они его довели до слез, потом один мальчик дал ему кулечек шербета, чтобы утешить, но он все съел вместе с кулечком, и они снова

стали его дразнить. Он был правда смешной, но мне стало его жалко.

11 июля.

Приехал Эдвард. Он останется на десять дней, так что теперь я не одна. Но он очень старший.

Четверг.

Ходили на пляж.

Пятница.

Мы построили в дюнах маленький домик из ломаных досок, которые прибило к берегу. Я сделала для него камышовую крышу. Это веселей, чем в одиночку строить дома и садики из песка.

Понедельник.

Ездили верхом с Эдвардом.

Вторник.

Эдвард хотел заставить меня разговаривать с П. Он сказал: если я боюсь, надо повернуться к страху лицом. Я пробовала, но он был весь страшный, лаял и бросался.

– Ага! – сказала Сцилла. – «П» – это, наверное, значит «Плутон»! Я и забыла, что тут так написано.

Анна молча кивнула, не отводя глаз от страницы. Дальше были вырванные страницы и в конце – последняя запись, без даты.

Эдвард хочет отвести меня на ветряную мельницу. Я ТУДА НЕ ПОЙДУ! И хватит меня насчет этого дразнить!

Анна подняла голову и уставилась на воду невидящим взглядом. Ветряная мельница... там-то и кончилась известная ей история... Или все было не так? Вот бы вспомнить! Покамест ей не хотелось ничего говорить Сцилле. Лучше она поразмыслит и попробует сама догадаться.

Она думала и думала, пытаясь связным образом выстроить обрывки своих воспоминаний о Марни, но мало что получалось. Она вроде помнила кое-что. Еще что-то всплыло, пока она читала тетрадку. Но стоило оторвать глаза от страницы, ощутить рядом с собой Сциллу, ее выжидающий взгляд... Анна вдруг сообразила. Наверное, когда-то она сочинила историю о воображаемой девочке по имени Марни, а теперь, по странному стечению

обстоятельств, оказалось, что в Болотном Доме вправду когда-то жила девочка с таким именем. И писала дневник.

И все равно не отпускало странное чувство, что она действительно знала эту девочку, разговаривала с ней... Так бывает, когда силишься вспомнить сон. Вспыхивали только разрозненные мгновения, да и то когда она думала о другом. Начинаешь вглядываться пристальней – а там пусто.

Анна повернулась к Присцилле, настроившись на реалистический лад, и уверенно проговорила:

– Ну ясно, по крайней мере, что я этого не писала. Еще мы выяснили, что здесь когда-то жила девочка по имени Марни. Понятия не имею, кто она на самом деле была! – И поднялась: – Смотри, прилив скоро ноги нам вымочит! Может, пойдем в дом, покажем дневник твоей маме?

Сцилла заколебалась.

– Вообще-то, это мой секрет был, – с сомнением начала она. – Причем долго... А впрочем, ладно! Давай ей покажем. Только не говори, что я тебя за Марни посчитала, хорошо? А то меня все задразнят, начнутся, знаешь, эти семейные шуточки, потом сто лет не отделаешься... Вот чего я точно не переживу!

Анна с самым серьезным видом замотала головой:

– Нет, это мы в тайне оставим. Просто расскажем, как ты тетрадку нашла, вот и все.

Анне в самом деле хотелось показать дневник Марни миссис Линдсей. А еще больше – использовать находку как предлог для того, чтобы снова попасть в дом. Миссис Линдсей, конечно, велела ей заходить, когда она пожелает, но как-то проще было зайти со Сциллой, причем по конкретному делу.

Девочки нашли миссис Линдсей наверху – она прибиралась в спальнях. Она приветствовала Анну, точно старого друга семьи.

– Будь умницей, сложи-ка вот это, – сказала она, бросая ей в руки полосатое одеяло. – Мэтт знай твердит, что не может жить без этого одеяла, а сам им не пользуется. Вечно нахожу его скомканным под кроватью!

Гордясь просьбой, Анна свернула одеяло. Пока миссис Линдсей приводила в порядок другую кровать, Сцилла поведала ей о найденном дневнике.

– Вот он, кстати, – сказала она, вытаскивая из-под свитера тетрадку. – Прочти, пожалуйста, мама. Прямо сейчас!

Миссис Линдсей взяла дневник, с любопытством повертела в руках, присела на постель Мэтта – и со всем вниманием принялась читать.

– В самом деле, интересная находка, – медленно проговорила она

затем. – Причем, как мне кажется, дневник достаточно старый. Всякие няни, гувернантки... У кого они теперь есть?

Сцилла переспросила:

– Гу... кто?

– Вот тут упомянута «мисс К.», которой вроде надоело учить нашу Марни. Думаю, это и была гувернантка. Знаете, мне вправду кажется, что лет прошло очень даже немало... – Она перевернула еще страницу. – А вот тут! Бельгийские дети! Это, знаете, похоже на Первую мировую войну. Слышали, наверное? С тысяча девятьсот четырнадцатого по восемнадцатый год?

Она взволнованно посмотрела на девочек.

– Вот что я вам скажу: думается, этой тетрадке лет пятьдесят! Какие вы умницы, что выбрали ее! – Миссис Линдсей смотрела на обеих, но Анна застенчиво пробормотала, что заслуга принадлежит не ей. – Ну, полагаю, ты как-нибудь да помогла делу! – Милая женщина, кажется, хотела непременно сделать ее частью происходившего. – В любом случае

эта тетрадка принадлежит вам обеим... кто бы ее ни нашел. Нет, что за история, подумать только!

Она вновь посмотрела на дневник.

– Бедный ребенок, что за одинокая жизнь у нее, наверное, была... Кто она, интересно бы знать? Где, говорите, вы тетрадку нашли? Пойдем, покажете мне.

Сцилла повела их по коридору. Так Анна впервые увидела изнутри маленькую комнату, некогда принадлежавшую Марни. Все здесь было заново выкрашено и оклеено обоями; Сцилла с гордостью показала маленькую гардеробную, занявшую место ликвидированного буфета. Все решительным образом изменилось с тех пор, когда Марни писала здесь свой дневник... Только вид за окном, должно быть, остался совершенно прежний. Анна пересекла комнату и выглянула наружу.

Внизу был причал. Полоса суши рядом с ним сокращалась на глазах – наступал прилив. Синий залив сверкал на утреннем солнце, а за ним мягким серовато-зеленым, лиловым и розовым одеялом лежало прибрежное болото. Вдалеке мелькали две маленькие фигурки – ребята прыгали через ручьи. Несмотря на расстояние, Анна их тотчас же узнала.

– Смотрите, там Эндрю и Мэтт!

Миссис Линдсей присоединилась к ней у окна.

– Да, они пошли половить камбалу, а теперь обратно бегут, – сказала она. – Только вовремя не успели. И о чем только думали? Придется им через залив плыть! – Она помолчала, опираясь о подоконник, глядя на болото, дюны и море за ними. – Как далеко видно отсюда! Каждый раз удивляюсь... Та девочка, верно, здесь часами сидела, глядя через болото. И уж точно видела всех и каждого, кто там ходил!

– И я точно так же всех вижу, – сказала Сцилла. – Я и Анну так впервые увидела. Ну, может, не впервые...

– А вон Многоватик! – Анна указала на мужской силуэт, ссутулившийся на корме лодки в заливе.

Отсюда лодка выглядела игрушечной.

– Кто? Где? – Сцилла протолкалась к окну. – Это ты про того смешного старого рыбака, который туда-сюда ездит на лодке?

– погоди, как ты его назвала? – спросила миссис Линдсей. – Ты сказала – Монетоватик?

– Нет, я сказала «Мно...» – Анна так и замерла с открытым ртом. – Ой! Тот маленький мальчик, которого дразнили! Это же и был Многоватик! Который шербет... вместе с кульком... Ой, мамочки!

Несколько мгновений она не знала, плакать или смеяться. Ну конечно

же, Многоватик что-то именно такое и отмочил бы, пока маленьким был... только она до сих пор никогда не пыталась вообразить его маленьким. А ведь был, и его дразнили, и он плакал... бедный...

Глаза вдруг наполнились слезами. Анна поспешно смахнула их, пока никто не увидел.

– Ну конечно! – говорила между тем миссис Линдсей. – Вот вам и доказательство. Дневник написан целых полвека назад... а если судить по внешности бедного рыболова, может, и больше, с этим сельским народом иной раз поди разбери... Надо будет Джилли расспросить, когда придет. Она, я думаю, нам на все вопросы ответит!

Глава двадцать девятая

Разговоры о лодках

– А почему Джилли знает ответы на все вопросы? – спросила Анна, когда они со Сциллой спустились с верхнего этажа.

– Потому что она в детстве сюда приезжала. Ты разве не знала? Нет, в этом доме она не жила, но запросто могла быть знакома с людьми, которые жили. Это ведь она сказала нам, что дом продается. Мама написала ей, что мы подыскиваем что-нибудь рядом с морем, ну она и предложила нам Болотный Дом посмотреть... Родители нас привезли сюда на Пасху. Вот так мы тут и оказались. Надо, чтобы ты заглянула, когда Джилли придет. Она тебе понравится!

– А откуда она знала, что дом продается?

– Она в Барнэм до сих пор иногда приезжает. Там, наверное, и слышала... Кстати, в следующий раз, когда придет, она у нас поживет. Вот это здорово! Мама все время чистоту наводит и красоту. А то так и лето кончится!

Они добрались до боковой двери и застыли на пороге, глядя, как блестит под солнцем вода. Вдоль дальнего берега залива двигалась лодка Многоватика. Эндрю и Мэтью с надеждой переминались у края воды.

– Ну и хорошо, – сказала Анна. – Он их перевезет. – И задумалась, предупредил ли их кто, что Многоватик ужасно не любит, когда с ним заговаривают. – Мне пора, – с сожалением добавила она, посмотрев на часы. – Я миссис Пегг обещала овощи приготовить.

– Тебе правда надо идти? – огорчилась Присцилла. – Сейчас мальчишки вернутся. Мы бы куда-нибудь пошли, занялись чем-нибудь интересным... Джейн в магазин только ушла... Знаешь что? Возвращайся скорее!

И Анна в самом деле вернулась. В тот же день к вечеру, и завтра, и послезавтра... Она каждый день ходила к Линдсеям, так что миссис Пегг в шутку даже предложила ей перенести туда свою кровать, чтобы взад-вперед не мотаться. Впрочем, говоря так, она подмигивала Сэму, и было ясно: вид Анны, счастливой и оживленной, очень ее радовал. Сэм, со своей стороны, назвал ее славной девочкой и заявил, что, конечно, от нее двух слов не дождешься, но в целом она ему нравится куда как больше Сандры с угла. Характер должен быть живым, вот оно что!

А живости Анне в те дни очень даже хватало, с этим никто спорить не стал бы.

Иногда по утрам она вставала и одевалась даже раньше, чем миссис Пегг, а несколько раз появлялась в Болотном Доме еще прежде, чем Линдсеи заканчивали завтрак. Однажды утром она с удивлением заметила, что с ними за столом сидит незнакомый мужчина. Удивление переросло в изумление, когда незнакомец оказался не кто иной, как мистер Линдсей. Она и забыла, что глава семьи вроде как должен иногда появляться по выходным.

Линдсеи в свою очередь с удивлением наблюдали за Анной, внезапно смутившейся и притихшей.

– Ой, с ума сойти, я же тебя с папой не познакомила! – воскликнула Джейн. – Папа, это Анна!

– погоди! – Мэтью оглянулся на отца. – Ты что, правда до сих пор Анну не знаешь? Она же у нас почти поселилась!

– Анна, ты его не слушай, – сказал Эндрю. – И уж бояться тебе точно нечего. Это просто наш папа!

Мистер Линдсей пожал руку девочке и улыбнулся:

– Не очень понял, кого ты должна не слушать, меня или Мэтью, но если меня, так и что с того? Как поживаешь, Анна? Садись с нами,

попробуй повидло... Тебе какое нравится – которое мажется или поплотней?

– Которое мажется... наверное, – ответила Анна, еще не совсем оправившись от неожиданности.

– А мне – которое режется! – Мистер Линдсей вновь уселся, положил себе повидла на хлеб, потом отрезал кусочек и протянул Анне. – Вот, попробуй, – сказал он с самым серьезным видом. – Это повидло... ну очень плотное, его, знаешь ли, варила моя жена. Если понравится – ешь еще, если не понравится, выплюнешь, когда я отвернусь, и намазывай другое. То, которое мажется, во-он там стоит... Не возражаешь, если я почитаю газету?

– Нет, конечно... Читайте, пожалуйста!

И мистер Линдсей вновь исчез за газетой. Анна испытала невольное облегчение, но глава семьи ей понравился. С каким непроницаемым видом он рассуждал о повидле! И о том, что его вроде как собирались не слушать, но он нисколько не возражает! По сути, ему вроде даже нравилось, чтобы его замечали поменьше. Приятно иметь дело с человеком, который сразу объясняет тебе, кто он такой и как к нему относиться.

– Так вот, – сказал Мэтью, – что касается лодок...

– Вот-вот! – обрадовалась Сцилла. – Расскажи Анне!

И они принялись рассказывать все хором. Оказывается, они собирались завести себе лодку. Они ее очень хотели. Она была им ужасно нужна. Небось Марни держала лодку, привязывала ее к кольцу в стене... Дневник успели прочесть все Линдсей, в доме только и разговоров было что о Марни. Старое кольцо, правда, совсем проржавело, но ведь легко можно новое поставить? Надо же, в самом деле, к чему-то лодку привязывать?

Вопрос был только в одном – какую именно лодку.

– Папа говорит – парусную, – объяснил Эндрю, – и я с ним согласен. Но мама говорит – моторную, а девочкам подавай простенькое гребное корыто, чтобы болтаться в нем около берега. А ты как думаешь?

В лодках Анна не разбиралась совершенно. Она и знала-то лишь одну, ту, на которой ходил Многоватик. Однако участвовать в семейном совете оказалось неожиданно приятно. И только когда Эндрю ушел наверх за каталогом, а остальные переместились на кухню вслед за миссис Линдсей, мывшей посуду, девочка сообразила, что и мистер Линдсей был по-прежнему здесь.

Тут он вдруг высунулся из-за газеты.

– Ау! – сказал он. – Куда все подевались?

– Посуду мыть помогают, – ответила Анна.

– Я так и подумал. Сижу гадаю, почему вдруг тишина... Так ты выплюнула то повидло?

Анна засмеялась:

– Повидло? Да нет, мне очень понравилось.

Он кивнул с одобрением.

– Небось говорили о покупке лодки?

– Да.

– Вот что забавно, – сказал он, поблескивая глазами. – У них ведь уже есть лодочка, только они об этом не догадываются. Не знаю, правда, много ли с нее будет толку... Ты-то ее уже нашла?

– Нет! А где она?

– Посмотри в кустах, у того места, где стена подходит к причалу, за сарайчиком... Ничего особенного, но тебя может заинтересовать. – Мистер Линдсей встал и сложил газету. – Ну, пойду свои книги проведаю. Сорок миллионов штук, и все надо прочитать, а потом расставить... Пока-пока – и доброй охоты!

Анна вышла наружу. Миновала дальний конец стены, перебралась на внутреннюю сторону живой изгороди и вышла туда, где когда-то кончался хозяйственный двор. Вот и сарайчик, тыльной стороной примыкавший к кустам... Анна обошла его и стала вглядываться в зеленую темноту, раздвигая ветви руками.

Скоро она увидела лодку.

Та стояла почти на ровном киле – ее удерживали и подпирали разросшиеся кусты, скрывавшие суденышко от постороннего взгляда. Маленькая весельная лодка, старая, подгнившая, вся в щелях... Анна продралась через кусты, наклонилась, сунула руку внутрь... Пальцы нашарили что-то твердое: железный прут или что-то наподобие того. Анна потянула к себе, отводя и ломая тонкие ветки. Она в кровь ободрала себе руку, но все-таки рассмотрела неожиданную добычу. Обломок кораблекрушения, и так можно сказать.

Это был маленький якорь, ржавый и почерневший от времени...
– Ну как? Нашла что-нибудь? – спросил мистер Линдсей, когда они снова встретились в тот же день.

Линдсеи пили чай на террасе, и Анна, по обыкновению, была с ними. Она с воодушевлением кивнула:

– Еще как нашла!

Остальные с любопытством к ней повернулись.

– И как оно тебе? Интересно?

– Очень!

– А они знают? Ты им сказала?

– Нет еще, – улыбнулась Анна.

– Эй, о чем все говорят? – возмутился Эндрю. – Что за тайны?

– Папа, расскажи! – потребовал Мэтью.

– Расскажи! – взмолились Джейн и Присцилла.

– Расскажем? – обратился к Анне мистер Линдсей. – Да? Тогда вперед! А еще лучше – давай их отведем, пускай сами посмотрят!

Все пошли туда, где лежала спрятанная лодка. Мистер Линдсей раздвинул кусты, все по очереди стали заглядывать в чащу.

– Ого! Вот что я пропустил! – огорчился Мэтью.

Обычно это он все всегда находил первым.

Эндрю заметил с видом знатока, что «лодочка, похоже, была быстроходная». Джейн просто смотрела как зачарованная, Сцилла – чуть не с благоговением.

– Лодочка Марни, – повторяла она.

– Как думаете, есть там что-нибудь внутри? – спросил Мэтью.

– Сам посмотри, – отозвался отец.

Мэтью пошарил и покачал головой. Его сменил Эндрю. Потом сам мистер Линдсей. Они ничего не нашли.

– Если это впрямь лодка Марни, значит она старая-престарая, – заявил Эндрю. – Хотя, если подумать, чего еще ждать! Интересно, сколько лет она вот так в кустах провалялась?

Помалкивала только Анна. Никто в жизни не догадается, что там еще и якорь лежал. И не пригодится он никому, точно. Она сама не знала, на что он ей до такой степени понадобился, – просто, когда она его выволокла из кустов и рассмотрела как следует, стало ясно, что никакую другую вещь в жизни своей она так не хотела оставить себе.

Теперь якорек лежал в тайном месте. Анна перенесла его туда, замаскировав чем под руку попало. Вот удивилась бы миссис Пегг, узнав, какое применение нашел ее мешок для грязного белья!

Глава тридцатая

Письмо от миссис Престон

Неделей позже почтальон вручил Анне письмо от миссис Престон.

Вид знакомого почерка вызвал у девочки острое чувство вины. За последнюю неделю или две в ее жизни произошло столько всякого разного, что она даже открытку домой забыла послать!

Взять хотя бы находку лодочки Марни. Потом – масса восторгов по поводу парусной шлюпки, которую пообещал купить мистер Линдсей. А

еще – поездка в Уэллс-при-Море, где всем, не исключая и Анны, купили спасательные жилеты, и все ели рыбу с ломтиками жареной картошки – ели прямо на причале, болтая ногами над водой...

Как-то даже непривычно было снова ходить по магазинам. В обществе Джейн и Сциллы Анна бродила по большому торговому центру, поражаясь обилию вещей, выставленных на продажу, – и без которых она великолепно обходилась все долгие недели, прожитые в Литл-Овертоне...

Они все вместе вышли из магазина, разговаривая и смеясь... а там, на выходе, стояла не кто иная, как Сандра Стаббс, и тарасилась на Анну, раскрыв от изумления рот.

Анна сперва хотела прикинуться, будто не заметила ее, но потом вдруг передумала и поздоровалась:

– Привет, Сандра! – как будто они были давними подругами.

Сандра неловко захлопнула рот и что-то невнятно пробурчала в ответ.

И вот теперь Анна с письмом в руке стояла во дворе Пеггов, а на сердце почему-то делалось все тревожней. Девочка нахмурилась, сощурила глаза от яркого солнца и стала читать:

Звонила мисс Хеннэй. Твое отсутствие ее обеспокоило. Она, оказывается, не знала о твоём отъезде. Она говорит, я поступила неправильно, кое о чем не рассказав тебе раньше...

(О деньгах, поняла Анна. Да знаю я, знаю!)

В любом случае я буду рада снова повидаться с тобой. Я должна еще многое рассказать тебе, дорогая, а лицом к лицу это как-то проще, чем в письме. Я, наверное, прибуду к вам в следующий четверг. Есть недорогая однодневная экскурсия, которая даст мне возможность заглянуть около 12:30. Прилагаю открытку, чтобы ты сообщила, подходит ли такое время. Дома все хорошо. Рэймонд приезжал на выходные. Передает тебе большой привет. И дядя тоже кланяется. Жду скорой встречи.

С горячей любовью – твоя тетушка

Анна присмотрелась к непривычному «горячей» в последней строке. Сунула письмо в карман и зашагала по направлению к Болотному Дому, раздумывая на ходу.

Довольно глупо со стороны миссис Престон тащиться в такую даль только затем, дабы сообщить ей о том, что она и так знала. Может, так ей и написать? «Дорогая тетушка, я все знаю про деньги. Давным-давно знаю, так что не беспокойтесь...» Анна вдруг здорово рассердилась на мисс Хеннэй, из-за которой миссис Престон чувствовала себя виноватой. «Она говорит, я поступила неправильно...» – да какое право имела эта мисс Хеннэй в чем-то упрекать тетушку? «А вы скажите ей, чтобы поменьше лезла не в свое дело!»

Нет, так не пойдет. А еще все будет выглядеть так, точно Анна не хочет видеть миссис Престон. На самом деле ей хотелось... ну, в некотором смысле. Кроме того, тетушка все равно ведь приедет.

Анна свернула за угол и бегом одолела подъездную дорожку Болотного Дома.

Линдсеи приветствовали ее с обычной теплотой. Их домашняя жизнь казалась Анне сплошным приключением. Все было суший восторг. Лодку уже заказали, сегодня вечером приедет папа, так что вечером всей толпой – на залив! Не подкачал и прогноз: снова обещали жару. А самая потрясная новость – на следующей неделе подгребет Джилли. И будет с ними целых два дня и две ночи! Миссис Линдсей только утром повесила в гостевой комнате занавески – а тут и письмо. Все одно к одному, правда?

Анна слушала их, и ее собственные мелкие заботы развеивались, как туман над болотом.

– Джилли тебе понравится, – пообещала Джейн.

– Она ту картину в зале нарисовала, чтобы ты знала, – добавила Сцилла.

– Вот-вот, она же художница, – подтвердил Мэтью. – И все на свете знает про Литл-Овертон. Даже про те времена, когда большие корабли грузились прямо здесь, у причала. Ее папа был тогда молодым...

– Сама она, если честно, довольно старая, – заметила Джейн.

– Она правда очень милая, – сказала миссис Линдсей. – Обязательно появись к ее приезду, Анна! – И улыбнулась девочке: – Ну что мы за семейство такое, все о себе да о себе! Мы же тебя со вчерашнего вечера не видали. Ну-ка, что у тебя новенького? Вижу, письмецо из кармана торчит?

– Да, это от тетушки... – Анна немного замялась. – Похоже, она меня проведать приедет.

– Вот это славно! А когда?

– В четверг.

– В четверг? Вот как? – Миссис Линдсей задумалась. – Какая жалость, ведь тогда же и наша Джилли приедет. А я бы так хотела познакомиться с

твоей тетей...

– Мам, но ведь Джилли приедет хорошо если к чаю, – подала голос Джейн. – Она что-то говорила про шесть часов!

– И правда! – Миссис Линдсей снова повернулась к Анне. – Обязательно приводи ее к нам, как только приедет! Как по-твоему, она не откажется с нами чаю попить? Сядем пораньше, если Джилли будет к шести...

– Ей по-всякому до вечера придется уехать, – с сомнением проговорила Анна. – Будет ловить автобус, который в пять тридцать на станцию...

– Может, я ей напишу и спрошу? – предложила миссис Линдсей. – Как ты думаешь, она захочет нас посетить?

Анна поразмыслила и решила, что, наверное, захочет.

Сначала она не могла даже вообразить миссис Престон входящей в Болотный Дом, но чем больше она думала об этом, тем больше ей хотелось привести ее сюда. Пусть познакомится с Линдсеями. Анне очень хотелось увидеть тетушку в кругу этой семьи. Пусть два ее мира сойдутся вместе – ну хотя бы на час!

А еще где-то на заднем плане таилась мысль, которую Анна покамест не позволяла себе рассматривать всерьез. Ее здешние каникулы ведь не навсегда. Стоял уже август; вслух ни о чем еще не говорится, но Анна понимала, что к началу учебного года ей придется уехать. Вот если уже дома она сможет говорить о Линдсеях, да так, чтобы тетушка конкретно представляла себе, о ком идет речь, – это совсем другое дело было бы! В общем, обязательно надо будет миссис Престон сюда привести.

Осталось только все подгадать. Пусть миссис Линдсей напишет отдельное письмо в Лондон. Анна отправила свою открытку, добавив как бы между прочим, почти припиской: *Кстати, нас пригласили в гости на чай. Она тебе сама напишет.*

Глава тридцать первая

Миссис Престон идет в гости

К четвергу Анна уже сама не знала, правильно ли поступила, решив принять приглашение. Что, если миссис Престон поддастся очередному приступу беспокойства... или наденет ту коричневую шляпку, которую Анна терпеть не могла? Девочка топталась на остановке, нетерпеливо ожидая автобуса. И испытала ни с чем не сравнимое облегчение, когда миссис Престон вышла из него в новенькой соломенной шляпке, которой Анна на ней даже еще не видела.

– Ой, тетушка, какая славная шляпка!

– Тебе правда нравится? Думаешь, пойдет? – У миссис Престон тоже явно отлегло от сердца. – Ты мне, милая, вот что скажи... погоди чуток, я только со всеми поздороваюсь... Ты мне только скажи, кто они, эти люди? Я такое чудесное письмо получила... Ах, вот и ты, Сьюзан! И Сэм! Дорогие мои, как поживаете?

О Линдсеях ей было во всех подробностях рассказано за обедом. К

своему удивлению, Анна обнаружила, что миссис Пегг знала о них не меньше, чем она сама, а может, и побольше. И мисс Мандерс с почты все о них знала. Их все считали очень милым семейством. Лондонцы, но не из тех, кого ни в одной деревне не любят. Тихие, спокойные люди. Она – сущее очарование. И дети прелестные. Не будь они именно таковыми, миссис Пегг, конечно, нипочем не позволила бы Анне без конца у них пропадать. Об этом прямо не говорилось, это подразумевалось. Маленькой затворнице определенно нужно было общество. Только посмотрите, как она преобразилась!

Миссис Престон соглашалась, что именно так оно и есть. Ей уже не терпелось увидиться с миссис Линдсей и поблагодарить ее за доброту к Анне.

Тем не менее, когда приблизилось время идти в гости, она вдруг занервничала.

– Я хотела переговорить с тобой кое о чем, – сказала она Анне, когда они ушли наверх переодеваться для похода в Болотный Дом. – Только прямо сейчас, пожалуй, не время. Может быть, пораньше оттуда уйдем?

– Хорошо, – очень неохотно согласилась девочка.

– Давай немножко прогуляемся? Просто вдвоем, ты и я.

– Хорошо...

Миссис Престон посмотрела на свое отражение в зеркале. Дрожащими пальцами убрала под шляпку выбившиеся пряди волос. Потом повернулась к Анне, склонила голову набок:

– Как я выгляжу, дорогая?

Анна чуть придвинулась к ней:

– Хорошо выглядите, тетушка. Просто прекрасно.

И неуклюже отступила. Вот бы тетя прекратила все время так беспокоиться! Поневоле вспомнилось ровное дружелюбие миссис Линдсей.

– Просто прекрасно, – повторила Анна. – Вам не о чем волноваться. Там не надо все время кланяться или на краешке стула сидеть. – Она старалась говорить как бы между прочим. – Скажете им просто «Привет!» – они обрадуются. Миссис Линдсей сама всегда так говорит.

Миссис Престон только встревожилась еще больше:

– Но, дорогая моя, я всегда говорю: «Здравствуйте. Как поживаете?» Они удивятся и решат, что я невежа... что я им грублю...

Анна нахмурилась. Что бы она ни сказала, это лишь усиливало беспокойство миссис Престон. Наверное, лучше пока ей не рассказывать о «медвежьем садике» и о том, что по-лондонски чопорного чаепития ей лучше не ждать. От этого она совсем с ума сойдет. Анна нерешительно

тронула тетушку за руку:

– Да все будет хорошо. Вы их ничем не обидите.

– Ну... Я на это очень надеюсь... – Миссис Престон явно терзалась ужасными сомнениями, но все-таки нашла в себе силы для благодарной улыбки. – Пойдем прямо сейчас, дорогая? Она ведь говорила – в половине четвертого?

– Да, но торопиться вовсе не обязательно. В смысле, они там за пунктуальностью не очень гонятся. Так что вы не спешите. Им без разницы, когда мы подойдем. – И Анна направилась к двери, отчаянно пытаясь сохранить небрежный тон. – Впрочем, если хотите, мы можем...

И они вышли из дому.

Миссис Линдсей сама открыла им дверь. Она сменила обычный толстый свитер и шлепанцы на изящный джемпер и юбку и с широкой теплой улыбкой приветствовала гостей:

– Здравствуйте! Как поживаете? – Она протянула руку миссис Престон. – Я так рада, что вы сумели к нам заглянуть! Входите же скорее! Привет, Анна. Какая неожиданность – ты снова у нас!

Анна застенчиво улыбнулась. Миссис Престон бросила на девочку удивленный взгляд, как бы извиняясь за нее, и пожала руку миссис Линдсей.

– Я решила сегодня устроить чай внутри, там будет уютней. – Миссис Линдсей провела их обеих в гостиную. – Анна, если хочет, может пойти в «медвежий садик» с остальными детьми. А мне так приятно будет ненадолго вернуться к цивилизованному образу жизни!

На лестнице послышался внезапный грохот, вниз скатились две стальные трубы от пылесоса, а следом – Мэтью, Эндрю, Джейн и Присцилла. При виде миссис Престон они так и замерли, только кто-то тихо пискнул от ужаса.

– Эй, что происходит?

Мэтью пустился в объяснения, что они, дескать, придумали новый и быстрый способ спускать предметы (а ведь, между прочим, это она забыла трубы от пылесоса наверху). Миссис Линдсей только отмахнулась и сказала:

– Идите-ка все сюда и вежливо поздоровайтесь с миссис Престон! Ай, Роли-Поли, во что ты вляпался? – Малыш Роли на четвереньках выполз из гостиной, весь перемазанный вареньем. – Джейн, будь умницей, тащи его скорей в кухню умыться... Хотя нет, я уж лучше сама! – Живо подхватила младшенького и обернулась к миссис Престон: – Вы уж простите меня, я сейчас. Нет-нет, беспокоиться не о чем, это просто

варенье!

И она скрылась в кухне. Анна собрала пылесосные трубы, а дети Линдсеев по очереди чинно пожали руку миссис Престон.

– Мы весь день только и бегали туда-сюда, прибирались, – сказал Мэтью, с интересом разглядывая гостью. – Нет, не только ради вас, – добавил он по зрелом размышлении. – Мы еще кое-кого ждем.

– А вот и нет: ради вас! – поспешно возразила Джейн, наградив брата укоризненным взглядом.

– Ну ладно, пусть будет так, – согласился Мэтью. – Но вы же ведь не останетесь ночевать? – Миссис Престон, кажется, пришла в полное недоумение, а он продолжал: – Надеюсь, в доме всяко-разно стало почище! Мы все уж как забегались!

– Не глупи, – сказал Эндрю. – Она все равно не видела, на что тут раньше было похоже, так откуда ей разницу ощутить?

– Мне кажется, здесь красиво и очень опрятно, – нервно озираясь, ответила миссис Престон. – Прелестный дом, не правда ли, Анна?

Анна кивнула, чувствуя себя очень несчастной.

– Нет, вы бы видели, что тут утром творилось! – гнул свое Мэтью. – А несколько недель назад вовсе кавардак был! Моя кровать стояла вон там! – И он с гордостью указал в угол зала. – Эндрю как-то вечером позабыл, что она там стоит, и полетел кувырком, а в руках у него мусорное ведро было! Мы думали, здесь до скончания веков пахнуть будет...

– Как прошла поездка? – быстро перебила Джейн. – Вы не устали?

Миссис Престон испытала явное облегчение.

– Ни в коем случае, спасибо большое. Замечательное путешествие... И твоя мама проявила большую доброту, пригласив меня в гости.

– Мы в самом деле рады познакомиться с вами, – заверила Джейн.

– Мы очень хотели, – добавила Сцилла.

– Мы никак вообразить вас себе не могли, – сказал Мэтью.

Эндрю дал ему пинка. Мэтью недоуменно оглянулся.

– Что ж, теперь я перед вами, – нервно засмеялась миссис Престон. Поправила шляпку и в явном отчаянии покосилась на Анну.

– Точно, – подтвердил Мэтью, но Анна с облегчением увидела, что он уже расплылся в обычной своей дружелюбной улыбке.

Торопливо вернулась миссис Линдсей.

– Вы уж простите меня. Джейн, присмотришь за Роли, хорошо? А теперь давайте-ка, брысь все отсюда. И не гляди с таким разочарованным видом, Мэтт! У вас там все то же самое на столе!

– Мерengi? – заулыбался мальчишка.

– Да. – Миссис Линдсей кивнула. – Брысь, я сказала!

Мэтью умчался, остальные за ним.

– Так у вас пятеро! – услышала Анна из гостиной голос миссис Престон. – Какая вы счастливая...

И ответ миссис Линдсей:

– Вам тоже повезло. Она прелесть! Мы все ее...

На этом дверь гостиной закрылась.

Анна пошла за остальными в «медвежий садик». Голова ощутимо кружилась от изумления и радости, что все прошло так легко.

Глава тридцать вторая

Неожиданное признание

– Вы, наверное, детей почти не рассмотрели? – спросила Анна, пока они с миссис Престон шли к автобусной остановке.

– Правда, – как-то рассеянно и немного огорченно ответила тетушка.

Анна искоса на нее посмотрела. Ей хотелось, чтобы та без подсказок с ее стороны как-то высказалась о Линдсеях, но молчание затягивалось, и Анна не выдержала:

– Жалко, что вы в гостиной почти все время сидели. С нами бы вам больше понравилось. Но и она тоже очень, очень славная!

Миссис Престон удивленно посмотрела на нее:

– Кто – миссис Линдсей? Да, дорогая, она и мне показалась очень милой женщиной. Она очень хорошо о тебе отзывалась. И дети, по-моему, хорошие... Кто из девочек, говоришь, тебе особенно нравится?

– Я же показывала... – Анна вздохнула. – Тетушка, в чем дело, а? Вам у них совсем не понравилось?

– Нет, что ты! Не в том дело... – Миссис Престон прокашлялась, словно собираясь произнести загодя приготовленную речь, потом начала: – Помнишь, мне надо было переговорить с тобой, дорогая? Боюсь, я не все тебе рассказала, что должна бы... и мисс Хеннэй говорит, следовало бы... то есть она думает, что, возможно, ты уже знаешь... Дело в том, что совет каждые две недели присылает нам чек, чтобы помочь с твоим содержанием. Это всего лишь их вклад, ты же понимаешь... таков заведенный порядок. Я просто хочу, чтобы ты знала... мы с твоим дядей вовсе не отказались бы сами оплачивать все твои нужды... хотя и чек нам очень кстати... теперь-то я понимаю, что нужно было все это тебе рассказать. – Она перевела дух и с сожалением добавила: – Я просто надеялась, что, может быть, лучше с тобой об этом вовсе не заговаривать.

– Почему? – спросила Анна.

– Наверное, я боялась, как бы ты не подумала, что мы мало любим тебя. Пойми, есть этот чек или нет – наша к тебе любовь от этого ничуть не меняется. Ты же веришь мне, правда?

У Анны свалился тяжеленный камень с души.

– Все равно лучше бы вы мне раньше сказали.

– Да, я понимаю, так было бы лучше... А теперь вот и миссис Линдсей советует мне подробнее рассказать тебе о твоём происхождении. Я, в общем-то, знаю очень немного, да и то долго пыталась забыть... – Она как-то беспомощно покачала головой и запнулась, но скоро вновь обрела самообладание. – Знаешь, я же пыталась... Пыталась рассказать тебе о твоей родне – о матери, о бабушке... Только ты слушать не хотела. Ты всегда отворачивалась, как будто тебе было неинтересно.

«Знаю, – подумала Анна. – Это потому, что я на них злилась. Знать бы еще почему... В конце-то концов, не их это вина, что они умерли...»

Она прислушалась к себе и с изумлением поняла, что прежнее отторжение куда-то подевалось. Ощущение было такое, словно она, совсем даже об этом не думая, в какой-то момент их всех простила.

– Наверное, я делала это не так настойчиво, как нужно было, –

продолжала миссис Престон. – Понимаешь, мне так хотелось самой почувствовать себя твоей матерью... Я всегда надеялась, что мы однажды подружмся...

– Тетушка! А правда, давай дружить! – И Анна взяла ее под руку; оказывается, она успела достаточно вырасти для этого. – Я знаю, я ужасно себя вела. Может, и опять что-нибудь выкину... Но я вас честно люблю!

Миссис Престон погладила руку, лежавшую на ее рукаве. Ее голос слегка дрогнул:

– И я тебя очень люблю, дорогая. С тех пор, когда ты еще малышкой была... – Она выпрямилась и промокнула глаза. – Как ты выросла! Я рядом с тобой каким-то крючком себя чувствовать начинаю!

Анна изо всех сил старалась идти с ней в ногу.

– А о чем вы с миссис Линдсей столько времени говорили?

Миссис Престон улыбнулась:

– Ну, о многом. Право, голова кругом идет... Знаешь, кое-что тебя, наверное, порадует. Она спросила меня, не позволю ли я тебе пожить у них, прежде чем в Лондон уезжать... Ты не против была бы?

– Я? Ой, тетя! – Анна чуть не бросилась ей в объятия.

Она чувствовала себя небывало счастливой.

Между тем они подошли к автобусной остановке. Миссис Престон посмотрела на часы.

– Хочу сказать тебе еще кое-что... – начала она, нервно поглядывая на дорогу: не идет ли автобус.

– Это о моих родных? – вдруг спросила Анна.

– Да... именно о них, милая. Правда, боюсь, мне особо нечего тебе рассказать... – Она осеклась: автобус вырулил из-за угла. – Сейчас некогда, – торопливо продолжала миссис Престон. – Ты миссис Линдсей расспроси. Мы долго с ней говорили... – Она поцеловала Анну и с неожиданной гордостью на нее посмотрела: – Она в самом деле очень хорошо о тебе отзывалась!

– Правда? А как?

– Ну, что ты честная и прямая, всегда готова помочь... Я так гордилась тобой! – Автобус подкатил к остановке, и она заспешила: – Что ж, до свидания, милая. Как-то мало времени было... Я тебе напишу!

И она забралась внутрь. Потом, пока водитель разговаривал с кем-то в салоне, миссис Престон подозвала Анну к окну:

– Дядя вплотную занимается твоей комнатой, – шепнула она. – Готовит приятный сюрприз! Мне бы надо держать язык за зубами, но он там красит, обои клеит... и еще мы купили кое-что... Там стало так мило теперь!

Она кивала, улыбалась, прижимала палец к губам...

Автобус отъехал от остановки. Анна махала вслед, пока он не скрылся из виду, потом задумчиво отвернулась. Сцилла ждала ее за углом. При виде Анны бросилась ей навстречу.

– Так она тебе позволила у нас пожить? Супер! Мама говорит, вот Джилли уедет – и ты сразу к нам! Здорово, правда? Ты рада?

– Еще как!

– Молодец мама, отлично придумала. А сейчас ты куда – домой?

Анна заколебалась.

– А твоя мама сейчас очень занята?

Сцилла рассмеялась:

– Видела бы ты ее! И вообще всех нас! Мама готовит и носится туда-сюда, Джейн таскает вещи и цветы в комнату Джилли, Мэтью все моет, а Энди пытается выкупать Роли-Поли! Мне тоже надо бежать помогать, это я так выскочила, узнать, позволили тебе или нет. Мама говорит, она ужас как рада, что твоя тетя побывала у нас, она такая милая и все такое, ну, это если ты хочешь знать. Так ты со мной? Мама сказала – если нет, то все равно обязательно заходи попозже, где-нибудь в половине восьмого...

– Тогда я попозже зайду. – Анна кивнула. – Надо сперва кое-что сделать.

Они расстались на углу. Анна медленно пошла к домику Пеггов, раздумывая о том, что ей следовало сделать. Нужно написать миссис Престон – сразу, пока не передумала.

Письмо предполагалось коротким.

Дорогая тетушка, я не успела сразу Вам рассказать, потому что приехал автобус, но Вы сказали, что миссис Л. назвала меня честной. Так вот, никакая я не честная. В прошлом учебном году я брала немного денег из Вашего кошелька. В основном мелочь, но как-то раз попался и шиллинг... Я его положила обратно, а мелкие монетки взяла. Я все Вам отдам, когда приеду домой, и... мне очень совестно. Я Вас ужасно люблю...

Анна подчеркнула слово «ужасно», поставила подпись и, облегченно вздохнув, закрыла конверт. Потом отправилась на почту.

Минуло три часа, но Анна не торопилась в Болотный Дом.

Она ушла далеко на дамбу и оттуда смотрела на закат, где над болотом поперек солнечного диска летели дикие гуси. Они гоготали, пролетая у

Анны над головой. Обернувшись, девочка увидела, как в отдалении над деревней стали сгущаться голубоватые сумерки. Тогда она медленно повернула обратно.

Вблизи Болотного Дома она ускорила шаг. Пожалуй, она опаздывала. Сцилла заждалась ее, Линдсей небось беспокоятся, а Джилли... то есть мисс Пенелопа Джилл, которую она никогда прежде не видела... наверное, тоже спрашивала, куда она подевалась. Вот только поспешить она никак не могла, это было неправильно. Дойдя до угла, Анна вдохнула поглубже и побежала по пешеходной тропе к особняку.

Миссис Линдсей как раз выглянула наружу посмотреть, не идет ли она.

– Анна! Милая, что случилось? Где ты была? Мы тебя ждем-ждем...

– А где мистер Линдсей? Можно мне сперва к нему? Я хочу кое-что ему рассказать...

Миссис Линдсей ответила удивленно:

– Так он же уехал. А ты разве не знала? Уехал в город, на работу... Завтра вечером возвратится. А что такое? Могу я тебе чем-то помочь?

– Я должна кое-что ему рассказать, – торопливо выпалила Анна. – Про лодку... которая Марни... я там взяла кое-что...

Миссис Линдсей обняла ее за плечи и повела в гостиную.

– Ты про якорь? – ровным голосом спросила она.

Анна так и крутанулась к ней:

– Как вы узнали?

– Это он мне сказал. Только не сердись, ладно? И бояться незачем...

– То есть он знал, что там лежит якорь?

– Ну конечно, – кивнула миссис Линдсей. – И он понял, что это ты его забрала, потому что его там не было, когда все пришли смотреть. Да какая разница? Он сказал, что ты, верно, сама расскажешь ему, ведь ты явно не из таких, кто берет вещи без разрешения. Но ты не рассказывала, и он решил, что якорек, наверное, был тебе до смерти нужен, поэтому ты просто не решилась его себе попросить. Ты его в самом деле очень-очень хотела?

Анна молча кивнула.

– Ай-яй, – тихо проговорила миссис Линдсей таким тоном, как если бы Анна поранилась и что есть сил старалась не плакать. – Значит, ты его спрашивала, чтобы о якорю рассказать? Нет, ты правда прелесть... И еще ты очень смелая, вот что я тебе скажу. Так вот: не волнуйся. Конечно, ты можешь оставить якорь себе! Только скажи – сейчас-то он где?

– У меня под кроватью... – прошептала Анна в ответ. – В чемодане.

– Ай-яй, – повторила миссис Линдсей. – А что, если не секрет, ты

собиралась с ним сделать?

Анна помялась, но все же сказала:

– Да какой секрет... Я хотела... я думала, если отчищу, домой взять... может, тетя позволит в моей комнате на стенку повесить... ну, вроде как украшение. – У нее вырвался то ли вздох, то ли всхлип, то ли смешок. – Глупость, конечно, но...

– Вовсе не глупость, – решительно перебила миссис Линдсей. – Знаешь, что муж сказал мне перед отъездом? Он сказал: знай я, что она так хочет этот якорь, я бы сам его от ржавчины ободрал и серебрянкой покрасил. И пусть бы на стенку повесила!

Анна от изумления потеряла дар речи. Потом спросила:

– Он... правда так сказал?

– Правда. Так что притащи как-нибудь якорек обратно – и пусть держит слово! А теперь, милая, пошли за стол, поздороваешься с Джилли. Ей просто не терпится на тебя посмотреть!

Она наклонилась и поцеловала Анну, убрав волосы у нее с глаз. Потом снова обняла за плечи, толкнула дверь гостиной – и они вошли.

Глава тридцать третья

Мисс Пенелопа Джилл

Сперва Анне показалось, что в гостиной вовсе не было никакой Джилли. Потом она увидела: все остальные собрались вокруг маленькой женщины, усаженной в низкое глубокое кресло. Вот это, получается, и есть мисс Пенелопа Джилл? С ума сойти! Анна почему-то представляла ее себе рослой, худой, элегантной, с прямыми темными волосами и подстриженной челкой... В реальности мисс Пенелопа оказалась маленькой и коренастой.

Короткие седые волосы торчали в разные стороны.

Когда они вошли, женщина обернулась, и Анне пришлось удивиться еще раз.

– Стало быть, Анна – это ты! – сказала гостя. – А ведь мы уже встречались с тобой, помнишь? Вот везение так везение! Можно не тратить время на утомительные расшаркивания. Знаешь что? Я ведь жалела, что не спросила тогда, как тебя звать. Зато теперь знаю! Ну а я – Джилли. Впрочем, ты наверняка уже знаешь!

Она пристально, не отводя глаз, смотрела на Анну, словно хотела запомнить ее во всех мелочах. Как бы то ни было, взгляд был добрый.

– Припоминаешь меня?

– Да. – Анна улыбнулась. – В тот раз на болоте... Вы там рисовали.

Ей хотелось добавить: «Мне тоже показалось, будто мы тогда подружились», но это прозвучало бы слишком странно. Поэтому она промолчала.

Линдсеи дружно пришли в недоумение и восторг, им захотелось немедленно знать, когда и каким образом Джилли впервые встретила Анну, а главное – их-то почему при этом не было? Мисс Джилл тут же их просветила. По ее словам, это случилось, когда она приезжала на несколько дней в Барнэм – порисовать.

Она снова посмотрела на Анну:

– Мы ведь об этом доме говорили с тобой, правда? А теперь в нем и встретились! Что-то в этом есть очень правильное, не находишь? Присядь-ка – и давай рассказывай, чем ты с тех пор занималась!

Пока все разговаривали, миссис Линдсей принесла с кухни кофейник и ковшик с горячим какао. Джейн доставила поднос, полный чашек, кружек и блюдечек, а Мэтт обошел гостей с большой жестяной бисквитов.

– Сегодня засидимся допоздна, – сказал он с ухмылкой. – Будем есть бисквиты, а Джилли тем временем нам расскажет еще какую-нибудь свою историю!

– С чего ты взял, негодник, будто я собралась вам что-то рассказывать? – рассмеялась мисс Джилл.

– Но ведь вы всегда рассказываете! – с недоумением ответил Мэтью.

– Так и есть. – Сцилла уселась на пол рядом с Анной. – А я так ждала, придешь ли ты! Ну что, есть ощущение, что ты уже тут живешь?

Мисс Джилл улыбнулась сразу обеим:

– У меня была подруга, которая когда-то здесь жила. Правда, сама я никогда не ночевала в этом доме. Я внутрь-то заходила самое большее раз или два...

– Почему? – спросил Мэтью.

Миссис Линдсей разливала какао, но тут ее рука замерла.

– В самом деле? Вы про этот дом говорите?

Мисс Джилл ответила сразу на оба вопроса:

– О да! Неужели я правда вам не рассказывала? Почему, Мэтт? А видел бы ты их собаку! Большущий свирепый пес... по крайней мере, я так думала. Я его до смерти перепугалась – и с тех пор предпочитала встречаться с подружкой где-нибудь подальше. Наши матери дружили, вот в чем было дело.

– Как ее звали? – хором спросили Анна и Сцилла.

– Мэриэн.

– Джилли! – быстро проговорила миссис Линдсей. – Ты обязательно должна нашу книжку увидеть! Ее дети в доме наши. Мы как раз хотели тебя расспросить... Может, ты что-нибудь в ней поймешь? А то все от любопытства сгорают! Сцилла, тащи дневник!

Присцилла мигом принесла затрепанную тетрадку. Она по обыкновению прятала ее под свитером, дожидаясь только прихода Анны, чтобы вручить госте. И вот дневник оказался на коленях у Джилли.

– Ну-ка, ну-ка... – Джилли нацепила очки. – Марни, – вслух прочла она имя на обложке. – Как вы догадались? Мэриэн действительно всегда так и звали – Марни...

– Мы не догадывались, – сказала миссис Линдсей, взволнованная не меньше детей. – Мы ее просто нашли.

– Она была за полку засунута, – пояснила Сцилла. – В *моей* комнате!

И она покосилась на Анну, улыбаясь и обхватывая коленки руками.

Джилли открыла тетрадку и стала ее изучать. Пока она читала, у нее вырывался то легкий вздох, то смешок. Анна и Линдсеи ждали, следя за выражением ее лица. Да, вне всякого сомнения, дневник принадлежал Мэриэн. Какая удивительная встреча – после стольких-то лет! Джилли вернулась к началу и вновь стала читать, уже медленнее.

– Ох, тогдашние счастливики, жевавшие палочки лакрицы! – воскликнула она наконец. – Как мы им, бывало, завидовали! Я, по крайней мере, точно завидовала. Понимаете, шла мировая война, никакого сахара в помине не было... Моя мама называла такие сладости «мусорными» и не позволяла мне к ним прикасаться. Если уж мы лакомились, то чем-нибудь более стоящим. Это редко бывало, да и доставалось нам по чуть-чуть...

Она перевернула страницу.

– И этот Плутон... Да, именно так звали ту жуткую псину! Теперь-то я думаю, может, на самом деле он был не таким уж и свирепым... Похоже,

однако, Марни его тоже боялась... Вообразите, и ни разу мне об этом не проговорила! Не знаю, право, на что им понадобилось его держать. Наверное, отец полагал, что сторожевая собака может оказаться бесполезной во время его отъездов... Не повезло ему – вскоре он утонул.

– Утонул? – потрясенно откликнулся Мэтью.

– Да, так уж вышло. Тогда была война, а он в морском флоте служил.

– Мы не знали... – начала было миссис Линдсей, но Джилли вновь углубилась в чтение.

– А мисс К. – это она имела в виду мисс Квик. Ох, как же мы изводили бедняжку! Она была нашей общей гувернанткой. Посещала нас два-три раза в неделю, а в другие дни приходила заниматься с Марни. Помнится, мои братья наперебой дразнили ее... – Мисс Джилл отложила тетрадку и вытерла глаза. – Помилуйте, я как будто в прошлое провалилась! Ну и находка, однако...

В комнате понемногу становилось темнее. Миссис Линдсей хотела было включить свет, потом передумала и принесла два подсвечника, на несколько свечей каждый.

– Джилли, продолжай, пожалуйста, – попросила она. – Мы все прямо заслушались! Мы ведь ничего не знаем про эту семью, только то, что ты нам сейчас рассказала.

Джилли со смешком повернулась к ней:

– Свечи зажигаешь, смотрю? Думаешь, я сейчас длинный-предлинный рассказ начну? Что ж, угадала... Только ты смотри останови меня, если кто-нибудь заскучает!

– Никто не заскучает, – сказала Сцилла и пересела поближе. – Мы все хотим послушать про Марни!

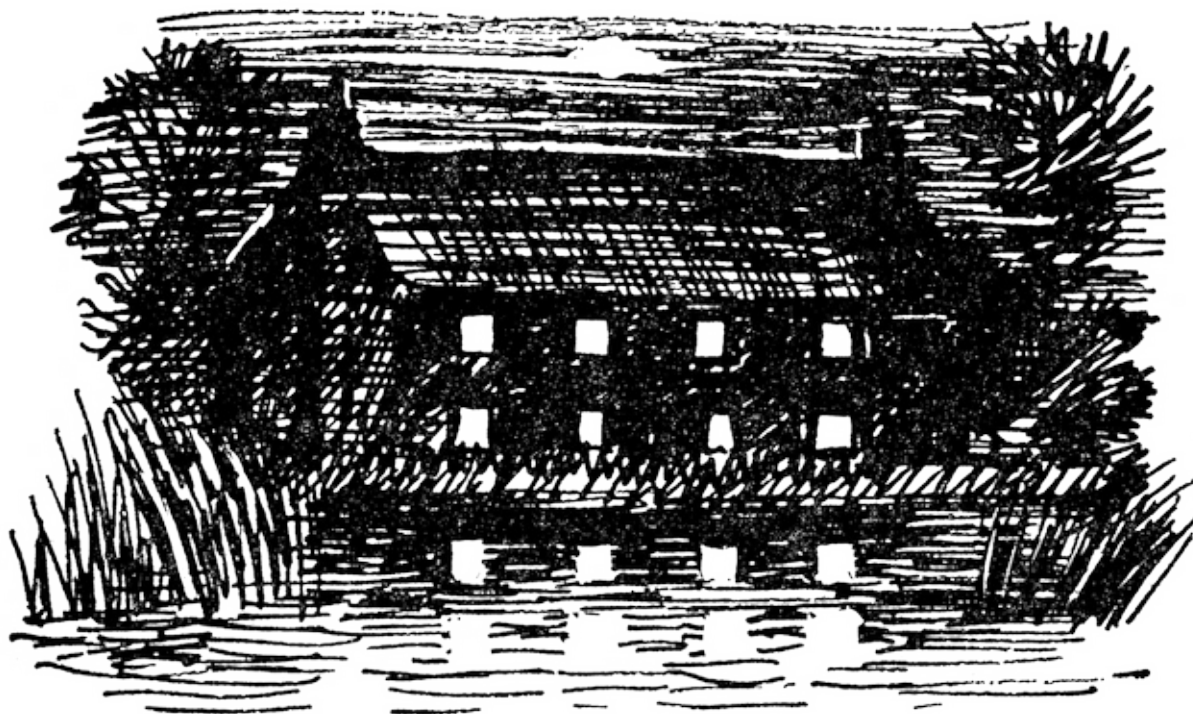
– Ну хорошо, – улыбнулась Джилли. – Так с чего бы мне начать?

Миссис Линдсей принесла стул и уселась за спиной у Анны, остававшейся на полу, и знаком показала, – дескать, можно прислониться к ее стулу, если устанет спина.

Анна кивнула, улыбнулась в ответ и действительно прислонилась – сперва застенчиво, потом как следует, устраиваясь поудобнее. Свечи наполнили комнату неярым сиянием. Снаружи густели синие сумерки. Голосу Джилли вторило бормотание волн – это возвращался прилив.

Глава тридцать четвертая

Джилли рассказывает историю

– Собственно, близко знакома с Марни я тогда не была, – начала рассказывать Джилли. – Семья у нас была большая, дела шли не очень, а жили мы далековато отсюда – за Барнэмом. Машины мы не имели, поэтому Марни я видела нечасто. Тем не менее мы играли вместе всякий раз, когда мама привозила меня в Литл-Овертон. Она была очень живой девочкой, отличной подружкой... и ей почему-то очень нравилось со мной играть. Помню, это удивляло меня – я ведь была не из тех девочек, от которых все умиляются. Такая, в общем, скучная, туповатая... Думается, просто у нее иных друзей было мало!

– Что же так? – спросила Сцилла.

– В те дни жизнь совсем другая была. Ребятишки не знакомились вот так запросто, как сегодня. Мы для начала спрашивали разрешения у матерей...

– Ничего себе! – вырвалось у Джейн.

– А ведь так и было, – улыбнулась Джилли. – Только мать Марни редко дома бывала. Она была молодой, веселой, красивой. Только и делала, что развлекалась в своем лондонском доме. А Марни проводила лето в Болотном Доме со своей няней.

– Тоже неплохо, – заметил Эндрю, растянувшийся в кресле у окна. Он изо всех сил делал вид, будто разговор его несколько не интересовал.

– Что ж, пожалуй, – согласилась Джилли. – Она в определенном смысле была счастливым ребенком. По-моему, она и сама это знала. Она превозносила своих родителей до небес, все время хвасталась, какие они замечательные. У меня уши вянуть начинали временами... Мне-то куда больше нравились мои собственные, пусть даже не такие богатые, красивые и знаменитые...

– Да не была она счастлива, – вдруг произнесла Анна. – Погано ей жилось, вот что! Большей частью, по крайней мере...

Все оглянулись на нее, на лицах было удивление.

– Ты так говоришь, будто лично знала ее, – засмеялся Эндрю.

Анна обернулась к миссис Линдсей:

– Так это же в дневнике сквозит, неужели не чувствуете? И вы говорили, что ей, похоже, было жуть как одиноко!

– Верно, говорила, – подтвердила миссис Линдсей.

– Ты, Анна, в точку попала, – сказала Джилли. – Жизнь у нее вправду была, как ты выразилась, поганая. Только в то время я этого не понимала. Я думала, что она, должно быть, счастлива – в таком доме живет, все лето у самого моря... Лишь много позже до меня дошло, насколько несчастна она была. Сейчас я вам о своих детских впечатлениях рассказываю.

Анна кивнула и снова откинулась к стулу миссис Линдсей.

– Должна вам сказать, – продолжала Джилли, – ее мать никогда не казалась мне... настоящей матерью, вроде моей собственной. Зато она была красавица. И Марни прехорошенькая росла. И проказливая. Помните этот эпизод в дневнике – ночную вылазку на лодке, пока все думали, что она спит себе в кроватке... Я и то припоминаю, что слышала разговоры об этом. Мисс Квик рассказывала моей маме, что Марни порой бывала по-настоящему гадкой. Такие штуки откалывала! Как-то раз взяла и притащила девочку-нищенку на блестящую вечеринку, устроенную родителями... – Тут глаза Джилли заискрились весельем. – Вот бы поподробней припомнить, что там в действительности произошло! Кажется, девочки устроили, чтобы нищенка что-нибудь продавала, самодельные пуговицы или что-то такое...

Анна подалась вперед:

– А не морскую лаванду?

Джилли удивленно посмотрела на нее:

– Точно, морскую лаванду... А почему ты так сказала?

– Вот именно, почему? – подхватила Сцилла. – Ты не могла знать. В дневнике этого нет!

Анна покачала головой:

– Я и не знала. Мне просто вдруг в голову пришло, что они морскую лаванду... маленькими букетиками...

– Анна у нас прямо волшебница, – сказал Эндрю.

– Да, но все равно странно как-то, – заметила Джилли. – Марни всегда очень нравился кермек... морская лаванда. Разве я вам не говорила? Только ей не разрешали приносить цветы домой: лепестки, мол, падают, пыль, грязь...

– Кто не разрешал? – спросила Джейн.

– Две служанки и няня. Моя мама знай повторяла: как не стыдно оставлять ребенка на попечении прислуги! Со служанками я, помню, так и не познакомилась, а вот нянька противная тетка была, как ни посмотри...

– Расскажите! Расскажите! – загомонили младшие Линдсеи.

– Помилуйте! – преувеличенно возмутилась Джилли. – Как же падка нынешняя молодежь на истории о жестокости былых времен! Боюсь, никакой ужасающей драмы я вам не поведаю... Ну, разве что в пересказе моей мамы – она мне говорила позже, когда все выплыло. Судя по всему, нянька в отсутствие родителей обращалась с Марни из рук вон скверно, а дуры-служанки знай запугивали ее всякими жуткими рассказами. Девочка, по сути, росла совершенно заброшенной, хотя со стороны было и не догадаться. По крайней мере, я не догадывалась...

– Что ж она не пожаловалась? – спросила Сцилла.

– Она не смела. Бедняжка была совершенно запугана: к примеру, ей обещали, что, если откроет рот, ее запрут в старом ветряке. То-то она так боялась его... – Джилл указала на дневник, по-прежнему лежавший у нее на коленях. – Вот тут прямо так и написано: «Эдвард хочет отвести меня на ветряную мельницу. Я ТУДА НЕ ПОЙДУ!»

– Во, во! Расскажите про Эдварда! – обрадовался Мэтью. – Кто это такой?

– Это был очень дальний родственник Марни. Даже не припомню, встречались ли мы с ним тогда... Но конечно, потом они поженились, так что я его разок все-таки видела – на свадьбе.

Джейн пришла в восторг при этих словах.

– Так и есть! – заулыбалась она и с торжеством оглянулась на мать. – Я же сразу сказала: зуб даю, они с Эдвардом женятся, когда вырастут! Он хоть милый был?

– О да, именно так, полагаю... По крайней мере, я уверена, что к ней он был очень добр. Хотя... хотя, пожалуй, держался чуточку слишком сурово. Ну вот опять же в дневнике: «Он говорит, я должна повернуться к своим страхам лицом... поддразнивает меня...» И всякое такое. Даже в детстве он на нее давил, хотя, конечно, совершенно этого не хотел. – Джилли перечитала последнюю запись и сказала: – Да, этот ветряк... Он-то и был причиной всех бед. Правда, все хорошо, что хорошо кончается, так что...

– Что хорошо кончается? – настойчиво спрашивала Присцилла. – Что там произошло?

Джилли напряженно морщила лоб.

– Увы, я толком не знаю, что в действительности случилось. По-моему, никто этого так и не выяснил, а я вообще слышала эту историю из вторых уст, от матери. Известно только, что однажды ночью, когда родителей не было дома, Марни куда-то исчезла. Служанки перепугались и подняли местных на поиски. Случилось, однако, так, что нашел девочку сам Эдвард; тут-то они, верно, пожалели, что вынесли сор из избы! Он говорил, что нашел Марни лежащей на полу наверху лестницы на ветряке. Он вынес ее оттуда на руках, а потом встретил поисковый отряд. Это моя мать слышала от нашей служанки; поди разбери, где правда, а где обычные кривотолки. В любом случае тогда-то все и начало выплывать...

– Что начало выплывать? – спросила Анна.

– То, как ее обижала нянька, то, что о ней никто как следует не заботился... Однако сама Марни не обмолвилась ни словечком ни единой живой душе... так что даже тогда не все сразу выяснилось. Ее опять наказали – заперли в комнате. Родителям же сказали, что она убегала с Эдвардом и пряталась с ним на мельнице. Думаю, ее нянька была до смерти перепугана, ведь половина деревни знала, что девочка потерялась, – и, простите, пыталась прикрыть свой зад. Рада вам сообщить: ничего у злой тетки не получилось. Марни почти сразу отправили в закрытый пансион, а няньке велели собирать манатки и убираться. Поделом ей!

Некоторое время все молчали. Потом Джейн озадаченно спросила:

– Но что ее понесло на мельницу, раз она ее так боялась?

– Моя мама всегда говорила, это из глупого упрямства, – ответила Джилли.

– Все равно не понимаю, – сказала Джейн. – Ничего себе упрямство –

идти туда, где тебе страшно до ужаса!

Сцилла задумчиво проговорила:

– В дневнике говорится о строительстве домиков из песка и о шалаше в дюнах, крытом тростником... Я вот думаю – а не собирались они с Эдвардом устроить там себе что-то вроде тайного пристанища? Если бы, конечно, она перестала бояться этого места?

– А я думаю, – вмешался Мэтью, – она это отмочила, чтобы им всем задать какого следует страху! Очень на это надеюсь! И поделом им!

– Нет, – возразила Анна. – Полагаю, она пошла туда именно потому, что боялась. Она хотела заставить себя не бояться... Вот.

Джилли посмотрела на нее с интересом:

– Думается, Анна, ты снова права. Я об этом как-то раньше не думала, но такое было вполне в ее духе. Тем более что, по сути, ее вынудили. Марни всегда говорила, как ее достает, что все кругом ей вечно указывают – ты должна то, ты должна се... Потому-то она терпеть не могла мисс Квик. С Эдвардом все было по-другому, она дорожила его мнением, а если еще и он ее задразнил... – Она вздохнула и с усталым видом откинулась в кресле. – Бедная Марни! Как же давно все это было! И как грустно становится, когда оглядываешься назад...

Глава тридцать пятая

Кто виноват?

Миссис Линдсей поспешно вскочила.

– Стыд нам и срам! Джилли, тебе бы отдохнуть после поездки, а мы к тебе с разговорами пристаем!

И она взялась было собирать чашки и блюдца, но Джилли сразу же завопилась, выбираясь из кресла:

– Ни в коем случае! Даже и не пытайся загонять меня в постель! И ребяташки твои, судя по всему, тоже спать не хотят. Сядь, прошу тебя, не мельтеши! Не порти отличную вечеринку просто из-за того, что глупая бабка ударилась в воспоминания!

– Сядь, мама! – дружно поддержали младшие Линдсеи. – Хочешь спать, сама ложись! Не надо все портить!

Пришлось миссис Линдсей вернуться на стул. Джилли одобрительно кивнула.

– Мы бы еще про Марни послушали, – сказала ей Сцилла.

– Расскажите, что было потом, – попросила Джейн.

Джилли посмотрела на миссис Линдсей. Та кивнула.

– Мне тоже до смерти интересно, – призналась она. – Кому скучно, пускай встает и уходит! – И она наклонилась к Анне: та сидела, опустив голову, словно задремала на полу. – Деточка, ты заснула, никак? Тебе, между прочим, до ночи у Пеггов быть надо. Ну вот разве что... – И вдруг обратилась к старшему сыну: – Энди, дружок, сбегал бы ты к миссис Пегг! Спроси, не позволит ли она Анне заночевать сегодня у нас. Скажешь, завтра утром я ее им верну... Сходишь?

Дети завопили в восторге. Эндрю сразу вскочил. Анна удивленно и радостно вскинула голову:

– В самом деле? Мне правда можно?

Миссис Линдсей кивнула:

– А ты в самом деле, что ли, задремала?

– Нет. Я просто думала... – Анна помедлила, выжидая, чтобы Эндрю закрыл за собой дверь, и спросила, глядя на Джилли: – Я думала про то, как Марни на мельнице сидела... Там с ней никого, случайно, не было? Совсем-совсем никого?

– Пока Эдвард не подошел? Нет, никого. Я в этом уверена.

– Но... если бы все-таки был? Как по-вашему, когда ее нашли, могла она этого кого-то там бросить?

Джилли выглядела озадаченной:

– Станный вопрос, милочка... К чему это ты клонишь, не пойму?

Анна не сдавалась:

– Ну вот если мы предположим, что с ней кто-то все-таки был? Ушла бы она с Эдвардом и оставила другого человека одного в темноте?

Она не сводила глаз с Джилли, на время забыв обо всех остальных и зная только, что заданный вопрос был из тех, на которые просто необходимо добиться ответа. Хотя бы иным и казалось, будто она несет чепуху.

Джилли поняла, что ее мнение было очень важно для девочки, и крепко задумалась. Потом сказала:

– Если на тот момент она была в сознании, то вряд ли. Хотя страх, надо признаться, порой толкает людей на чудовищные поступки... Однако в данном случае никакого сомнения быть не может. Марни была там одна, и нашли ее лежащей без чувств. Помню, мне рассказывали, что она открыла глаза только дома, когда ее уже в постель уложили. Бедное дитя! Совершенно измоталась от пережитого ужаса. – Она смотрела на Анну

прямо и очень по-дружески. – Я ответила на твой вопрос?

– Да... наверное... – Анна улыбнулась в ответ.

Она в самом деле чувствовала удовлетворение.

Сцилле не терпелось услышать продолжение истории.

– Ну ты даешь, Анна, – сказала она и дружески потрепала ее по ноге. – Хватит странные вопросы задавать, дай до конца дослушать! Джилли, так что потом было? Когда Марни выросла? – Тут она запнулась на полуслове, ее глаза округлились: – Ой, а где она теперь? Марни? Ей сейчас, наверное, лет уже сколько вам... то есть я вовсе не говорю, что вы старая...

Взрослые рассмеялись, а Джилли заявила, что за разговором о прошлом сбросила самое меньшее половину прожитых лет. Потом добавила уже серьезнее:

– Разве я не сказала? Марни скончалась несколько лет назад; другое дело, что я еще раньше совсем потеряла с ней связь... Ума не приложу, что бы еще вам о ней рассказать? Она вышла замуж за Эдварда, у них вскоре родилась дочь, семья переехала в Нортумбрию... Несколько лет после этого мы не виделись с нею. Мы встретились лишь после войны, когда Эдварда уже не стало.

Все примолкли, разочарованные и слегка опечаленные. Потом Джейн спросила:

– А с дочкой Марни что случилось?

История оказалась довольно печальной. Девочке было всего лет пять или шесть, когда разразилась Вторая мировая война. Малышку сразу отослали в Америку – подальше от бомбежек. Вернулась она оттуда тринадцатилетним подростком, и мать едва узнала ее – повзрослевшую, своевольную, независимую. А еще было похоже – она так и не простила матери, что та ее отослала. Пусть даже и ради ее блага.

Джилли грустно покачала головой:

– Они так и не стали снова близки. А ведь Марни так предвкушала ее возвращение... Эсме, так звали девочку, ей говорила: «Ну и что я могу поделать, если я вас не люблю? Я что, обязана вас любить просто оттого, что вы – моя мать? Если на то пошло, матерью вы мне никогда и не были...» Ужасно жестокие слова, но толика правды, как ни крути, в них была. Видите ли, Марни пыталась быть ей хорошей матерью, она этого очень хотела... но, думается мне, она просто этого не умела. Она сама провела очень одинокое детство, постоянно чувствуя себя всеми брошенной... Тогда она дала себе слово, что у ее собственного ребенка непременно будет все то, чего ей самой не хватало. А что в итоге? Муж погиб, девочку увезли прочь на целых шесть лет, лишив того, в чем она

больше всего нуждалась, – родительской любви...

Она вдруг примолкла и посмотрела на Анну. Затем торопливо продолжила:

– Так вот, Эсме сбежала из дому и немедленно вышла замуж, как только достигла совершеннолетия. Даже матери ничего не сказала... Я и говорю – очень грустная история.

Джейн хмуро разглядывала ковер.

– Так кто же во всем виноват? – спросила она.

– Трудно сказать. Чем дольше живешь, тем труднее становится вот так ткнуть пальцем и заявить: в этом виноват он, а в этом – кто-то другой. Уж простите мне мою высокопарность, но с высоты прожитых лет картина становится очень сложной... Все оказываются понемногу виновны, а конкретно – вроде как и никто... Поди пойми, где именно коренится несчастье!

– Вы хотите сказать, – проговорила Джейн, – что Марни в детстве мало любили и поэтому она сама не сумела стать любящей матерью, когда пришел ее черед?

– Да, вроде того. Когда тебя любят, становится легче расти и взрослеть. А Марни в каком-то смысле так и не повзрослела.

Джейн повернулась к матери:

– Раз так, Роли-Поли у нас получается сущим старичком... верно, мама?

Все дружно расхохотались. Потом Сцилла спросила:

– А что случилось с Эсме?

Джилли рассказала о замужестве дочери Марни. Она сошлась с симпатичным парнем, черноволосым и темноглазым, одна беда – тот был слишком молод и не приучен к ответственности. Брак у них не задался, несмотря даже на рождение ребенка, а ведь Марни очень надеялась, что с его появлением все может измениться... Вскоре все завершилось разводом. Потом Эсме вновь вышла замуж, и некоторое время вправду казалось, что жизнь у нее стала налаживаться.

– Но все-таки не наладилась? – спросила миссис Линдсей.

Джилли покачала головой.

– Там целая трагедия приключилась... Еще медовый месяц не кончился, когда молодожены попали в ужасную аварию и погибли.

Анна ощутила, как дрогнули колени миссис Линдсей у нее за спиной. Она обернулась и прошептала:

– Вот так так... Моя мама тоже на машине разбилась!

– Я знаю, – прошептала в ответ миссис Линдсей. – Мне твоя тетушка

рассказала. – Она ласково обняла Анну, привлекая девочку к себе, и спросила поверх ее головы: – Джилли, а как звали дочку Эсме?

– Ее называли Марианной, – ответила та. – В честь прабабушки. Марни так обрадовалась! Да и само по себе имя красивое. С каким-то испанским отзвуком... очень нравилось отцу.

Анна с улыбкой обернулась к миссис Линдсей, словно желая сказать: «Ну, это уж точно не обо мне!» Но миссис Линдсей на нее не смотрела. Она присматривалась к Джилли, беседовавшей со Сциллой и Джейн.

– Марни очень любила малышку, – рассказывала Джилли. – Понимаете, на нее легла вся забота о ней, еще когда распалась первая семья дочери. Девочка принадлежала ей едва ли не больше, чем Эсме. Думаю даже, Марни видела в ней свой второй шанс. Она собиралась в лепешку расшибиться, но вырастить ее как следует!

– И как? – хором спросили сестры. – Получилось?

Джилли тихо ответила:

– На самом деле вторым шансом воспользоваться она не смогла. После гибели Эсме и ее нового мужа она так и не оправилась... Она тяжело заболела и в тот же год сошла в могилу. Я в то время была за границей, так что для меня след затерялся. Я написала на их адрес в Нортумбрии, но ответа не получила. Вернувшись в Барнэм, я начала расспросы, но к тому времени здесь никто уже ничего не знал о семье, ведь они съехали так давно. Да и кто они были для местных? Чужаки, жившие в одном из особняков... – Ее голос прервался. Сцилла хлюпала носом. – Только не надо слишком грустить, дорогие мои, – сказала Джилли. – Все это случилось так давно...

– Насколько давно? – быстро спросила миссис Линдсей.

Джилли подсчитала на пальцах:

– Лет шесть или семь назад, я полагаю.

– А что случилось с сироткой? – спросила Джейн. – Терпеть не могу истории, которые кончаются не пойми чем!

За спиной Анны произошло неожиданное движение. Девочка обернулась и увидела, что миссис Линдсей выпрямилась на стуле. Ее глаза сияли, она широко улыбалась.

– Дайте-ка я расскажу вам, чем все кончилось, – дрожащим от волнения голосом проговорила она. – Да, оказывается, я могу вам рассказать, хотя минуту назад и не подозревала об этом!

И рассмеялась, заметив их недоумение.

Глава тридцать шестая

Конец истории

– А кончилось вот чем, – сказала миссис Линдсей. – Когда оказалось, что бабушка больше не в состоянии была за девочкой присматривать, крошку отдали в приют. Ей тогда было годика три. Еще года через два ее там увидели муж и жена. Женщине всегда хотелось дочку, поскольку своей у нее не родилось. Они взяли Марианну к себе, и она стала у них жить.

– Вот это здорово! – облегченно вздохнула Джейн.

Миссис Линдсей заторопилась, словно боясь, как бы ее не прервали:

– Та женщина очень ее любила. Она мечтала, чтобы Марианна называла ее мамой, но девочка никогда не произносила этого слова. Она

предпочитала называть приемную мать тетушкой...

Анна вскинула голову и вдруг затаила дыхание, а миссис Линдсей продолжала:

– Поскольку той женщине очень хотелось, чтобы это была только ее дочь, она сменила девочке имя. Ну, не совсем сменила – просто укоротила его наполовину. Оставила только вторую часть.

Мгновение прошло в тишине, потом Сцилла выпалила:

– Анна! Мари... Анна!

– Вы что, хотите сказать... это я? – спросила Анна. – Я?..

– Да, – подтвердила миссис Линдсей. – Это все про тебя. Ты довольна? А я-то как рада за тебя, Анна! Вроде нехорошо так говорить, потому что я сама все рассказала, но... знаешь, это самое лучшее окончание истории, какое я когда-либо слышала!

Она поцеловала Анну в темечко и шепнула ей на ухо:

– Вот видишь... якорек-то и оказался на самом деле твоим!

У Анны слегка закружилась голова, она уткнулась лицом в колени миссис Линдсей. Понадобилось некоторое время, чтобы все пришли в себя от первоначального изумления. Потом заговорили разом, принялись задавать вопросы. Каким образом миссис Линдсей все это выяснила? И почему раньше ничего не говорила? Почему Анне никто не сказал, что ее бабушка когда-то жила в Болотном Доме?.. И не означало ли это, что дом принадлежит скорее ей, а не им?..

Миссис Линдсей согласилась, что в некотором смысле принадлежит, хотя Линдсеи владели им по праву – ведь они купили его. Только вот он заключал в себе историю Анны, а вовсе не их.

Постепенно начали проясняться детали. Оказалось, что миссис Линдсей знала не больше остальных, пока сегодня днем не переговорила с миссис Престон – и та не поведала ей все, что было известно о происхождении Анны. Но и тогда она никак не связала между собой историю Анны и историю Марни – догадка осенила ее, лишь когда Джилли упомянула ужасную автокатастрофу. Вот тут все кусочки мозаики обрели свое место.

Миссис Престон рассказала ей, что сама когда-то жила близ Литл-Овертона; много позже, когда она посещала детский дом, ее внимание привлекла девочка, чья бабушка тоже была из тех мест. Последнее обстоятельство выяснилось, когда директриса приюта обнаружила в вещах девочки фотографическую открытку с видом Литл-Овертона. Открытка была от бабушки, причем надпись гласила: «Это снимок дома, где я жила, когда была маленькой».

У Анны от волнения пробежал по спине озноб...

– Чтобы ты знала: я не открываю ничего такого, о чем твоя тетушка предпочла бы умолчать, – сказала миссис Линдсей. – Она сама попросила меня все тебе рассказать, я только ждала удобного случая, а он как раз подвернулся.

– Я знаю. Она предупредила меня... А где теперь эта открытка?

Увы, карточка затерялась, причем давным-давно, еще до того, как миссис Престон впервые посетила приют. Директриса лишь сказала, что маленькая Марианна нипочем не желала с ней расставаться, буквально не выпускала из рук, и открытка в итоге просто рассыпалась. У Анны вытянулось лицо, Сцилла сказала: «О-ох!», почти в точности как ее мама до этого.

Оказывается, миссис Престон как-то спрашивала Пеггов, не помнят ли они женщину, некогда жившую в их деревне с маленькой внучкой, но они никого так и не припомнили. Что ж, «когда я была маленькой» – указание уж слишком расплывчатое, поэтому со временем миссис Престон просто выкинула возможную зацепку из головы.

Как раз в это время вернулся Эндрю. Выслушав, что случилось, он сказал:

– Да, но где железные доказательства? Мы даже не можем быть уверены, об этом доме речь идет или о каком-то другом!

Да, но было еще одно обстоятельство, сказала миссис Линдсей. Когда миссис Престон вошла в гостиную, ее поразил вид из окна. Она ведь пришла со стороны дороги и не догадывалась, что дом стоит непосредственно у воды. Позже, когда речь зашла об открытке, она вспомнила: директриса упоминала о «большом доме у озера». В тот момент миссис Линдсей не сообразила, что имелся в виду Болотный Дом, сфотографированный через залив. Ей как-то сразу представился особняк в глубине страны, с парком и прудом. Но, уже собираясь откланяться, миссис Престон спросила миссис Линдсей: как, мол, ей кажется, плавают люди в таких прудах на парусных лодках? Вопрос удивил миссис Линдсей. Миссис Престон пояснила, что, по словам директрисы приюта, на карточке присутствовала еще и лодка под парусом: «Полагаю, там мог быть заснят один из домов по соседству... Как вам кажется, это возможно?»

– Тут она заторопилась на автобус, – сказала миссис Линдсей, – так что разговор на этом и оборвался. Но...

– Но тут других особняков вроде как и нету, – подхватил Эндрю. – Только маленькие коттеджи!

– Вот именно, – кивнула миссис Линдсей.

Они проговорили еще не один час. Джилли нисколько не сомневалась, что младенчество Анны прошло под знаком бабушкиных историй: «Она такая рассказчица была!» Джилли даже предположила, что Марни могла рассказать внучке о том случае с девочкой-нищенкой, ведь с какой стати иначе Анна упомянула бы о морской лаванде?

– Но ведь Анна тогда совсем маленькая была, – сказала миссис Линдсей, и Джилли с ней согласилась.

Тогда Анна, с трудом подбирая слова, рассказала им то, о чем не упоминала никогда и никому, – о том, что Болотный Дом с самого начала показался ей странно знакомым, словно давно забытый друг.

– Конечно! – сказала Джилли. – Еще бы!

Если Анна в самом деле постоянно рассматривала открытку (а ведь она рассматривала, да еще как, – пока та не рассыпалась!), в глубине памяти должно было что-то остаться, хотя осознанных воспоминаний она и не сохранила. По словам Джилли, примерно так было и в рисовании. Места, где приходилось рисовать на пленэре, остаются в памяти на всю жизнь, ведь ты подолгу вглядываешься в них, пока они не становятся буквально частью тебя...

И кстати, ей как раз кое-что вспомнилось. Она ведь захватила с собой рисунок, сделанный тогда на болоте. Предназначался он, вообще-то, в подарок миссис Линдсей, но ведь та наверняка не будет возражать...

– Да неужели! – сказала миссис Линдсей. – Напротив, очень удачная мысль!

Тут же картина была распакована и вручена Анне. Она изображала Болотный Дом – точно таким, каким она его впервые увидела: весь передний план занимала вода, зритель как будто стоял в ней по щиколотку... Анна так разволновалась, что еле сумела выдать несколько слов благодарности.

А потом, когда наконец зашла речь о приготовлениях ко сну, Эндрю вдруг сказал:

– А у меня для тебя тоже кое-что есть!

Вытащил из кармана сверточек и с поклоном вручил его Анне:

– Вот вам, леди Марианна, персональная зубная щетка!

Глава тридцать седьмая

Прощание с Многоватиком

Стоя у окна Болотного Дома, Анна глядела вниз, на причал. Дело происходило тремя неделями позже, погода стояла ветреная и сырая, отпускники большей частью разъехались. Через два дня предстояло возвращаться в город и Линдсеям, и ей самой.

На причале тоже было безлюдно – маячила лишь одна невысокая фигурка. Анна протерла запотевшее стекло, присмотрелась и узнала Многоватика. Облаченный в непромокаемый плащ, он как раз отчаливал от пристани на своей лодке. Кому еще придет в голову плавать по такой погоде, подумалось ей. У воды сейчас ужас как неуютно, песок весь в оспинах от дождя, колющий тростник так и стелется под порывами ветра... Анна ясно вообразила, как Многоватик тяжелым шагом тащится вдоль края воды, глаза у него слезятся, из носу течет, он высматривает кусочки плавника, старые бутылки, комки липкой смазки... нагибается, подбирая то

или иное выброшенное морем сокровище... Милый старик Многоватик, много лет назад съевший кусок шербета вместе с кульком! Надо бы с ним попрощаться. Мало ли, вдруг она его больше никогда не увидит...

Никем не замеченная, Анна ускользнула из комнаты и выскочила в боковую дверь.

Лодка Многоватика уже миновала особняк. Анна съехала со скользкого откоса, перебежала причал, вскарабкалась на дамбу и помчалась по ее гребню, догоняя уходящую лодку.

– Многоватик!

Он обернулся и заметил ее.

– Я уезжаю! – прокричала она. – До свидания!

Лодка быстро несла его прочь. Сперва было непонятно, расслышал ли он, но потом он слегка кивнул ей. Анна помахала ему, потом прижала пальцы к губам и вновь помахала.

– Я в пятницу уезжаю. До свидания!

Она увидела, как он вздернул подбородок, словно говоря: «А? Ага...» Потом поднял руку и сделал движение, будто торжественно честь отдавал. И лодка исчезла за поворотом залива.

Анна осталась стоять, глядя ему вслед. Чайки с криками вились над ее головой. Ветер гнал мелкие колючие волны, болото по ту сторону залива казалось серым и неприятным. Теперь, когда скрылся из виду Многоватик, кругом не было ни единой живой души. Мир казался совершенно безлюдным. В полном одиночестве Анна стояла на гребне дамбы под низким свинцовым небом.

Как хорошо все-таки, что она с ним попрощалась. Другого столь же одинокого человека она никогда не встречала. А ведь у него было десять родных братьев и сестер! Анна была одинокой оттого, что осталась на свете совсем одна. Как Марни...

Дождь все усиливался, он впитывался в ее одежду, но это не имело никакого значения. Тепло шло изнутри, из души. Повернувшись, она побежала вдоль дамбы назад, думая о странных смыслах слов «внутри» и «снаружи». Какая разница, сколько народу вокруг, одиночка ты или живешь в большой семье! Например, Сцилла и даже Эндрю временами оказывались «снаружи». Теперь Анна знала: все зависит от того, как ты себя ощущаешь глубоко в душе.

Еще минута-другая, и она снова войдет в Болотный Дом, усядется со всеми у огня, пахнущего дровяным дымком, протянет ноги поближе к теплу, возьмет в одну руку чашку чая, а в другую – подогретую булочку... Но и тогда ощущение бытия «внутри» не станет сильнее, чем прямо сейчас,

пока она бежала по дамбе, под дождем, под порывами холодного ветра.

Ветер гудел у нее в ушах, так быстро она бежала. Анна кричала и пела во все горло. Ей даже вспомнилось, как когда-то – господи, когда это было? – она мчалась по дамбе на таком же ветру... и точно так же чувствовала себя счастливой. А было это, когда она дружила с Марни, в тот раз, когда они впервые отправились за грибами – и в самый первый раз почувствовали дружескую близость.

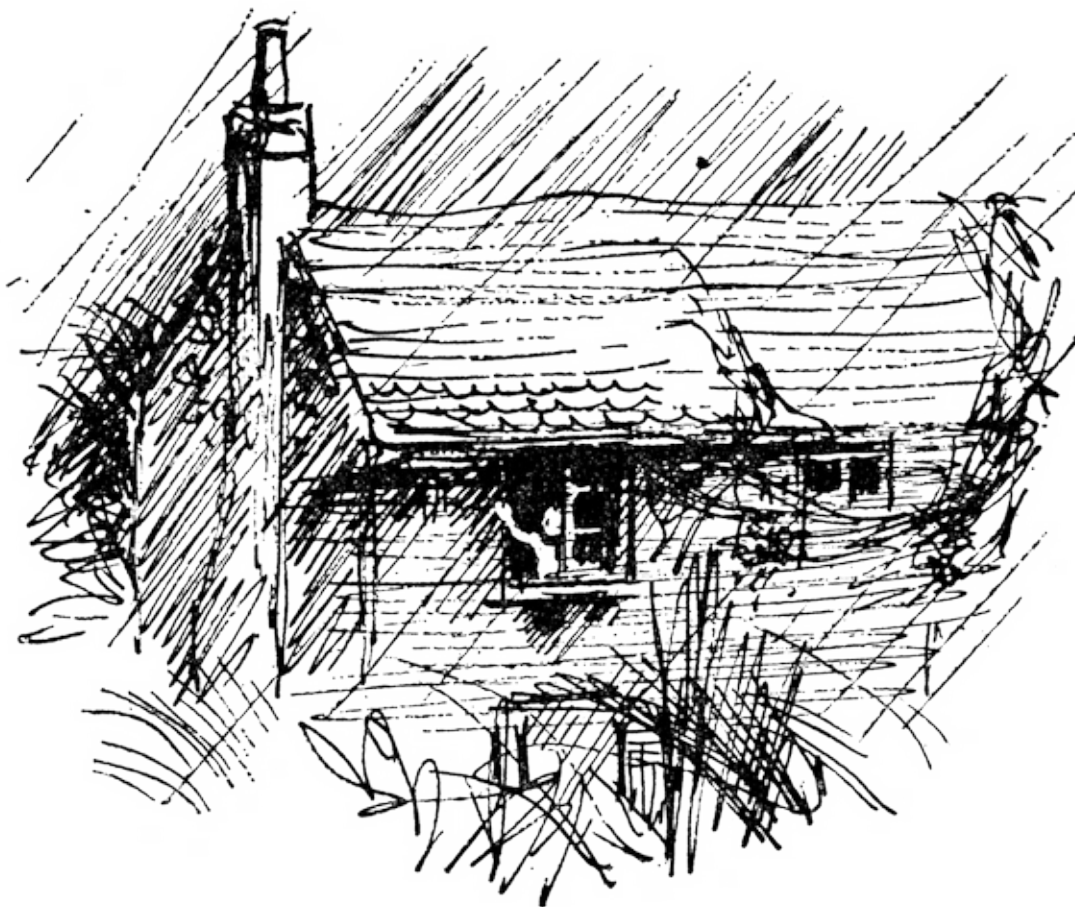
Анна съехала по траве на пристань. Травянистый откос был слишком скользким, чтобы по нему влезть, так что она побежала полоской суши, обнаженной отливом. Откуда-то сверху прилетело, кувыркаясь, белое перо чайки и упало к ее ногам. Анна подхватила его, пока снова ветром не унесло, и вскинула взгляд.

На миг ей показалось, будто она кого-то увидела... Маленькую девочку с длинными светлыми волосами, что махала ей из верхнего окошка Болотного Дома...

Нет, конечно же, там никого не было. Лишь занавеска рвалась наружу и хлопала на ветру. Это, должно быть, Сцилла забыла окно закрыть. Самое крайнее окно – в комнате, где некогда жила Марни... Анна немного постояла, глядя, как дождь бьет в стену дома и ручьями сбегает по стеклам. Это что-то напоминало ей, но вот что?..

Потом она сообразила.

Миссис Линдсей как раз накрывала к чаю, когда Анна вошла в боковую дверь. Миссис Линдсей оглянулась на нее и пришла в ужас.

– Боже всемилостивый! – вырвалось у нее. – Да с тебя прямо течет! Что случилось? Ты наружу ходила? В такой дождь?..

– Да, – ответила Анна и засмеялась. – Только теперь я внутри.

– С ума сойти! – сказала миссис Линдсей, глядя на цепочку мокрых следов и лужицы возле Аннинных ног.

Позже она созналась мужу, что у нее просто духу не хватило выбрать девочку – та выглядела необъяснимо радостной и счастливой.

– И вот еще кое-что, – добавила миссис Линдсей. – Когда она вошла, дети снова рассуждали о Марни. Никак не могут пережить эту историю! И Мэтт, он же у нас тактом не отличается, возьми и заметь: бедная Анна, они же, мол, так и не познакомились! И ты знаешь, что она ему ответила? «Я когда-то знала ее!» Вот так прямо и сказала, именно такими словами. Что ж, все правда, только она тогда совсем маленькая была. Меня другое удивило – она сказала это и рассмеялась! Как будто ей в самом деле есть что вспомнить!

Постскрипtum

Поскольку моей матери больше нет с нами и она не может сама рассказать, как у нее рождался замысел этой книги, я вам поведаю об истоках этой истории – о летних каникулах в одной из деревень Северного Норфолка.

Когда я была ребенком, мы проводили там каждое лето. Каждый день ходили на пляж через соленое болото: там был островок, покрытый дюнами и заросший тростником. Мы купались в холодном Северном море, потом находили место между холмами и устраивали пикник. На пляж, подобно нам, приходили одни и те же семьи. У каждой было свое излюбленное местечко, одно и то же из года в год, – пока не разразился ужасный шторм, смывший дюны. Перекусив, дети на островке сбивались в стайку и подолгу гуляли вдоль воды. Мы собирали плавник, чтобы связать плот, строили из песка запруды и прокладывали каналы, пока взрослые дремали на солнышке.

Год, когда началась история Марни, был похож на все предыдущие, только я успела подрасти, а дети, строившие песчаные замки, принадлежали уже к следующему поколению тех же самых семей.

Однажды теплым вечером, когда солнце низко висело над горизонтом, моя мама шла домой по тропинке через болото: впереди, по ту сторону залива, тянулся небольшой ряд домов. Справа виднелась приземистая черная Караулка, рядом – Житница; уютный такой дом, длинный и невысокий, у него были стены из красного кирпича, синяя дверь и такие же оконные рамы. Было очень тихо, вода стояла низко, на берегу почти никого не было. Только чайки кричали – крупные, с черными спинками.

На полпути мама остановилась понаблюдать за утками, возившимися в грязи. Когда она снова посмотрела вперед, ей показалось, что Житница словно бы растворилась, слилась с окружающим. Лишь через несколько минут солнечные лучи снова заиграли на кирпичной кладке, и дом сделался виден.

Тропинка кончилась, она пересекла полоску песка и вброд пошла по мелководью. В верхнем окне Житницы виднелась маленькая девочка: она сидела в комнате, ей расчесывали волосы... С этого и началась «Марни».

Родители продолжали ежедневно посещать островок. После купания они, увязая в сыпучем песке, поднимались на дюны; здесь мама размышляла над характерами Марни и Анны и делала пометки в маленькой

записной книжке с твердой черной обложкой. У нее сохранились яркие воспоминания о своем детстве; например, переживания Анны с ее «обычным» выражением лица и ощущением отчужденности – то, что она называет «снаружи», – были во многом заимствованы из ее личного опыта.

Под конец того лета мои родители вернулись домой. Мамины заметки заполнили уже несколько записных книжек, начал формироваться сюжет. Она работала над книгой в маленькой сторожке; туда провели свет, поставили обогреватель – и ничто не отвлекало ее, только голоса птиц да временами забредавшая кошка. Примерно через полтора года она перешла от записных книжек к пишущей машинке, старой и дребезжащей... получившаяся рукопись была отослана в издательство. Помню мамин восторг, когда книга была принята и подруга по имени Пегги Фортнум согласилась сделать иллюстрации. Правда, в последний момент название пришлось изменить: вместо «Марни» стало «Когда здесь была Марни». Это оттого, что за несколько недель до выхода книги в прокате появился фильм Альфреда Хичкока с таким же названием.

Книга имела оглушительный успех, ее перевели сразу на несколько языков. Летом 1971 года Би-би-си отправило в приморскую деревню фотографов – сделать снимки для детской передачи «Джеканори». Мама не смогла тогда поехать в Норфолк, так что команду встретили мы с мужем и показали им окрестности. Они просмотрели множество местных девочек и в конце концов выбрали среди них Марни и Анну. Хорошо помню, как они облачали Марни в длинную ночную рубашку...

Мы предложили им всяческую помощь со съемками. И нашим первым заданием стало раздобыть пару гребных шлюпок – одну для фотографа, другую для руководителя съемок. Помню, в моей лодке был фотограф. Весенний прилив создавал нешуточное течение; мне приходилось грести как сумасшедшей, чтобы удержать лодку на месте, фотограф же, опасно свесившись за борт, снимал Марни у края воды, ловил солнечные зайчики на волнах. По завершении трудовой недели команда угостила нас чудесным ужином в местном ресторане. Позже мне стало известно, что за те снимки Марни фотограф был удостоен награды.

Через тридцать лет после выхода книги мне рассказали, как в деревню приехал гость из Японии: он пытался найти Литл-Овертон. Когда-то в юности этот человек прочел «Когда здесь была Марни» в переводе на японский. Книга произвела на него огромное впечатление, он захотел своими глазами увидеть места, где разворачивалась эта история.

Стоял конец сентября; он приехал из Японии в Лондон всего на несколько дней. Он едва говорил по-английски и понятия не имел, где

может находиться Литл-Овертон. В качестве путеводителя у него была только книга. Он сел на поезд до Кингс-Линна, как по сюжету сделала Анна, а там пересел на автобус, шедший вдоль побережья. В автобусе было полно пассажиров, все были к нему очень доброжелательны – но никто из местных даже не слышал про Литл-Овертон. На каждой остановке кто-нибудь выходил, в конце концов японец остался один и начал слегка нервничать. Потом автобус повернул – и на глаза ему попался ветряк.

«Стойте, стойте! – попросил путешественник. – Я, кажется, приехал!»

И выскочил из автобуса. Но деревня вовсе не была Литл-Овертоном – она называлась Барнэм Овери.

Отчаявшийся японец добрался до местного паба. Хозяин заведения уверил его, что он пришел как раз туда, куда следовало, и повел к заливу. Могу представить волнение гостя, когда он наконец там оказался. Увидел, как наступает на сушу прилив, как покачиваются лодки, стоящие на якорях... дикую пустошь, птиц – и дом, возле которого когда-то все началось.

В тот вечер, ища, где бы остановиться, приезжий заметил дом с японским названием. Он постучался – и познакомился с женщиной, которая не только сумела понять историю его поездки, – она, оказывается, была родом из того же края в Японии. Позже она съездила к нему на родину и в качестве подарка привезла фотографию моей матери.

Всю свою жизнь моя мама была тесно связана с Норфолком. Однако с 1950 года она испытывала к Барнэм Овери совсем особое чувство. Так что в 1988 году, когда она ушла из жизни, мы устроили ей похороны на маленьком кладбище при церкви Святого Клемента, в деревне, вдохновившей ее к написанию не только этой книги, но и других повестей: «Чарли», «Мег и Макси» и «Летний сюрприз».

Дебора Шеннард, апрель 2002 года

Примечания

Район на северо-востоке Большого Лондона – когда родилась писательница, его застройка едва успела начаться.

Это цитата из Библии – так апостол Павел в одном из своих посланий напутствовал христиан из греческого города Фессалоники.